

Князь Андрей Михайлович Курбский

«История о великом князе Московском»

Публикуется по изданию: А. М. Курбский «История о великом князе Московском» // УРАО, 2001

Абсолютное соответствие текста печатному изданию не гарантируется

© Золотухина Н.М., составление, вступительная статья, комментарии

© УРАО, издание

Н.М. Золотухина

Князь Андрей Михайлович Курбский и его «История о великом князе Московском»

Фигура самого князя Курбского и его творческое наследие издавна привлекали внимание исследователей. Его перу атрибутируются несколько самостоятельных произведений и переводов, сделанных им с греческого и латинского языковⁱ. Среди его собственных трудов наибольшей известностью пользуются четыре Послания, направленные царю Ивану IV, Послания разным лицам и особенно «История о великом князе Московском» (далее в тексте — «История»). Значение последней на протяжении всего времени со дня ее написания оценивалось очень высоко.

Первый публикатор всех произведений князя А.М. Курбского Н.Г. Устрялов называет «Историю» «величественным памятником нашей истории» и полагает, что ее «не следует оставлять на полке в недоступных книгохранилищах», так как история всегда поучительна. «И никогда еще, — писал Устрялов более чем сто лет назад, — она не была столь поучительна, как в наше время»ⁱⁱ.

Я думаю, что это высказывание вполне может быть отнесено и к нашей современности, да наверное и ко всем последующим эпохам.

К историческим памятникам непреходящей ценности относит «Историю» и другой дореволюционный исследователь — А.Н. Ясинский, характеризуя ее как ценный исторический источникⁱⁱⁱ.

«История» Курбского неоднократно изучалась и использовалась учеными-богословами, которые ссылались на нее как на собрание достоверных фактов, освещающих отдельные события церковной жизни и ее деятелей^{iv}.

Современные ученые также высоко оценивают «Историю», рассматривая ее как «ценнейший памятник по истории внешней и внутренней политики, а также общественной мысли русского государства второй половины XVI в.»^v

Богатство содержания этого источника и его связь с политикой отмечает и С.А. Елисеев, который обращает внимание на соответствие основного идейного материала этого произведения общей концепции развития в России гуманистических традиций философии.^{vi}

Филологами также неоднократно исследовался писательский талант Курбского, особенности сюжетного построения и жанрового разнообразия «Истории»^{vii}.

Особое внимание обращалось на ценность этого труда при изучении истории опричнины, ибо в нем содержатся сведения, отсутствующие в других источниках того времени. Так,

С.Б. Веселовский, реконструировавший Синодик опальных царя Ивана Грозного, многократно использовал «Историю» как источник. В некоторых случаях ему удалось подтвердить сведения Курбского известиями иных источников, а в ряде других — отметить уникальность фактов, изложенных этим писателем. К «Истории» Курбского С.Б. Веселовский также неоднократно обращался и при написании своего выдающегося труда «Исследования по истории опричнины», практически изменившего понимание и оценку опричных мероприятий в исторической, а особенно историко-правовой науке^{viii}.

Проливали свет «История» и на определенные аспекты географических и генеалогических изысканий^{ix}.

Наших современников занимает также и история политической эмиграции^x.

Однако наименьшим вниманием пользовался этот памятник у историков-юристов, в связи с чем неисследованными остались политико-правовые взгляды А.М. Курбского. Между тем именно свой политико-правовой идеал он противопоставлял существующей действительности того времени. Политические и правовые воззрения А.М. Курбского представляют интерес не только потому, что им было дано первое в истории русской политико-правовой мысли «последовательное развенчание тирана»^{xi}, но и сформулирован самостоятельный государственно-правовой идеал, основные черты которого и подвергаются анализу в настоящей статье.

Но прежде чем приступить к исследованию политико-правовых воззрений Курбского, в основном наиболее ярко выраженных в его «Истории» и переписке с царем Иваном IV, необходимо затронуть несколько спорных вопросов в биографии этого видного политического деятеля, так как они также проливают свет на его политическую позицию и взгляды.

Кем был А.М. Курбский в событийной канве XVI в.? Какова его политическая ориентация? Как рассматривать и оценивать его отъезд в Польшу и переход на сторону польского короля?

Данные вопросы затрагиваются практически всеми исследователями творчества этого писателя и мыслителя, но до настоящего времени не имеют однозначного решения. Чтобы ответить на них, следует обратиться равно как к истории, так и к современности.

Биография князя А.М. Курбского изучена, к сожалению, недостаточно. Известно, что он родился в 1528 г. Себя он считает потомком Владимира Мономаха, а непосредственное родословие возводит к святому чудотворцу Федору Ростиславичу Смоленскому и Ярославскому. Еще в первой половине XVI в. Курбские превратились в служилых князей великого князя Московского, так что Андрей Михайлович провел свою молодость при великокняжеском, а затем (после 1547 г.) и царском дворе. Его мать была дочерью крупного государственного деятеля В.М. Тучкова, а отцом был М.М. Курбский — член Боярской думы. Жизнь родителей не была безоблачной, так как М.М. Курбский, видимо, был замешан в придворных интригах и даже «было ему гонения многа и убожества». В дворцовых интригах участвовал и дед князя Андрея по матери — В.М. Тучков. Приближенным ко двору, а затем попавшим в опалу был и другой родственник Курбского — Семен Федорович Курбский^{xii} (двоюродный дед писателя). О В.М. Тучкове и Семене Курбском сохранились известия как о людях весьма образованных. Все они к тому же были прославленными воеводами.

Точно не известно, было ли у родителей Курбского два или три сына. В числе братьев Курбского упоминаются Иван и Роман, но некоторые исследователи утверждают, что упоминание имени Романа ошибочно. Что же касается жены Андрея Михайловича, то здесь вопросов много. Даже имя ее точно не установлено: ее называют то Ириной, то Гликерией. Судьба ее после побега мужа неизвестна. Была ли она брошена в тюрьму и погибла там вместе с сыном или ей удалось скрыться и впоследствии принять постриг в

Тихвинской обители под именем Глафиры, утверждать трудно. Сам А.М. Курбский не имел точных сведений о судьбе своей семьи и высказывал только предположения.

Есть разногласия и по поводу двух браков Курбского в Польше. Н.Г. Устрялов называет жену Курбского Еленой Дубровицкой, а Ясинский — Марией Гольпанской. Второй польской женой князя была Александра Семашкова, от которой у него было три сына и одна дочь. Известно также, что правнуки Курбского Яков и Александр выехали из Польши и поселились в России в правление царевны Софьи. Фамилия их еще в Польше была изменена, и вместо Курбских они стали именоваться Крупскими.

Установлено также, что все имущество А.М. Курбского, включая земли, которыми он владел в Польше, после его смерти в 90-х гг. XVI столетия были конфискованы короной. Сам А.М. Курбский умер в мае 1583 г. в своем имении в Ковеле и похоронен в Ковельском монастыре Святой Троицы в Вербке^{xiii}.

Современники князя, равно как и последующие исследователи его творчества, отмечали большую образованность князя Андрея. Он изучил древние языки (греческий и латынь), владел несколькими современными, увлекался переводами, да и в оригинальном творчестве ему удалось «постичь тайну исторического искусства».

Князь обладал хорошей библиотекой, много читал, беседовал с учеными-богословами и печатниками. Считая себя учеником и последователем Максима Грека^{xiv}, Курбский, как и старец Максим, различал богословские и светские науки (по выражению Максима Грека, «внешние»), среди которых упоминал грамматику, логику, риторику, астрономию и философию. В предисловии к переводу Иоанна Дамаскина он советовал молодым людям не только изучать Священное Писание, но и светские науки, не лениться, ездить в другие страны, если на родине учителей не найдется. Обращаясь к ученому монаху Амбросию, с которым они вместе переводили сочинения Григория Богослова, Курбский просил его перевести на русский язык сочинения древних мыслителей и тем «явить любовь к единоплеменной России и ко всему славянскому языку»^{xv}.

Но не только сочинения западноевропейских мыслителей были предметом его изучения и размышлений. Князь Андрей хорошо знал и труды русских писателей. Так, он был в курсе всего круга политико-правовых проблем, обсуждавшихся в политической полемике его времени. Безусловно, он был знаком с острой публицистикой нестяжательского и иосифлянского направлений мысли, возникших во внутрицерковной среде, а затем выплеснувшихся в политические споры, захватившие широкие круги общества. Сам Курбский придерживался нестяжательской ориентации во взглядах^{xvi}. Несомненно знал он и произведения более ранних мыслителей, что явно ощущается как в круге затронутых им проблем, так и в способах их разрешения. Известны ему и произведения его «превозлюбленного учителя» Максима Грека и его ученика, писателя Зиновия Отенского^{xvii}, высказавшего свой взгляд на форму правления и организацию правосудия в стране. Прославился Зиновий фундаментальным разоблачением «Нового учения» Феодосия Косого, бежавшего в Литву («Истины показания к вопросившим о Новом учении»).

По долгу службы читал князь Андрей, вероятно, и челобитные КС. Пе-ресветова, предложившего правительству Ивана IV программу реформ, которая почти полностью была реализована в 50-е гг. XVI столетия. Встречаются в произведениях Курбского и формулы, используемые старцем псковского Великопустынского Елеазарова монастыря Филофеем в его Посланиях к великим князьям: Василию Ивановичу и Ивану Васильевичу.

Влияние произведений Курбского на современников и последователей было весьма значительным. Не только отдельные «обличения», но и вся концепция «Истории» не как хронографии, а как труда, ставящего себе задачей исследовать и понять причины

происходящего «злодейства», оказали серьезное влияние на историков, политических мыслителей и писателей. Государев дьяк Иван Тимофеев, исследуя в своем «Временнике» причины, в силу которых «наказана наша страна, славе которой многие славные завидовали, так как много лет она явно преизобиловала всякими благами», пришел к выводу, что причиной всех обрушившихся на Россию «наказаний» и бед (Смута 1598—1613 гг., Самозванцы, интервенция поляков и шведов) является опричнина Ивана Грозного, в результате введения которой сам царь действовал как «мирогубитель и рабубитель». Он разделил землю своего государства («как секирой рассек») на две половины и натравил одну половину единоверных людей на другую, «вельмож, расположенных к нему, перебил, а других изгнал в страны иной веры», играл «божьими людьми» и церковью, верил ложным доносам, награждал своих «словоласкателей», а сам был лишь «лживым храбрецом». Тимофеев почти в тех же выражениях, что и Курбский, отмечает полное крушение правосудия в стране^{xviii}.

Этот писатель XVII в. безусловно обнаруживает знание произведений Курбского, как в концепции замысла, так и в отдельных словесных формулировках. Сам Иван Тимофеев был человеком образованным, и современники называли его «чтецом и временных книг писцом».

Влияние трудов Курбского обнаруживается и в произведениях писателей XVIII, XIX и XX вв., о чем уже было сказано выше.

Карьера А.М. Курбского в начале его деятельности складывалась весьма удачно, благодаря его личным, весьма недюжинным заслугам; как отмечает сам князь, «чин боярина, советника и воеводы» он получил за беззаветную службу царю и своему отечеству. В 1550 г. воевода награждается землей, в 1552 — получает чин боярина, а затем и звание Слуги, которое, как сообщает Н.Г. Устрялов, имели немногие, и среди них известны только: Д. Щеня, Семен Ряполовский, князь Коркодинов, М.М. Воротынский и М.И. Воротынский^{xix}.

А.Н. Ясинский отмечает, что после победы над крымцами (1552) Курбский возвратился в Москву, «чтобы принять участие в обсуждении государственных дел». Ясинский не сомневается в том, что Курбский был не только членом Боярской думы, но активно принимал участие в делах правительства. Современный ученый С.О. Шмидт также полагает, что Курбский играл «заметную роль в общественной жизни того времени». Эту точку зрения поддерживает и Ю.Д. Рыков^{xx}.

Напротив, в настоящее время появились высказывания, оспаривающие данный взгляд на политическую карьеру Курбского. Так, Д.Н. Альшиц и А.И. Филюшкин полагают, что нет данных для того, чтобы считать князя Андрея приближенным к государю и тем более членом Боярской думы, а мнение о его участии в разработке реформ 1550-х гг. основано только на его собственных заявлениях, кроме того, утверждает А.И. Филюшкин, «его подпись отсутствует на документах по разработке реформ 1550-х годов»^{xxi}. В данном случае, как представляется, не так важно, стояла ли его подпись под документами, которыми вводились те или иные преобразования в стране. Здесь скорее имеет значение та линия в политике, которая им поддерживалась, и то, на какие ценности он ориентировался в моделировании желательных с его точки зрения политических порядков. Академик А.Д. Сахаров также не подписывал никаких документов, но его политическая ориентация не вызывает сомнений, так же как и его влияние на целый ряд политических процессов, происходивших в нашей стране.

Политика правительства 40—50-х гг. XVI в. и проводимый им курс реформ практически полностью соответствовали тем политическим и правовым взглядам, которые А.М. Курбский неоднократно высказывал почти во всех своих произведениях. Во время преобразовательного подъема это правительство, образовавшееся в начале 50-х гг. при молодом царе Иване IV, известное впоследствии под названием Избранной рады (кстати,

с легкой руки именно А.М. Курбского), провело ряд реформ, затронувших разнообразные области организации и управления в стране. Так, был принят ряд административно-финансовых узаконений, в результате которых вводилась новая налоговая система и уничтожались наместничества. «Указом о кормлениях» устанавливались новые формы местного управления, «Приговором 1551 г.» и «Уложением о службе 1556 г.» оформлялись основы формирования постоянного стрелецкого и поместного войска. Принятие Судебника 1550 г. и «Уложения о новых формах суда» определило правовые основы деятельности всех органов государства.

По кругу вопросов, которые регулировались новым законодательством, а также по уровню юридической техники русская юридическая культура превосходила в этот период общеевропейский уровень.

В середине XVI в. начали формироваться Соборы. В этот период они не имели еще четкой социальной структуры, порядка образования и определенного политического статуса, но тем не менее соборная форма предусматривала необходимость широкого коллегиального «решения политических дел — общегосударственных, военных, судебных... она существовала и развивалась в рамках централизованного государства и содействовала его дальнейшей централизации». При этом, как далее отмечает С.О. Шмидт, Соборы не являлись помехой и не ограничивали царскую власть^{xxii}. Напротив, Р.Г. Скрынников усматривает в наличии Соборов безусловное свидетельство ограничения царской власти^{xxiii}. Вопрос о соотношении формы правления и политического режима (опричины) до настоящего времени решается в науке различно.^{xxiv}

Л.В. Черепнин (в данной исторической ситуации) выделяет наличие двух тенденций, как в государственном строительстве, так и в сопровождавшей его политической идеологии, которые отвечали идеалам разных социальных групп класса феодалов. Первая из них, опиравшаяся на реформы 1550-х гг., предполагала развитие принципа сочетания «учреждений приказного аппарата с органами сословного представительства в центре и на местах». Вторая тенденция, проводимая непосредственно самим царем Иваном IV, заключалась в утверждении принципа неограниченной власти царя с установлением деспотического политического режима при помощи опричных порядков.^{xxv}

Князь Андрей Курбский в своей политической ориентации придерживался первой из упомянутых тенденций.

Особенность изучения его творческого наследия заключается в том, что его политическая позиция, благодаря эмиграции, изложена свободно и без недомолвок, поэтому здесь гадать не приходится.

Действительно, прославленный воевода, известный во всем государстве, выступил с политической программой, оппозиционной существующему политическому режиму и в определенной степени официальной политической доктрине. Ни до него, ни весьма долго после него (практически до Н.М. Карамзина) никто не осмеливался критиковать венценосца, ибо библейский тезис «не прикасайся к помазаннику моему» был практически законом. Иван Тимофеев, написавший свой «Временник» уже в начале XVII в., пытался лишь «в мале и прикровении словес» «раскрыть весь стыд венца» Ивана IV. Курбский изложил свои взгляды, как критические, так и позитивные, вполне свободно, и оцениваться они должны также свободно и неконъюнктурно.

В литературе о Курбском, как дореволюционной русской, так отчасти и современной, сложилась устойчивая схема, согласно которой основные политические фигуры, принимавшие активное участие в жизни русского общества середины XVI в., противопоставались следующим образом: Иван IV именовался защитником единой державы, проводником прогрессивной политической идеологии, а Курбский, в свою очередь, представлялся «защитником старобоярских порядков», выдвинувшим

теорию, обосновывающую «феодалное право отъезда», и идею «раздробления на ряд независимых вотчин» централизованного государства. Одним из первых, положивших начало такой традиции, был историк С.Ф. Платонов^{xxvi}. Впоследствии эта точка зрения стала весьма распространенной. В.С. Покровский также называл Курбского «защитником старобоярских порядков», отстаивавшим «старинные боярские права» и в том числе «право отъезда», «идею раздробления единого государства на ряд независимых боярских вотчин»^{xxvii}. С.В. Бахрушин, в свете этого противостояния, оценивает Ивана IV как «крупного государственного деятеля, верно понимавшего нужды своей страны», а Курбского — как апологета боярства, «бывшего удельного князя (? — Н.Э.), изменившего своей стране»^{xxviii}. О.А. Державина полагает, что Курбский «не понимал подлинных причин, заставивших царя ввести опричнину, этого важного мероприятия»^{xxix}, а Я.С. Лурье не усматривает в программе Курбского «ничего отличного от государственного устройства, существующего в те годы на Руси»^{xxx}.

На мой взгляд, различия весьма существенны и касаются они, прежде всего, формы правления и политического режима, и по этим вопросам Курбский выступил прямым оппонентом царя и его партии.

Более углубленное изучение проблемы, расширение источниковой базы, достигнутое трудами современных ученых, привлечение новых материалов, многоаспектность научного поиска «показали недостаточную обоснованность некоторых представлений, считающихся общепринятыми, и обнаружили лакуны в традиционной тематике исследований...»^{xxxi}.

Так, датский ученый Неретрандерс пришел к выводу, что Курбский не ставил себе задачей возвращения старобоярских порядков и стремился только к ограничению «опасного и губительного культа царя Ивана IV»^{xxxii}, а Ю.Д. Рыков пересмотрел и уточнил оценку политической позиции Курбского. Если в 1972 г. в своем диссертационном исследовании он утверждал, что «система взглядов Курбского отражала идеологию феодальной аристократии, выступающей против усиления царской власти», то в статье «Государственная концепция Курбского», опубликованной в 1982 г., он характеризует автора «Истории о великом князе Московском» как «выразителя интересов наиболее дальновидных кругов русского боярства XVI в.»^{xxxiii} Л.В. Черепнин полагает, что политическим идеалом мыслителя было воплощение «идеи сословного представительства»^{xxxiv}. Соответствие доктрины Курбского реформаторской деятельности Избранной рады отмечали А.А. Зимин и А.Л. Хорошкевич^{xxxv}.

В свете сохраняющихся разногласий представляется необходимым проведение более тщательного анализа именно политических взглядов А.М. Курбского, непосредственно его политической программы, составляющих ее компонентов и свойственного ему правопонимания.

Форма изложения политических взглядов у Курбского по многим параметрам остается теологизированной. Он человек глубоко религиозный и ярый приверженец православной конфессии христианского вероучения, что не могло не сказаться на содержании его доктрины.

Понятие о власти, источнике ее происхождения, сущности и назначении теологично, и вся конструкция имеет теоцентрическое построение: в центре расположено вечное, неизменное и вневременное абсолютное начало — Бог и его воля, которая и является источником власти в государстве, ибо «цари и князи от всевышнего помазуются на правление... Державные призванные на власть от Бога поставлены».

Назначение власти заключается в справедливом и милостивом управлении державой ко благу всех ее подданных и праведном (правосудном) разрешении всех дел. Правый суд и его вершение — первейшая задача правителя. Интересны мысли Курбского о том, что

роль верховной власти не только почетна, но и ответственна; она, прежде всего, связана с делами по управлению государством и осуществлением судебных функций. Вслед за Зиновием Отенским Курбский не одобряет праздного времяпровождения облеченных высшей властью лиц. Но если Зиновий требовал исполнения служебного долга от царского наместника в Пскове Я.В. Шишкина^{xxxvi}, то Курбский с теми же требованиями обращается непосредственно к самому царю. Так, например, он не одобряет частых и длительных поездок царя на богомолье в дальние монастыри, считая такое занятие пустой тратой времени. Цари прежде всего должны радеть о государственных делах, которые как раз по избранничеству и надлежит делать «царем и властем», а не тратить свое время и силы на богомольные поездки по монастырям, куда корысти ради их приглашают монахи. Такие поездки и обычно сопровождающую их «милостыню» Курбский осуждал. Показную приверженность Ивана IV к широковещательному отправлению религиозного культа воевода называл «благочестием ложным и обещанием Богу сопротивным разуму»^{xxxvii}.

Нынешняя власть в лице Ивана IV и его «злых советников» отклонилась от выполнения задач, возложенных на нее высшей волей. Существующую власть и персонально ее носителя Курбский лишает божественного ореола, называя ее «безбожной» и «беззаконной».

На царском престоле оказался человек, не подготовленный надлежащей системой образования и воспитания к такой миссии, как управление державой. Он груб и неучен, воспитан «во злострастиях и самовольстве». Такому человеку «неудобно бывает императором быти»^{xxxviii}.

Однако в первую половину царствования, когда власть была ограничена мудрым Советом (Избранной радой), в состав которой предположительно входили протопоп Благовещенского собора Сильвестр, костромской дворянин А. Адашев, сам Курбский, Д. Курлятев, митрополит Макарий и другие видные государственные деятели, имена которых точно не установлены, управление государством осуществлялось успешно, как во внешней сфере (казанские походы), так и во внутренних делах (реформы 1550-х гг.)^{xxxix}. При решении государственных дел правительством совместно с царем во всем чувствовалось мудрое правление: в воеводы назначались искусные и храбрые люди, в войсках учреждался порядок («стратилатские чины»), верное служение отечеству щедро вознаграждалось. Напротив, не радевшие отечеству «паразиты и тунеядцы» не только не жаловались, но и прогонялись («нетокмо не даровано», но и «отгоняемо») — такая политика подвигала «человеков на мужество... и на храбрость»^{xl}. «Се таков наш царь был, пока любил около себя добрых и правду советующих»^{xli}.

Упадок в делах царства и сопутствующие ему военные неудачи Курбский связывает с падением правительства и введением опричнины. Роспуск Рады означал полное и безусловное сосредоточение ничем не ограниченной власти в руках Ивана IV. «Скоро по Алексееве смерти и Сильвестрову изгнанию воскурилось гонение великое и пожар лютоости по всей земле Русской возгорелся»^{xlii}. Создав для поддержки своего тиранического режима «великий полк сотанинский» и окружив себя «кромешниками», царь произвел «опустошение земли своея», которого «никогда же не бывало ни у древних поганских царей, не было при нечестивых мучителях христианских»^{xliii}. Далее Курбский подробно анализирует все атрибуты деспотического правления.

В обществе процветала клевета на «друзей и соседей знаемых и мало знаемых, многих же отнюдь не знаемых». Режим благоприятствовал не только «подписным листам», но и тем, в которых значились заведомо ложные авторитеты («подписывают их на святых имена»), или вообще анонимным. Оклеветанных казнили без суда и следствия, зачастую мотивы доносов были корыстны («богатств ради и стяжания») ^{xliiv}.

Весь социальный порядок в государстве был нарушен. Купеческие и землевладельческие чины пострадали от налогов («безмерными дань-ми облагаемы»), мздоимства и казнокрадства («от немилостивых приставов»). Многие крестьяне разорились и снялись с земли и стали «без вести бегунами», иные свободные люди продавали своих детей в рабство («в вечные работы»), другие в отчаянье кончали жизнь самоубийством.

Воинский чин также пришел в упадок, поскольку «лютость власти твоей^{xlv} погубила... многочисленных воевод... искушенных в руководстве войсками», в результате чего великая армия была послана в чужие земли без опытных и знающих полководцев, что привело к «поражению воинскому» и напрасному пролитию крови.

Государственный аппарат (чиновничество) стал работать плохо, служебный долг исполнялся недобросовестно, поскольку чиновничьи посты замещались не достойными людьми, а «обидниками», клеветниками и доносчиками. В чиновничьей среде процветало мздоимство и грабительство в отношении лиц, обращавшихся к ним за защитой своих интересов. Люди перестали получать суд и милость от судей своих.

Обобщив свои критические замечания, Курбский делает вывод о законопреступности такой власти^{xlvi}. Самого властителя — Ивана IV — он сравнивает с царем Иродом, чье тираническое правление стало синонимом жестокости и осуждено еще в новозаветных текстах. Курбский называет Ивана IV тираном, а способ реализации им властных полномочий — законопреступным. Царь не только погубитель высшего духовного лица (прямого выразителя божественной воли), но и нарушитель всего государственного порядка: «чин скверно соделал, царство сокрушил: что было благочестия, что правил жития, что веры, что наказания — погубил и исказил... твоего величества преизобилие злодейства... с кромешниками привело к опустошению вся святорусские земли.

Курбский развил и углубил критику организации суда и судопроизводства, начатую его современниками Зиновием Отенским и Иваном Пересветовым, добавив к ней еще и критику законодательства. Курбский делает предметом рассмотрения не только правоприменительную, но и правотворческую практику, давая первым в истории политической мысли России анализ содержания законодательных предписаний. Опираясь на традиционные понятия правды, справедливости и закона, он довольно четко ставит вопрос о том, что закон, принятый государственной властью, не всегда следует воспринимать как правовое предписание, оказывать ему полное послушание и исполнять его требования, ибо он по своему содержанию может не соответствовать тем критериям, которые должны характеризовать справедливые установления высшей власти. Только разумные веления государственной власти и справедливые ее действия могут быть восприняты всем народом как правовые предписания, необходимые к выполнению.

Анализ правовых взглядов Курбского показывает, что у него наличествует многоаспектное понимание правовых категорий. Следует отметить, что в исходных позициях очевидно прослеживается представление о тождестве права и справедливости. Только справедливое может быть названо правовым. Насилие — источник беззакония, а не права. Только справедливость и правда должны получать воплощение в законе. Здесь рассуждения Курбского во многом восходят к основным постулатам политической теории Аристотеля, по-видимому, сознательно, так как знакомство с трудами античного философа очевидно сказалось на целом ряде политических представлений Курбского.

Излагая свои требования к правотворчеству, Курбский подчеркивает, что закон, прежде всего, должен содержать реально выполнимые требования, ибо беззаконие — это не только несоблюдение, но и создание жестоких и невыполнимых законов. Такое правотворчество, по мнению Курбского, преступно. «Цари и властелины, которые составляют жестокие законы и невыполнимые предписания», должны погибнуть.

В рассуждениях Курбского явно чувствуется знакомство с трудами Цицерона, утверждавшего, что право из бесправия не образуется и источником права не может быть воля властвующего лица. Наличествуют в его правопонимании и элементы естественно-правовой теории, активно обсуждавшейся в трудах западноевропейских мыслителей XVI в. Правда, добро и справедливость воспринимаются как составные компоненты естественных законов, посредством которых Божественная воля сохраняет на земле свое высшее творение — человека. И если это еще не буржуазная трактовка естественно-правовых законов и категорий, то уже явное приближение к ней.

Правоприменительная практика рассмотрена Курбским, как и И.С. Пересветовым, и в судебном, и во внесудебном ее вариантах. Современное состояние суда вызывает глубокое неодобрение у Курбского. Суд совершается в государстве неправосудно и немилостиво. «А что по истине подобает и что достойно царского сана, а именно справедливый суд и защита, то давно уже исчезло в государстве, где давно опровергохом законы и уставы святые»^{xlvii}.

Особое недовольство вызывает у Курбского практика заочного осуждения, когда виновный, а в большинстве случаев просто несправедливо оклеветанный человек, лишен возможности предстать перед судом. Небезынтересно заметить, что принцип объективного вменения, так широко использовавшийся в карательной практике опричного террора, также характеризовался Курбским как проявление беззакония.

«Закон Божий да глаголет: да не несет сын грехов отца своего, каждый во своем грехе умрет и по своей вине понесет казнь». Курбский считает проявлением прямого беззакония, когда человека «не токмо без суда осуждают и казни предают, но и до трех поколений от отца и от матери влекомых осуждают и казнят и всенародно погубляют...», причем не только родственников, но и просто лиц «...сопричастных... не только единоколенных, но аще знаем был сосед и мало к дружбе причастен». Подобную практику он характеризовал как «кровопролитие неповинных»^{xlviii}.

Возражает князь Андрей и против участвовавшей практики применения жестоких наказаний. Особо выделяя среди них смертную казнь, он специально оговаривает, что она должна назначаться в исключительных случаях и только по отношению к нераскаявшимся преступникам^{xlix}. Характеризуя произвол и беззаконие, существовавшие в России, Курбский отмечает распространение жестоких и позорных наказаний, а также практику их осуществления не государственными чиновниками (палачами), а простыми людьми, не имеющими никакого отношения к судебным ведомствам. Заставляют людей обычных, свидетельствует он, «самим руки кровавить и резать человеков».

Другой отмечаемой Курбским формой внесудебного произвола является воздействие на людей с помощью недобровольной присяги и клятвы принуждаемых к определенному поведению, часто безнравственному. Так, заставляют под присягой и крестоцелованием «...не зна-тися не токмо со други, и ближними, но и самих родителей и братьев и сестер отрицатися... против совести и Бога...».

В государстве не стало свободы и безопасности для подданных, не говоря уже о том, что царь ввел «постыдный обычай», затворив все «царство русское, свободное естество человеческое словно в адовой твердыне» и если кто «из земли твоей (Ивана IV. — Н.Э.) поехал... в другие земли... ты такого называешь изменником». Результатом подобного правления Курбский считает оскудение царства («опустошение земли своея»), падение его международного престижа («злая слава от окрестных соседов»)¹, внутреннее недовольство и смуту («нарекание слезное ото всего народа»)¹¹.

Причину «искривления» некогда правильного управления царством Курбский традиционно усматривает в приближении к царю «злых советников». Злому совету придается почти гротескное символическое значение. «Сатанинский силлогизм» злого

советника, монаха Песношского монастыря (что близ Яхромы) Вассиана Топоркова, сыграл, по мнению Курбского, трагическую роль, обеспечив перемену в самой личности царя и образе его действий.

«Лукавейший иосифлянин» дал царю совет о том, чтобы «не держать себе советников мудрее себя», а также и другие лица «из числа монахов и мирских» давали царю подобные злые советы^{lii}.

Установившийся тиранический режим привел к потере значения соборного органа, который стал всего лишь безгласным проводником воли деспота и окружавших его злодеев. Так, однажды Иван IV «собирает соборище не токмо на весь Сенат, но и духовных всех», но это «соборище» своей воли не имеет и не может противопоставить свое мнение требованиям царя, оно становится практически безгласным и действует по указке царя и «некоторых прелукавых мнихов», приближенных к царю, принимая несправедливые и неправедные решения. Вопрос о «винах» Адашева и Сильвестра был на нем поставлен, но по справедливости не разрешен, и члены «соборища» под воздействием царя «...чтут пописавшие вины оных мужей заочне»^{liii}. Курбский довольно тонко подметил, что политический режим террора и беззакония практически сводит на нет все возможности формы правления, даже в том случае, когда собирается Земский собор расширенного состава. Он понял всеобъемлющий характер террора и страха перед ним, но идеалистически предполагал, что смена одних советников — злых и лукавых на других — мудрых, добрых и сведущих может изменить порядки в государстве. Он понимал также, что губительный деспотический режим не может продолжаться долго, и высказал предположение о необходимости приближения его конца насильственным образом. История, утверждал он, знала немало примеров деспотических правлений и дала хорошие уроки подобным правителям. В обычной для религиозного мыслителя манере он предрекает гибель злонамеренной «безбожной власти», от которой подданные терпели «гонения горчайшие и наругания». Гибель такого царства, нередко в прошлом «преславного», может наступить как по воле провидения, так и в результате открытого сопротивления, оказанного подданными правителю, «творящему беззаконие» и не радеющему о пользе своего отечества. Однажды, приводит он пример, взяла себе Черемиса Луговая из Ногайской орды царя, но он не оправдал доверия этого народа, и тогда они «убиша его и бывших с ним татар и главу его отсекоша и на высокое дерево воткнули и глаголали: «Мы было взяли тебя того ради на царство з двором твоим, да оборонявши нас, а ты и сущий с тобою не сотворили нам помощи столько, сколько волон и коров наших поели, а ныне голова твоя да царствует на высоком коле»^{liv}.

Теоретическое положение, выдвинутое Иосифом Волоцким, о праве народа на оказание сопротивления злонамеренной власти получило последовательное развитие в государственно-правовой концепции Курбского, причем характеристика «беззаконного правления» была значительно расширена. Курбский выдвинул также совершенно иные условия, на базе которых может правомерно возникнуть подобное сопротивление. Не отказываясь от элементов сакрализации власти, не умаляя ее значения и авторитета, Курбский, конструируя образ идеального правителя, на первое место выдвигает такие черты, которые характеризуют носителя власти как политического правителя и дают возможность оценивать его деятельность по реальным результатам в социально-политической практике государственного строительства. Особое внимание уделяется умению царя управлять государством и вершить правый суд^{lv}, при этом «самому царю достоин быть яко главе и любить мудрых советников своих, как свои уды»^{lvi}.

Наилучший вариант организации государственной власти — это ограниченная монархия с установлением выборного сословно-представительного органа, участвующего в разрешении всех важнейших дел в государстве. «Царь аще почтен царством... должен искать доброго и полезного совета не токмо у советников, но и всех народных (разрядка

моя. — ЯЗ.) человек, поскольку дар духа дается не по богатству внешнему и по силе царства, но по правоте душевной.

<Неразборчиво>вали большие воинские и политические удачи именно потому, что он часто и помногу советовался «с мудрыми и мужественными сигклиты его» и «ничего не начинал без их совета»^{lvii}. Только царству, управляемому «правильно», сопутствовали победы и успехи. Под «правильной» организацией Курбский подразумевал не только создание «Совета всенародных человек», но и различные «синклиты»^{lviii}, состоящие из советников — «мужей разумных и совершенных во старости мастите сущих, благолепием и страхом Божьим украшенных... и во среднем веку и, такс же предобрых и храбрых и тех и оных в военных и земских вещах по всему искушенных», т.е. специалистов самых различных профилей, без совета которых «ничесоже устроити или мыслити»^{lix} в государстве.

Высшие властные полномочия в стране осуществляются монархом, Земским собором и правительственными органами, одной из главных задач которых является непосредственная забота о соблюдении законности в стране.

Такова политико-правовая концепция и позиция князя А.М. Курбского. Его политический идеал был несомненно прогрессивен, и представления Курбского об организации власти в стране вряд ли могут свидетельствовать о том, что его «идеал лежал не в будущем, а в прошлом»^{lx}.

В истории политической мысли Курбский продолжил, значительно разработав, теорию о возможности оказания сопротивления царю-тирану, дал критику тиранического политического режима, показав губительность его последствий для всей социально-политической и правовой жизни страны. Его позитивная конструкция, предусматривающая создание коллегиальных форм управления страной, изложена схематично, практически им утверждался сам принцип построения наилучшей модели организации власти и управления, возможный в современных ему условиях. Напротив, его критические замечания остры и злободневны. Он дал развернутую критику тиранического опричного режима, и она оказала большое влияние на дальнейшее развитие политико-правовой теории.

И, наконец, последний вопрос: о побеге А.М. Курбского в Литву. Почему князь А.М. Курбский, прославленный воевода, увенчанный лаврами победителя, темной ночью тайно уходит через пролом стены в Дерпте, оставив на родине мать, жену и сына, и сдается на милость польского короля Сигизмунда?

Многие исследователи выносят Курбскому довольно суровый приговор типа: «Князь Курбский изменник и предатель»^{lxi}, «Курбский бежал, изменив Русскому государству во время Ливонской войны»^{lxii}. Один из первых исследователей биографии Курбского Н. Иванишев даже утверждал, что действовал князь Андрей «обдуманно и только тогда решился изменить царю, когда плату за измену нашел для себя выгодной»^{lxiii}. Поддерживая эту точку зрения, А.И. Филюшкин обращает внимание на то, что, когда Курбский был ограблен (! — Н.Э.) польско-литовскими властями при пересечении границы, у него отняли значительную сумму денег в иностранной валюте (злотые, дукаты, талеры и менее всего — московские рубли), что, по мнению исследователя, свидетельствует об определенной подготовке Курбского к побегу^{lxiv}. Сам по себе этот факт ни о чем не говорит, особенно если учесть, что Курбский служил в пограничном городе Дерпте, где, по-видимому, имели хождение все эти виды монет.

Между тем обстоятельства в жизни воеводы складывались неоднозначно и скорее неблагоприятно для него. С 1563 г. Курбский назначен воеводой в Дерпт; сам он оценивает это назначение как начало опалы, о чем он в аллегорической, но легко угадываемой форме сообщает в Послании монахам Псково-Печерского монастыря .

В качестве причин, вызвавших недовольство царя прославленным воеводой, обычно называют проигранную битву под Невелем. С.М. Соловьев даже полагал, что Иван IV в связи с этим сказал Курбскому «гневное слово», которое и могло стать «решительным побуждением для Курбского к бегству»^{lxv}. Кроме проигранной битвы, за которую царь действительно упрекал Курбского, было еще и так называемое Гельметское дело. Курбский вел какие-то переговоры с графом Арцем, в результате которых надеялся присоединить к России ряд замков в Ливонии, в том числе и Гельмет. Но ситуация изменилась, граф Арц был казнен, а Курбский, не зная об этом, явился под стены замка с малым войском, встретил активное сопротивление и, оценив ситуацию как вероломство, отступил. А.Н. Ясинский приводит свидетельство очевидца, торгового человека Франца Ниенштедта, утверждавшего, что вся эта история вызвала подозрение у Ивана IV в отношении Курбского, будто бы последний «злоумышлял» с королем польским, и великий князь (здесь царь. — Н.Э.) решил умертвить Курбского, но тот ночью перелез через городскую стену и бежал к королю польскому. А.Н. Ясинский, приводящий эти сведения, сообщает, что Ф. Ниенштедт ссылался на свидетельства Александра Кенинга, который был слугой сначала у Арца, а затем у Курбского^{lxvi}.

Сохранились сведения о разговоре Курбского с женой, когда он прямо спросил ее: «Чего хочешь ты — мертвым меня видеть перед собой или с живым расстаться навеки?» — «Не только видеть тебя мертвым, — отвечала жена, — но и слышать о смерти твоей не желаю».^{lxvii}

У Курбского были все основания опасаться за свою жизнь. Именно в этом городе печально закончилась карьера его сподвижника по проведению реформ — главы правительства А. Адашева. Н. Устрялов приводит архивные данные, подтверждающие, что Курбский, находясь в Дерпте, через своего родственника получил известие о заочно предъявляемом ему обвинении в заговоре против здоровья царя, его жены и детей. «Мысль о позорной казни после толиких заслуг ожесточила его», и он решил бежать и думал лишь о том, как бы «от казни горло свое унести»^{lxviii}.

В сумме обстоятельств, складывающихся вокруг него, Курбский усматривал опасность для своей жизни, к тому же накануне побега в город приехал Малюта Скуратов с опричниками и князь видел в этом грозное предзнаменование. Малюта Скуратов был одним из главных опричников. «На службе в опричнине Малюта Скуратов играл главным образом роль палача и исполнителя самых дурных поручений царя», так что опасения Курбского были не беспочвенны^{lxix}.

Иван IV в ответных Посланиях князю, а также заявлении польскому королю прямо вменяет в вину Курбскому именно «умышление над государем... над его царицей и над детьми... всякое лихое дело»^{lxx}. Не отрицает царь и того, что действительно имел намерение «его посмири-ти». В настоящее время Б.Н. Флорей обнаружены новые документы, свидетельствующие о предъявлении царем Курбскому обвинения в государственной измене. «К концу 60-х годов... царь прямо бросил в лицо Курбскому обвинение в том, что тот участвовал в действиях, направленных на воцарение Владимира Старицкого». Царь утверждал: «...хотел еси на государстве видети князя Владимира Андреевича мимо государя и государских детей»^{lxxi}. Этот документ является серьезным доказательством того, что царь действительно обвинял Курбского, и разрешением такого обвинения, по всей вероятности, могла бы быть смертная казнь боярина.

Ко времени принятия решения об оставлении отечества прославленный военачальник претерпел уже достаточное количество «напастей и бед и наруганий и гонений». Побегу предшествовал ряд столкновений с царем, и бежать приходилось от более или менее реальной угрозы смерти. Курбский желал избежать позорной и незаслуженной казни, совершавшейся к тому же, по обычаям того времени, без суда.

Опричная политика Ивана IV, сопровождавшаяся террором и массовыми репрессиями в отношении подданных всех сословий, навела, по выражению Н.М. Карамзина, «ужас на всех россиян», который и «произвел бегство многих из них в чужие земли, поскольку люди не хотели подвергать себя злобному своенравию тирана». Спасаясь от несправедливого и главным образом несправедливо реализуемого царского гнева, отечество оставляли лица разных сословий, чинов и состояний, ибо «законы гражданские не могут быть сильнее естественных... повелевающих спасти свою жизнь».

В обоснование своего побега Курбский нигде и никогда не ссылается на феодальное право отъезда (этот мотив приписан ему впоследствии исследователями), к тому времени давно устаревшее и никем не применяемое, а только на текст Нового Завета, в котором рекомендуется бежать от верной смерти. Тот факт, что новозаветный текст адресует эти советы страждущим непосредственно за идеи Христа, а не преследуемым по политическим и иным мотивам, не меняет существа дела, поскольку в средневековой публицистике был исключительно распространен прием исторических аллюзий и сравнительных аллегорий и подобная интерпретация не смущала ни автора, ни читателей. Эти положения воспринимались как абсолютные и наиболее пригодные для разрешения любой ситуации, грозящей обернуться смертельным исходом для страждущей личности^{lxxii}.

Сам Курбский рассматривал свой побег только как вынужденное изгнание («...до конца всего лишен был и из земли Божьей тобою без вины изгнан»^{lxxiii}), неоднократно повторяя при этом, что он считает величайшим позором «без вести бегуном ото отечества быть». Рассматривая свою прежнюю службу на родине, Курбский писал старцу Васьяну в Печерский монастырь, что он всегда доблестно сражался во славу отечества, «полки водил преславно... и никогда бегуном не был»^{lxxiv} и доверенное ему войско не обращал спиной к врагу.

Не преследовал он и целей личного обогащения и выгод, поскольку в эмиграции пребывал «в скитаниях и бедности». Свое изгнание он сам расценивает как политическую эмиграцию, считая себя пострадавшим в связи с переменой политической ориентации царем Иваном IV.

Биография Курбского до побега, равно как и сам побег, не свидетельствуют ни о каких изменнических намерениях. Он не преступил никаких существующих по тем временам правовых и моральных норм. Кстати, нелишне к тому же отметить, что правовой запрет на «уход в иные земли» подданного российской короны впервые был четко означен в новой форме присяги на верность, введенной Борисом Годуновым. «По этой клятве требовалось не изменять царю ни словом, ни делом, не помышлять на его жизнь и здоровье... и не уходить в иные земли»^{lxxv}.

Д.С. Лихачев, квалифицируя действия Курбского как изменнические, относил к ним собственно побег и «участие в дальнейшем в военных и дипломатических действиях против России». Исходя из утверждения факта «измены» Курбского Д.С. Лихачев его политическую теорию рассматривает не иначе как «оправдание жизненной позиции», а критику им тиранического режима Ивана IV — как «игру перед самим собой, стремление оправдать себя в собственных глазах».

Эмиграция определенным образом отразилась на судьбе Курбского. Будучи вынужденным поступить на службу к польскому королю, Курбский оказал ему ряд военных услуг и в том числе участвовал в полоцком походе в составе его войск. Это событие записано в летописных известиях. За два года перед этим (1562) тот же Курбский в составе войск Ивана IV жестоко прошел по этой же самой земле, истребив на ней «большой город Витебск». Летопись подробно описывает злодеяния царского войска, которое шло «с Великих Лук к Витебску»^{lxxvi}. Был сожжен Витебск с прилегающими к нему селами и деревнями, а «идучи... у города Сурожа посадки пожжи и людей многих

побили и многие литовские места воевали и пришли Бог дал на Великие Луки здорово»^{lxxvii}.

Хронологические рубежи этих событий почти отсутствуют, географические границы условны, ибо практически одни и те же места воевода проходил как в составе войск Ивана IV, так и с полками польского военачальника Н.Ю. Радзивилла, притом с одинаковой средневековой жестокостью расправляясь с покоренным населением. В средневековье такая ситуация была скорее нормой, нежели исключением. Так, например, И.С. Пересветов служил в Венгрии в войсках турецкого ставленника Яна Заполи, а затем в армии его противника Фердинанда I Габсбурга. Западноевропейские рыцари, постоянным делом которых была война, ходили в бой под различными знаменами и гербовыми знаками, и действия их не квалифицировались как изменнические. Изменой считался переход на сторону врага на поле боя вместе с доверенным войском.

К тому же не следует забывать, что в опричные времена сам царь Иван IV не стеснялся кровавых военных походов по своей территории, при которых никакие национальные святыни (в поругании которых он так демагогически обвиняет Курбского) им не сохранялись. Так, особой жестокостью, например, отличался новгородский поход (1569—1570), во время которого Иван IV и его опричное войско разгромили города и села по пути к Новгороду и сам Новгород. «Были разгромлены Клин, Тверь, Торжок... Затем Иван IV вступил в Новгород и в течение сорока дней расправлялся с городом и его жителями. Опричники врывались в дома новгородцев, били и грабили всех подряд...»^{lxxviii}. На современников новгородский поход произвел самое отрицательное впечатление: «...ходил царь и великий князь Иван Васильевич всея России в Новгород гневом и многих людей новгородские области казнил многими разноличными казнями: мечем, огнем и водою. И в полон велел имати и грабити всякое сокровище и божество: образы, книги, колокола, и всякое строение церковное»^{lxxix}. Иван Тимофеев красочно описывает все бесчинства, учиненные царем во главе опричного войска над Новгородом и его жителями. Большая часть города была обращена в пепел, жители уничтожены, город приведен «в совершенное запустошение», «дышал (царь. — ЯЗ.) против Новгорода огнем ярости, ненасытно отбирая у всех оставшихся людей, священников, иноков и мирян, последнее серебро; сокрушив их голени, он, подобно псу, уже из сухих костей сосал их мозг Н.М. Карамзин, ссылаясь на многочисленные известия современников, нарисовал страшную картину многочисленных бедствий, постигших Новгород и всех новгородских людей: «2 января (1570) передовая многочисленная дружина вошла в Новгород, окружив его со всех сторон крепкими заставами, дабы ни один человек не мог спастись бегством. Опечатали церкви и монастыри в городе и окрестностях; связали иноков и священников, взыскали с каждого по 20 рублей; а кто не мог заплатить сей пени, того ставили на правеж: всенародно били и секли с утра до вечера... На другой день казнили всех иноков, бывших на правеже: их избили палицами, и каждого отвезли в свой монастырь для погребения». Затем 8 января «явились воины, схватили архиепископа, чиновников, слуг; ограбили палаты, келий... взяли ризную казну, сосуды, иконы, колокола; обнажили и другие храмы в монастырях богатых: после чего немедленно открылся суд на городище... Судили Иоанн и его сын таким образом: ежедневно представляли им от пятисот до тысячи и более новгородцев; били их, мучили, жгли каким-то огненным составом, привязывали головой или ногами к саням, влекли на берег Волхова... и бросали с моста в воду целыми семействами: жен с мужьями, матерей с грудными младенцами... Сии убийства продолжались пять недель и закончились грабежом общим... Толпы злодеев были посланы и в пятины новгородские, губить достояние и жизнь людей без разбора»^{lxxx}. Анализируя эту историческую ситуацию, Тимофеев пришел к выводу, что изменником стал сам царь^{lxxxi}.

Мне представляется, что никакие политические мотивации не могут послужить оправданием подобных действий.

Следует также отметить, что в дальнейшем Курбский вообще отказался от участия в военных походах против своего отечества, и, когда польский король обратился к нему с требованием оказать военное содействие перекопскому царю и пройти с ними в качестве воеводы (предводителя его войск) по Русской земле, Курбский, несмотря на повеление короля, отказался.

* * *

Наша современность совершенно по-иному поставила проблему эмиграции. Дилемма Курбского состоит в том, утверждает К. Плешаков, что он стал первым политическим эмигрантом. «Можно ли вообразить что-нибудь худшее для страны, чем тирания Ивана IV?», которая и спровоцировала бегство Курбского. К. Плешаков напоминает к тому же, что и сам Иван IV был не чужд мыслей об эмиграции и «на всякий случай попросил политического убежища в Англии».^{lxxxii}

Нет сомнений в том, что Иван IV не только «затворил царство русское как во аде твердыню»^{lxxxiii}, как пишет Курбский, но и поставил страну на грань настоящей катастрофы. «Курбский был прав, потому что он восстал против ложного мышления той поры и в этом и есть смысл писательства»^{lxxxiv}.

Мог ли Курбский что-либо изменить в политической ситуации, оставаясь в стране? Опричный режим исключал такую возможность. Значительно больше пользы отечеству он принес своими произведениями, в которых открыто разоблачал политику Ивана IV, открывая глаза современникам на ее истинное содержание.

Надо отметить, что князь Андрей не желал поражения своему отечеству, он разоблачал тирана и тиранический политический режим, который считал губительным для России. «Нравственное падение государя и начавшиеся вслед за тем кровавые сумасбродства и произвол, из-за которых страна оказалась на грани катастрофы, и были одной из основных причин его творчества»^{lxxxv} — следует добавить, и побега.

Н.И. Костомаров утверждает, что бежать Курбскому приходилось «от крайней необходимости спасать свою жизнь, которой угрожала безумная прихоть тирана, в этом случае вина падает на мучителя, а не замученных. Мучительства производили бегства, а не бегства и измены возбуждали Ивана к мучительству»^{lxxxvi}.

Прошли века, и мы сами стали свидетелями «гибели неповинных» и по-иному взглянули на проблему эмиграции.

В сталинскую эпоху кровавых репрессивных волн 30—40-х гг. XX в. бежать возможности не было, а если редко кому и удавался побег, то и за рубежом вездесущая рука ГБ настигала его и все, как правило, оканчивалось смертью (Ф. Раскольников, Л. Троицкий и др.). Может быть, поэтому люди не были так смелы и не пытались обличать новоявленного кровавого тирана? И уж совсем неизвестны случаи, когда бы люди заступались за других и ручались за них не только словом, но и всем своим имуществом, как это было в правление Ивана Грозного. (Так, за князя И.Д. Вельского в качестве заступников-поручителей выступила большая группа бояр во главе с троицким игуменом Артемием.)

В хрущевские времена, когда подвергалось преследованию инакомыслие, к эмиграции стали относиться как к единственному способу избавиться от гонений на родине. К сожалению, еще Иван Тимофеев осуждал соотечественников за то, что они, «как бы ничего не зная, покрывшись бессловесным молчанием, как немые смотрели на все случившееся», не смея возразить против «невинных погибели». Такое поведение Тимофеев характеризовал как глубоко безнравственное и утверждал, что Бог обязательно «покарает людей, когда народ не находит мужества прекратить злодейства»^{lxxxvii}.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в творческом наследии А.М. Курбского дана последовательная критика тиранического политического режима и всей суммы опричных мероприятий Ивана IV и высказана надежда и желание скорейшего уничтожения подобных «порядков». «И не надейся, — писал он царю, — что я буду молчать, до последнего дня моей жизни буду беспрестанно со слезами обличать тебя», потому что тяжкий путь изгнанничества (а не добровольного отъезда. — Н.Э.) выбрал «ради величайших дел»^{lxxxviii}. Этим величайшим делом князь считает критику и развенчание тиранического режима Ивана IV.

В истории политических и правовых учений князь А.М. Курбский выступил как мыслитель, давший не только обстоятельную критику тиранических политических режимов и неограниченных форм правления, но и выдвинувший позитивные предложения, единственно возможные для реализации в тех условиях. В качестве составных элементов его программы следует воспринимать и реформы 1550-х гг., проведенные с его участием. Наилучшей формой правления для России он несомненно считал сословно-представительную монархию.

В «Истории о великом князе Московском» наиболее ярко представлена эта трагическая эпоха, свидетелем которой он был и которая и обусловила его политико-правовой идеал и личную судьбу.

История о великом князе Московском, которую слышал от достоверных людей и сам своими глазами видел, в сокращенном виде по возможности нашей сколько мог прилежно написал по просьбам многих

ГЛАВА I

ЮНОСТЬ ИОАННА (1534—1552)

Предисловие автора. Развод великого князя Василия III с Соломонией. Гнев его на Вассиана, Семена Курбского и Максима Грека. Рождение Иоанна. Воспитание его. Бедствия княжества. Убийство князей Ивана Вельского, Андрея Шуйского, Ивана Кубенского, Ф. и В. Воронцовых, Ф. Невежи, М. Трубецкого, Ивана Дорогобужского и Федора Овчины. Пожар Москвы. Народное возмущение. Убийство князя Юрия Глинского. Воздействие на Иоанна его духовника Сильвестра и А. Адашева. Избранная рада

Много раз обращались ко мне знатные люди и донимали меня вопросами: «Почему по воле царя, имевшего ранее славу доброго и знаменитого, не жалевшего своего здоровья и многократно защищавшего отечество в военных сражениях с врагами Креста Христова, принявшего на себя многие тяжкие беды и труды и стяжавшего ото всех добрую славу, затем приключились с нашей страной *такие* беды?»

Неоднократно я уклонялся от ответа, но постоянные просьбы заставили меня, хотя бы отчасти, поведать о том, что случилось и чему я был свидетелем. Я не в силах рассказывать все по порядку, так как слишком длинным было бы описание событий, повествующих о том, как в славный род русских князей под действием злых чар вселились недобрые нравы. Такие случаи известны в истории; так было в роду израильских князей, которых уловили в злые сети иноплеменники. Но оставлю исторические примеры и расскажу о нашем времени.

Известны пословицы: «Доброму началу — добрый конец» и, напротив, «Злое дело злом заканчивается». Особенно печально, когда зло исходит от наделенного высшей властью человеческого существа, отступающего от Божественных Заповедей.

Князь великий Василий замешан был во многих злых делах, нарушающих Божественные Законы (всех их невозможно перечислить в этой книжке), но одно из них достойно

упоминания. Великий князь Василий прожил со своей женой Соломонией двадцать шесть лет, затем коварно и насильно постриг ее в монашество и заточил в отдаленный монастырь, находящийся в Каргопольской земле^{lxxxix}, и приказал непорочную и верную свою жену, ребро свое, заточить в темницу, где она и пребывала в глубоком унынии. Себе же в жены взял Елену, дочь Глинского. Разводу с Соломонией препятствовала церковь, ссылаясь на его незаконность, и поступок князя осуждали не только монахи, но и ближние бояре. Из монашествующих возражал великому князю Василию Бассиан (Патрикеев. — *Н.Э.*), пустынножительствующий старец, который приобрел большую славу своим житием (нестяжательским. — *Н.Э.*) и к тому же был родственником великому князю. Этот Бассиан^{xc}, происходивший из литовских князей, уподобясь Иоанну Крестителю, возражал против законопреступного брака, нарушающего ветхозаветные и новозаветные традиции.

Из мирских сановников возражал против законопреступного брака Семен Курбский из рода смоленских и ярославских княжат. Семен Курбский был человек известный, причем не только в своей земле, но и за рубежом. О нем писал в своей хронике знаменитый цесарский посол Герберштейн^{xc1}.

Великий князь Василий не только не послушал их совета, но и жестоко с ними расправился. Вассиана, своего родственника, он повелел заточить, связав святого мужа словно злодея, и отправил в Иосифов монастырь к презлым иосифлянам, с приказом его уморить, а те, недобрых дел пота-ковники, вскоре исполнили его злую волю. Также многих мужей повелел заточить (среди них — Максим Философ, о нем будет далее рассказано)^{xcii}, других погубить — их имена будут в этой повести отмечены. Князя же Семена Курбского он удалил от себя и не простил до самой своей смерти.

В законопреступном сожителстве и сладострастном прелюбодеянии был зачат и рожден наш нынешний царь Иоанн (IV. — *Н.Э.*), и как в Слове Иоанна Златоуста о злой жене и в пророчестве Иоанна Крестителя об Иродовой лютости, так и при этом рождении у святых великих учителей смутились и затрепетали сердца, помрачилось зрение, притупился разум и пропал слух. И если уж святые учителя ужаснулись, то как подобает ужасаться мне грешному, пишущему эти строки, возвещая такую трагедию.

Ко всему этому злу добавилось еще и раннее сиротство, ибо остался Иоанн с молодых лет (всего около двух лет) без отца, а вскоре и без матери, и воспитывали его гордые бояре, которые, на беду свою и своего потомства, льстили и угождали ему во всяком наслаждении и сладострастии.

Еще в раннем возрасте творил он злые дела; о некоторых из них я здесь напишу.

Начал он с пролития крови неповинных и бессловесных животных, которых сбрасывал с высоких стремнин (крыш теремов. — *Н.Э.*), являя этим свое немилосердие, а между еще Соломон свидетельствовал о том, что мудрые милуют души своих скотов, а безумные бьют их нещадно^{xciii}. Глупые его воспитатели не препятствовали ему, а, напротив, хвалили и поощряли ко всему плохому.

Когда же Иоанну минуло пятнадцать лет, начал он губить людей. Он собрал вокруг себя детей своих родственников и детей бояр-синклитиков^{xciv}, стал ездить вместе с ними по дорогам и торговым площадям. Они скакали на конях и грабили и убивали всех встречных людей и творили злые разбойные дела, о которых даже и говорить стыдно, но его воспитатели-льстецы^{xcv} на беду свою продолжали восхвалять Иоанна. «О, какой храбрый и мужественный будет сей царь!» — говорили они.

Когда же вступил он в свое семнадцатилетие, то бояре стали подучать его мстить своим личным врагам, натравливая его то против одного, то против другого. Первым был убит Иван Вельский^{xcvi}, высокородный человек из рода литовских князей, родственник самому королю Ягайле, храбрый и мужественный полководец.

Вскоре Иоанн приказал убить благородного князя Андрея Шуйского из рода суздальских князей^{xcvii}, а всего через два года повелел убить еще трех великородных мужей. Он обрушил свой гнев на близкого родственника — племянника — Иоанна Кубенского из рода князей смоленских и ярославских, бывшего при Василии III земским маршалком (воеводой. — *Н.Э.*). Князь Иван, человек разумный и тихий, к тому времени был уже в преклонном возрасте. Вместе с ним были погублены славные мужи — Федор и Василий Воронцовы^{xcviii}, родом из немцев, из племени князей Решских, тогда же был убит еще и Федор, прозванный Невежей, знатный и богатый землевладелец. А за два года до этого был удушен сын князя Богдана Трубецкого, пятнадцатилетний Михаил из рода литовских князей, и еще были погублены благородные княжата: Иван Дорогобужский^{xcix} из рода великих князей тверских и Федор, единственный сын князя, прозванного Овчиной^c, из рода тарусских и оболенских княжат, которые подобно неповинным агнцам были закланы в самом нежном возрасте.

Бесчинства царя Иоанна можно сравнить с нашествием татар ногайских и царя казанского, сильного и могущественного мучителя, которому подвластны были шесть различных народов^{ci} и от которого терпела Московия кровопролитие и опустошение земель на восемьдесят миль в окрестностях Москвы. От перекопского, крымского и ногайского царей вся Рязанская земля по самый берег реки Оки была опустошена, а внутри разоряема и опустошаема человеке угодниками с молодым царем, нещадно воюющим свое чество.

Иоанн своими бесчисленными злыми делами стал превосходить вышеописанные беды, и тогда Господь, решив усмирить его лютость, подал ему знак, обрушив на Москву великий пожар. Из-за того пожара -разразилось столь великое возмущение всего народа московского, что сам царь принужден был спрятаться со всем своим двором^{cii}.

В том восстании был убит дядя царя, князь Юрий Глинский, а двор его разграблен народом, но другой его дядя, князь Михаиле Глинский, известный своими злоупотреблениями, бежал вместе со своими приспешниками.

Таким знаком Бог подал руку помощи земле христианской, дав ей возможность отдохнуть. К царю Иоанну явился протопоп (у Курбского «пресвитер». — *Н.Э.*), родом из Великого Новгорода^{ciii}, и страшным закланием из Священного Писания угрозил царю, а также представил ему чудеса, как бы явленные от Бога (не могу сказать: истинные те чудеса были, или пугая Сильвестр царя, как пугают родители детей своих), чтобы с их помощью пресечь его буйства и умерить неистовый нрав. Подобным образом часто поступают врачи, когда им приходится, излечивая гангрену^{civ}, отсекают дикое мясо до необходимых пределов. Так и Сильвестр исцеляя душу царя от проказы и исправлял его развращенный ум наставляя его на истинную стезю. Сильвестру содействовал в этом и благородный юноша Алексей Адашев^{cv}, который сам был подобен ангелу и явно отличен Богом от всех других. В то время он был любим и самим царем. Эти два мужа делали много добра своей сокрушенной и опустошенной земле; царь же благосклонно, со вниманием слушал их. Юный царь ко времени их появления уже был искушен в злострастии. Будучи воспитан без отца, был самоволен и успел к тому же напиться крови не только животных, но и людей. Прежде всего они (Сильвестр и Адашев. — *Н.Э.*) отдалили от него тех его приспешников, которые вместе с ним зло творили, а самого царя укротили страхом перед Богом. Протопоп Сильвестр склоняя Иоанна к соблюдению постов и прилежным молитвам. Прежних льстецов и угодников он от царя отстранил, побуждая его к покаянию, привел к внутреннему очищению перед Богом и поднял его, прежде окаянного, на такую духовную высоту, которой удивлялись даже во многих окрестных странах.

Сильвестр и Адашев подобрали царю различных советников: одних — мужей разумных и добродетельных, умудренных летами и благочестием украшенных, имеющих страх перед

Господом; других — среднего возраста, добрых и храбрых. Те и другие были сведущи в военных и земских делах, и царь в дружбе и приязни с ними решал все дела с общего совета. И, как вещал мудрый Соломон-царь, добрыми советниками, как город твердыми столпами, был утвержден. Пока царь любит Совет и советников, он сохраняет душу свою, если же не возлюбит сего, то может пропасть, так как управлять следует, не склоняясь к естественным бессловесным влечениям, а совместным советом и рассуждением. Назывались тогда эти советники Избранной радой, воистину по делам и название имели. Бое великое в государстве совершалось благодаря их советам, так с помощью Избранной рады вершился нелицеприятный и праведный суд, равный как для убогого, так и богатого, что бывает для государства наилучшим. Воеводами назначались искусные и храбрые мужи, и военные чины над конными и пешими полками давались тем воинам, которые мужественно сражались с врагами и в битвах руки окровавили во вражеской крови. Таких воинов награждали движимым и недвижимым имуществом, а некоторых самых искусных возводили в высшие чины. А тунеядцев, и всяких паразитов, и прихлебателей, и товарищей по трапезам, которые только шутловством кормились да те обеды хаяли, не только не жаловали, но и прогоняли, вместе со скоморохами и другими им подобными. Только мужество и храбрость почитались и вознаграждались. За мужество и храбрость одаривали по достоинству каждого человека.

ГЛАВА II

ПОКОРЕНИЕ КАЗАНИ (1552)

Военные успехи. Поход на Казань. Основание Свияжска. Нашествие крымского хана. Битва Курбского с татарами под Тулой. Поход на Казань. Трудности пути. Прибытие в Свияжск. Местоположение Казани. Первая битва. Осада города. Курбский с товарищем начальник полка правой руки. Устройство шанцев. Вылазки казанцев. Стрельба по городу. Хитрость казанского царя. Тяжелое положение русских. Военный совет. Победа князя Александра Горбатого. Ярость казанцев. Взятие Арского города. Колдовство. Дерево спасенное. Взрыв тайника. Постройка высокой башни. Штурм Казани. Взрыв подкопа. Приступ. Родной брат — первый на стене. Татары уступают. Мародеры. На Тезицком рве. Помощь усталым воинам. У мечети вблизи царского двора и в царском дворе. Жены в прекрасно украшенных одеяниях. У нижних ворот. Выдача царя Идигера. Остаток татарского войска вышел на широкое поле на последний бой. Доблесть братьев Курбских

Русские земаи часто подвергались набегам и опустошениям грозных измаильтянских (здесь татарских. — Н.З.) царей перекопских и казанских, а также князей ногайских. С Божьей помощью русское воинство побеждало татар и даже сумело расширить за несколько лет свои владения на те места, что и прежде были русскими, но затем там были поставлены татарские зимовища; теперь же кони русских воинов напились из рек Танаиса (Дон) и Куалы (по славянски — Медведица^{cvi}) и прочих, и города свои здесь поставили.

Царь с Божеской помощью и покровительством решил пойти на гордого своего врага — царя казанского. Собрал он большое и храброе войско и сам возглавив его (царь наш не хотел, подобно западным царям, проводить ночи над картами и прочими бесовскими развлечениями) и выступил на Казань в лютую зиму, но не сумел взять город сразу и отступил^{cvii}. Укрепив свое воинство (совместно с советниками своими) и изучив расположение города, в одно лето выстроили на подступах к Казани на реке Свияге, за четверть мили от Волги, а от Казани миль за пять, прекрасный новый город — Свияжск^{cviii}.

В то же лето, отправив стенобитные орудия по Волге, царь Иоанн решил пойти сухим путем, но получил извести о нашестве на его царство перекопского царя, предшествующее этому походу. Поэтому казанский поход был отложен, и Иоанн с большей частью войска и с орудиями вышел против перекопского царя и стал на Оке,

расположив; вдоль нее все свои войска, а другую часть войска поставил по другим городам на этой же реке и повелел выведать; все о перекопском царе, ибо неизвестно было, в каком месте он выйдет на бой. Перекопский царь, проведав о том, что великий князь с воинством стоит против него, повернул вспять и окружил каменный город Тулу, что в шестидесяти милях от Коломны, где находился великий князь со своим войском, ожидая татар, а нас он послал разведывать намерения перекопцев и держать оборону, и было с нами войска пятьдесят тысяч. Мы переправились через Оку с большим трудом и за один день прошли около тридцати миль, подойдя вечером к месту расположения перекопской стражи — приблизительно в полутора милях от Тулы^{cix}. Стража донесла перекопскому царю о большом христианском войске, полагая, что и сам русский царь пришел со всем своим воинством. Перекопский царь, услышав такое известие, в ту же ночь отошел миль за восемь в дикое поле, переправился через три реки, потопил часть орудий и некоторые ядра и снаряжения, отогнал верблюдов и войско, ибо в течение двух дней он хотел воевать и стоял под городом, а на третий побежал.

Встав рано поутру, мы подошли к городу (Туле. — *Н.Э.*), к тем местам, где стояли его шатры. Треть татарского войска находилась на подступах и шла к городу, надеясь найти там своего царя. Когда же они осмотрелись и увидели нас, то ополчились против нас. Мы сошлись с ними и бились два с половиной дня, с Божьей помощью побили басурман так, что мало их осталось и они едва сумели донести весть в Орду. В этой битве и я сам получил тяжкие раны в голову и в другие части *тела*. Когда же мы возвратились к царю с пресветлой победой, то он предоставил уставшему войску восемь дней отдыха. Через восемь дней царь во главе всего своего воинства вновь начал поход на Казань, пришел в город Муром, лежащий на границе с Казанским царством, откуда через дикое поле за месяц подошел к новому городу, поставленному на реке Свияге, где его ждало воинство с орудиями и с большими припасами, приплывшее Волгой. А нас тогда послал с тридцатитысячным войском через Рязанскую и Мещерскую земли в мордовские края. За три дня мы прошли мордовские леса, пересекли великое дикое поле и шли от него по правой руке царева войска на расстоянии пяти дней конного пути от него, заслоня таким образом царское войско от заволжских татар (ибо царь опасался нападения ногайских княжат). В течение пяти недель, претерпевая голод и большую нужду, мы дошли до великой реки Суры и устья речки Барыша^{cx}, куда должно было прийти великое царское войско. Там мы наелись сухого хлеба со многою сладостью и благодарением, часть которого купили, а другую получили от родных, приятелей и друзей, и нам его хватило на девять дней, а далее Господь Бог насыщал войско рыбой и зверем, которых в тех реках и пустынных полях было великое множество.

Когда же мы переправились через реку Суру, то Черемиса Горняя^{cxii}, называемая Чувашией, народ особый, встретил нас своим воинством, разнаряженным по пять сотен и по тысяче, как бы радуясь цареву пришествию: так как в их земле поставлен был чудесный город на реке Свияге. И от той реки мы шли с войском восемь дней дикими полями, дубравами и лесами. Земля у чувашей населена мало, и села поставлены у них при крепостях и незаметны даже для тех, кто находится поблизости тех сея. Здесь мы также добыли хлеба и купили мяса. Платили дорогую цену, но, изнемогая от голода, мы и за это были благодарны. Черемисский хлеб был сладок и казался лучше драгоценных калачей, а о малвазии и любимых напитках с марципанами там и не вспоминали. Мы были рады тому, что воюем за отечество и правую веру христианскую против врагов Христовых вместе со своим царем, и это наполняло нас радостью и благодарностью, и не ведали мы никакой нужды, а только гордились друг перед другом подвигами и уповали на помощь Божию.

Когда мы пришли к новопоставленному городу на Свияге, воистину прекрасному, на встречу с царем выехали гетманы^{cxiii} городские и те, что пришли с орудиями и с многочисленным воинством, устроенным по чину в полки и имеющим приблизительно

пятнадцать тысяч конного войска и множество пешего; а также из варварских новопокорившихся царю народов, живущих близ Свяжска, было составлено четырехтысячное войско (хотели они или не хотели, но покорились). И была там радость великая по поводу здоровья ца-РЯ, пришедшего со множеством воинов, и по случаю победами, одержанной над крымским царем (поскольку весьма беспокоились ранее о возможной помощи крымцев Казани), и поставлению великого города Свяжска. Мы приехали будто к себе домой после долгого и трудного пути. По Волге нам привезли множество домов на больших кораблях, ли не каждому, а также прибыло тем же путем бесчисленное множество купцов с различными живностями и многим товарами, и было все, чего бы душа ни захотела (только нечистоты там купить было невозможно).

Отдохнув три дня, войско начало переправляться через великую реку Волгу и окончило переправу в два дня. И третий день двинувшись в путь,, прошли четыре мили в три дня, ибо там множество впадающих в Волгу рек. Переправлялись через мосты и гати, указанные нам казанцами. На четвертый день вышли на великие, просторные, гладкие и веселые луга, против города Казани, расположив войско по реке Волге. От этих лугов до самой Казани миля, ибо стоит тот город не на Волге, а на реке, называемой Казань, по имени которой наречен был и сам город. Расположен он на великой горе, хорошо виден с Волги и находится на равном расстоянии от Ногайской страны, и от Камы-реки, и от Арского поля. Отдохнувши один день, разгрузили орудия с кораблей, которые поставили перед полками. На другой день рано под Божественную литургию поднялось все войско с царем своим и, развернув хоругви христианские и со многим благочинием, в большом порядке пошли к городу на своих врагов. Город будто бы был пустым, и не видно было ни одного человека, и не слышно ни единого голоса, так что многим неискушенным казалось, что все воинство вместе с их царем убежало от страха великого в леса.

Когда же подошли ближе, то увидели, что город Казань был хорошо укреплен: к востоку от него Казань-река, а к западу — Булак-речка, тинистая и непроходимая, впадающая в Казань-реку, вытекает же та речка из озера Кабана, довольно большого по величине, и если переправиться через нее, то в полуверсте, между озером и Арским полем, находится гора, сразу и не различимая, но весьма трудная для восхождения. А от той реки отходит глубокий ров, доходящий до озера Поганого, расположенного под самой Казанью-рекою. Над рекой же такая гора высокая, что невозможно даже ее взором охватить, и на ней стоит сам город Казань; а в нем палаты царские, мечети высокие каменные, где захоронены их умершие цари, числом пять, как мне помнится.

Наступление начали тремя полками, которым было велено переправиться через речку Булак, наведя через нее мост. Передний полк представлял собою избранное войско числом в семь тысяч под командованием храбрых ярославских князей Юрия Пронского и Федора Львова^{cxiii}. Они должны были одолеть гору и выйти на Арское поле, оказавшись от городских ворот на расстоянии, в два раза превышающем дальность полета стрелы, выпущенной из лука. Другой же великий полк только начал переправляться через реку по мосту когда царь казанский выпустил пятитысячное конное войско из города и десяти тысячное пешее прямо на первый полк. Конники были с копьями, а пешие — со стрелами. Они ударили на христиан, когда те одолели половину горы, и прервали наступление в тот момент, когда наши полководцы почти взошли на гору. Сражение было крепкое и сеча великая. Потом подоспели другие полководцы с пешими стрельцами, вооруженными ружьями, и смяли басурман — и конных и пеших, — и преследовали их до самых городских ворот, и захватили живьем десять человек в плен.

Тогда же, в час сражения, с городских стрельниц была открыта огненная стрельба, однако она не повлияла на исход битвы, ибо Божье благословение сопутствовало православному русскому войску.

Город был окружен и все пути и проезды перекрыты, и никто не смог ни войти в город, ни выйти из него. Тогда же татарский авангардный полк (яртуал у них называется) пошел на Арское поле, а другой полк, в котором был царь Шигалей и иные великие татарские воеводы, залег на путях от Ногайской страны к городу.

Мне же тогда с моим товарищем поручили устроить полк правой руки. Я был тогда молод, мне едва минуло двадцать четыре года, но я получил свои чины, благодаря Христу, по достоинству, восходя к ним по военным степеням. В нашем полку было двадцать тысяч пеших стрельцов и около шести тысяч казаков. Нам было приказано построить полк за Казанью-рекой, мы и заняли позиции на этой реке таким образом, что одна часть расположилась выше города, а другая — у моста по Галицкой дороге по той же реке, но уже ниже города, перекрывая все пути к Черемисе Луговой.

Таким образом, войско наше оказалось на луговой равнине, между великими болотами, а на большой дороге, прямо перед нами на великой горе — город Казань. Нам пришлось опасаться огненной стрельбы со стороны города, а сзади, из лесов — черемисских набегов. Другие наши полки стояли между реками Казань и Булак по эту сторону Волги.

Сам же царь с вольным отрядом и множеством воинов, подойдя с Волги, стал от Казани за версту или немного больше на пригорке. Таким образом весь город басурманский был окружен. Царь казанский затворился в городе с тридцатью тысячами избранных воинов, с вельможами духовными и светскими и со всем своим двором. Другая половина его войска была поставлена за городом, в лесах, и к ним прислал на подмогу ногайский властитель около двух тысяч воинов.

Рядом с этим местом наше воинство в течение трех дней рыло шанцы^{cxiv}, увидя это, басурмане начали нас обстреливать из города, а кроме того, отдельные татарские воины выходили из ворот и завязывали рукопашный бой; в результате с обеих сторон были большие потери, но христиан пале меньше, нежели басурман, и это было воспринято как новый знак Божественного милосердия христианам, что придало храбрости нашим воинам. Когда же выросли хорошие и крепкие шанцы, а стрельцы и командиры закопались вземлю, то стрельба и вылазки из города стали не страшны.

И тогда поставили басурмане великие и средние орудия огненного боя близ города, которые верхом стреляют^{cxv}, и помнится мне, что и таких орудий, великих и средних, было полтораста, за всеми шанцами, и поставлены они были со всех сторон города с расстоянием в полторы сажени между ними, кроме этого, многие полковые орудия (мортиры) размещались у царских шатров.

Когда же начали наши бить со всех сторон по стенам города, то сумели подавить стрельбу из самого города, то есть не дали им стрелять из великих орудий на войско христианское, и остались у них только гаковичные ручничные^{cxvi} ору-1 дня, но и от них было много потерь в христианском войске и в людях и в конях. К тому же царь казанский изобрел одну хитрость против нас. И какову же? А вот такую. По совету со своим войском, которое было оставлено вне города, в лесах, он договорился о подаче знака (на их языке — ясака): в тот момент, когда на вершине крепости или на высоком месте в городе будет развеваться их великая басурманская хоругвь, тогда одновременно (а это довелось нам испытать) грозно и быстро из лесов ударят по нашим полкам, и тогда же раскроются все ворота города Казани и оттуда также выедут и выйдут басурмане на наши шанцы, да так храбро и жестоко, что даже удивительно для их веры. Царевы карачи^{cxvii} враз вышли из ворот, а с ними десять тысяч войска ударили на те шанцы, где были великие орудия спрятаны, и завязалась злая и жестокая сеча, и басурмане всех наших отогнали далеко от тех орудий, но с Божьей помощью подоспела шляхта Муромского уезда, так как поблизости от тех мест были их станы, и среди той шляхты были храбрые и мужественные люди, издавна связанные с русскими родами. Всеми силами они ударили на карачей и принудили их отступить до самых городских ворот, многие из них были

побиты и посечены, и не столько побито было, сколько подавилось народа в тех воротах из-за тесноты, многих взяли живыми в плен. В других воротах также была *битва*, но не столь жестокая.

Три недели непрерывно шли бои, так что войско не успевало даже поесть вовремя. Но Бог не оставлял нас своим покровительством, и с Его помощью воины храбро сражались: пешие с пешими, с теми, которые выходили из города; конники с конными, с теми, что из леса выезжали, и к тому же и орудия наши великие с железными ядрами, развернутые от города, стреляли на те полки басурманские, что выезжали из леса. Хуже всех от тех набегов из лесов приходилось тем полкам христианским, которые стояли на Арском поле, да и нам, на Галицкой дороге, что шла от Луговой Черемисы. То же войско, которое во главе с царем стояло в стороне от Волги под Казанью за Булаком, не так страдало от внешних нападений, его беспокоили только частые вылазки из города, особенно тех воинов, которые стояли под стенами города при орудиях. Много приносили ущерба нам басурманские полки во время пастьбы коней; ротмистры, стоящие в охране со своими полками, не могли их везде защищать от басурманских хитростей и наглости и от их внезапных и быстрых наездов, причинявших большой урон, так что даже и описать по порядку не могу, сколько было убито и ранено.

Царь казанский видел, как изнемогло христианское войско, особенно то, что у самых городских стен прищанцовалось^{cxviii}, ибо оно терпело частые нападения как от вылазок из города, так и от наездов из лесов, кроме того, воины не ели досыта и почти все ночи пребывали без сна, охраняя орудия больше жизни и своей чести. Уразумев всю сложность положения русского войска, царь басурманский участил вылазки из города и наезды из лесов.

Наш царь устроил совет со своими боярами и военачальниками, и они с Божьей помощью приняли верное решение — разделить войско надвое: половину оставить под городом при орудиях, немалую часть из него выделить для охраны царя, поставив при царских шатрах; а тридцать тысяч конников устроить, разделив на полки по чину рыцарскому, поставив во главе каждого полка по одному, по два, а где и по три командира, храбрых и закаленных в боях; также выделить по пятьдесят тысяч стрельцов и казаков, тоже разделить на гуфы^{cxix} с военачальниками во главе и надо всеми поставить гетманом великого князя суздальского Александра, по прозвищу Горбатого^{cxx}, мужа разумного и известного, сведущего в военном деле. Царь приказал всему своему войску, скрытому за горами, ждать того момента, когда басурмане выйдут из лесов, по обычаю своему, тогда и сразиться с ними. На третий день, поутру, басурманские полки, выйдя из лесов на великое поле, называемое Арским, первыми напал на ротмистров, которые стояли со сторожевыми полками; тем ротмистрам было приказано отступить, завлекая неприятеля к шанцам. Басурмане же подумали, что христиане испугались и побежали, тогда они погнались за ними, и достигли обоза, и начали над нашими шанцами кругами ходит и гарцевать, стреляя из луков, подобно частому дождю, множеством своих полков, которые все подходили к они уже хотели полностью захватить христиан. Бот тогда гетман (А. Горбатый. — ff.3.) с большим войском христианским поспешно приблизился к сражающимся. Увидев это| басурмане и рады бы бежать назад в лес, да уже не смогли| ибо далеко отъехали от него в поле и пришлось им, хс они того или нет, принять бой и сразиться с передовым» полками. Когда же подоспел великий полк, в котором бь сам гетман, а также и пешие полки одновременно обошли басурман с лесной стороны, тогда побежали все басурманские полки, христианское же воинство преследовало их; итоге, пространство в полторы мили было сплошь покрыт трупами басурманскими и около тысячи живых взято плен. Так с Божьей помощью была одержана пресветлая победа христиан над басурманами.

Когда же к царю привели связанных пленников, то он повелел вывести их перед шанцами, привязать к кольям заставить их умолять оставшихся в городе о том, чтобы они сдали

Казань христианскому царю, а кроме того, и наши ездили и обещали казанцам в случае сдачи города жизнь свободу, как этим привязанным пленникам, так и всем остальным от имени нашего царя.

Казанцы, тихо выслушав эти слова, начали стрелять ее стен города, причем не столько по нашему войску, сколько по своим пленникам, приговаривая при этом: «Лучше увидим вас мертвыми от наших басурманских рук, нежели посеченными гяурами^{сххi} необрезанными!» И всякую другую хулу яростно изрыгали нам на удивление.

Через три или семь дней царь приказал князю Александру Суздальскому (Горбатому. — *ff.3.*) идти с тем же войском ш засеку, где басурмане соорудили стену на одной горе, между великими болотами, за две мной от города, там собралось большое басурманское войско. Замысел их заключался нанесении разом всеми силами прямо оттуда внезапного удара на христианское войско.

Александру Горбатому был в помощь прислан еще великий воевода Семен Микулинский^{сххii} из рода тверских великих! княжат, человек храбрый и в военном деле искусный, со своим войском, и было ему приказано эту стену с Божьей помощью проломить и следовать всем войском до Арского города, что находится от Казани в двадцати милях. Когда подошли к этой стене, то сошлись с басурманами и начали ними крепко биться и бились так два дня, затем с Божьей помощью огненной и ручной стрельбой одолели их, и побежали басурманы, а наши гнали их.

Когда же великое войско перевалило за ту стену, оттуда царю нашему радостную весть послали, а наше воинство заняло татарские шатры и пребывало в них ночь; для них было немало там добычи, так как за два дня до этого противники с испугу покинули этот Арский город и все разбежались по далеким лесам. А земля, которую мы пленили за десять дней, удивляла своим изобилием, ибо были в ней поля великие, изобильные и урожайные на всякие плоды, а дворы княжат их и вельмож поражали красотой и были воистину достойны удивления. Села в той земле расположены часто, а хлебов всяких там такое множество, что просто неподобно казалось бы для такой неправой веры; их в той земле столько, сколько звезд на небе, а также бесчисленное множество различных стад животных и всяких драгоценностей, особенно велико изобилие диких животных: родятся там добрые куницы и белки, и соболей там множество, пригодных для одежды и еды, также и медов изобилие: и не знаю даже, есть ли под солнцем иное такое место, где больше бы всего было.

Через десять дней это войско возвратилось к нам здоровым и невредимым с огромной добычей, и со множеством пленных басурманских жен и детей, и с освобожденными христианами из басурманского плена, где пребывали они в многолетних работах. И была тогда в войске христианском великая радость, и все Бога славили; и много было и дешево приобретено всякой живности: так, корову покупали за десять денег московских, а вола — за десять кун. Но дня через четыре значительные силы Черемисы Луговой ударили на наши тыловые станы на Гаяицкой дороге и захватили немало наших конных стад. Мы послали за ними в погоню трех ротмистров, а за ними еще и другие полки для устройства засады, и в трех или четырех милях догнали их, разгромили и взяли пленных.

Если бы я все писал по порядку, что там под городом каждый день делалось, то получилась бы целая книга, но я хочу только вкратце вспомнить, как они над христианским войском разные чары творили и великие дожди на него наводили. Как только начинало всходить солнце, их старики или женщины выходили на возвышенное место города так, что нам всем было видно, и кричали различные сатанинские слова, махали одеждами своими на наше войско и неблагочинно вертелись перед нами. И тогда среди ясной погоды задувал ветер и появлялись облака, и начинал лить дождь, да такой, что сухие места обращались в болота и водой наполнялись, причем вокруг нас все было тихо, и только над войском точно из воздуха все это случалось.

Видевшие такое советовали царю послать в Москву спасенным дровом, которое было в крест вделано, а крест тот всегда находился при царском венце. С Божьей помощью в короткое время, в три или четыре дня, посланные вятскими скоростными судами водой добрались до Нижнего Новгорода, а затем — быстрыми подводами до Москвы. Когда же привезли Честной Крест, в который была вделана часть спасенного дерева, то есть частица от того Креста, которым Господь Наш Иисус Христос плотью пострадал людей, тогда священники соборно, с обрядами христианскими сотворили службу и по обычаю церковному освятили крестом воды, и от силы Животворящего Креста исчезли все бесовские чары.

В то же время у казанцев за две или три недели до взятия города отняли воду, сделав подкопы под великую башню и под тайники, при помощи которых они на весь горе брали воду, и под те подкопы подложили десять больших бочек пороха, которым и взорвали башню^{сххiii}.

Кроме того, мы построили тайно за две недели высокую башню в защищенном месте в полумиле от Казани, рядом городским рвом, а затем в одну ночь поставили на нее десять орудий и пятьдесят гаковиц и из них много вреда ежедневно чинили казанцам. Еще до взятия Казани много побили людей басурманских военных, кроме жен и детей, около десяти тысяч, как с той башни из орудий, так и в схваток во время вылазок.

А как ставили эту башню и наши стенобитные применяли, я о том не пишу ради краткости истории, подробно же об этом в русской летописной книге сказано^{сххiv}, о взятии города вспомню, сколько смогу, и напишу.

Бог не только укреплял наше воинство в разуме и подавал ему духовную твердость, но и достойным мужам являлись ночные видения, предсказывавшие взятие города и победу над басурманами. Бог подвигал наше христианское воинство к отмщению за многолетнее и бесчисленное кровопролитий христианское и к избавлению многих живых христиан долгой работы в казанском плену.

По окончании семи недель осады города нам было дано знамение о том, что утренней зарей до восхода солнца следует начинать готовиться к штурму со всех сторон, и подан был знак: когда городскую стену взорвут порохами, что содержались в сорока восьми бочках под городской стеной, то одновременно большая половина войска пешего начинает штурм, а на поле останутся лишь войска, охраняющие самого царя.

Следуя этому повелению, мы рано начали подготовку, еще за два дня до той зари, и я тогда был послан к нижним воротам Казань-реки выступать с войском в двадцать тысяч человек. Со всех четырех сторон также двинулись пресильные храбрые мужи и некоторые из них с большими отрядами.

Царь казанский и его вельможи узнали о том, как мы приготовились, так и они приготовились к наступлению на нас, как мы на них.

Перед самым восходом, когда уже немного осталось до появления солнца, взорвали подкоп и войско христианское по цареву повелению ударило сразу с четырех сторон на город. Каждый свидетельствует о себе, а я всему этому был свидетелем и хочу об этом рассказать вкратце. Свое двадцатитысячное войско я разрядил по командирам и подступил к городским стенам, к той великой башне, что стояла перед городскими воротами, на горе. Когда мы были еще на подступах к стене, то в нас не стреляли ни из ружей, ни из луков, когда же подошли ближе, тогда на нас обрушился огонь со стен и башен. Стрелы летели как дождь, одновременно бесчисленные камни на нас сыпались так, что мы и воздуха не видели! Когда же мы под самые стены с великим трудом и бедствиями подошли, тогда полились на нас вары кипящие и бревна стали в нас метать. Но Божья помощь была с нами, и люди были храбры и крепки, и о смерти забывали, и воистину с радостью и поощрением в сердцах бились с басурманами за православное

наше христианство, и за полдня отбили их от окон стрелами и ручницами. И к тому же нам помогала стрельба из наших пушек прямо из шанцев, так как противник открыто стоял на башне великой и на стенах города, не прячась как раньше, и бились с нашими воинами врукопашную. И могли бы мы их побить, но много наших воинов пошло на штурм, а под городские стены мало пришло, некоторые возвратились, и много было убитых и раненых. Но Бог помог нам! Первым на стену города взошел по лестнице мой родной брат и другие храбрые воины вместе с ним, и все они бились и рубились с басурманами, некоторые влезли в окна великой башни, а оттуда спускались к главным городским воротам. Басурмане отступили в тыл и, оставив городские стены, побежали на великую гору к царскому дворцу, который был прочно укреплен и стоял между каменных палат и мечетей и был хорошо окопан. Мы последовали за ними к цареву дворцу. Многие устали, так как были в тяжелых доспехах, некоторые были ранены и уже лишь малое число из нас билось с врагами. А войско наше находилось вне стен города, но когда увидели, что мы уже вошли в город, а татары со стен бегут, то все в город устремились, и лежащие раненые поднялись, и даже мертвые воскресли. Не только эти воины, но и другие со всех сторон, и со всех станов кашевары, и даже те, которые были приставлены к коням, и многие другие, что привезли товары продавать, — все они побежали в город. Но не для ратного дела, а подгоняемые большой корыстью. И было ради чего: город истинно был полон золотом и серебром, камнями драгоценными и соболями, все кипело и другим великим богатством. Татары же заперлись с нашей стороны на царевом дворе, покинув дальнюю часть города, сколько могло их уйти, а с другой стороны, с Арского поля, где был взорван подкоп, царь казанский с двором своим, отступя приблизительно на половину города, остановился на Тезицком, по-нашему купеческом, рве. И крепко бились они с христианами, разделившись на три части: одна — на горе, другая — на равнине, а третья — в отдалении, как бы в пропасти, а поперек простерся ров глубокий от городской стены и реки Булака до дальнего места, и все это место довольно большое по протяженности, кажется мне, что не меньше Бияенского.

Битва та длилась четыре дня, и на стенах, и в городе тяжелые сечи были. И увидели басурмане, что христианского войска мало остается — немало ведь кинулось на добычу, многие говорят, что некоторые за добычей ходили по два и по три раза, но храбрые воины бились беспрестанно, и, увидев, что они начали уставать, басурмане стали ополчаться на этих воинов всей своей силой. Мародеры, узрев, что наши под напором татар вынуждены отступать, ударились в такое бегство, что многие и в ворота не проходили, а другие со своей добычей пытались через стену перелезть, а иные добычу побросали и с воплями: «Секут! Секут!» бежали. Божья благодать не позволила сокрушиться храбрым сердцем воинам, но было очень тяжело в нашей стороне от басурманского приступа во время вхождения в город и выхода из него; в моем полку было убито девяносто восемь храбрых мужей, не считая раненых; но благодать Божья не покинула нас, и на нашей стороне войско стояло против басурман недвижимо, но немного пришлось нам отступить из-за сильной атаки с их стороны. Мы дали о себе знать царю и всем его советникам, бывшим вокруг него в тот час, да царь и сам видел бегство из града тех бегунов, так что и не только в лице изменился, но и сердцем сокрушился, думая, что басурмане почти все войско христианское из города изгнали.

Увидев такое, мудрейшие и искуснейшие советники из царского окружения повелели взять хоругвь великую христианскую и подвинуть ее к главным воротам города, называемым царскими, и самого царя (хочет он того или нет) посадить на коня, коня же того, взяв под узду, поставить рядом с хоругвью. Были среди этих советников люди храбрые, рожденные от отцов, состарившихся в добродетелях и искусных в ратных делах. Великому царскому полку, в котором было более двадцати тысяч избранного воинства, приказано было, чтобы половина всего этого состава сошла с коней, в том числе и

сыновья, и родственники этих советников, и пошли бы в город на помощь изнемогающим воинам.

Когда же в город внезапно вошло свежее войско, облаченное в светлые доспехи, то царь казанский со всем своим воинством начал отступать назад, крепко держа оборону, но наши неотступно бились с ними и прогнали войско казанского царя аж до мечетей, что вблизи его двора стоят, и встретились там с их обызами, сеитами и молнами^{сххv} и с их великим епископом, а по их языку амиром (эмиром) по имени Кулшериф-мулла, и сразились они с нашими так сильно, что все до единого погибли. Царь с оставшимися затворился в своем дворце и бились крепко, сражение же продолжалось еще полтора дня. Когда царь понял, что помощи ему ждать неоткуда, тогда он выстроил в одной стороне своего двора всех своих жен и детей в прекрасных драгоценных одеждах, приблизительно около десяти тысяч, уповая на то, что противники прельстятся их красотой и оставят в живых. Сами же татары, собравшись вместе в один угол, решили не даваться в руки неприятеля живыми, но сохранить жизнь своему царю. Они пошли от царского места на дальнюю сторону к нижним вратам, как раз туда, где против царева двора я стоял со своим полком. У меня к тому времени не осталось и полтораста воинов, а у них было еще около десяти тысяч, и все они теснились на улицах и отходя крепко оборонялись. Наше же великое войско ударило в арьергард татарского полка и в жаркой сече с трудом и Божьей помощью вышло из ворот. Затем наши крепко налегли на них с великой горы и потеснили их к воротам, а там стоящие во вратах преграждали им дорогу, и к нам на помощь подоспели два христианских полка. Татары были разбиты со всех сторон и стиснуты так, что задним и серединным их людям пришлось пробираться прямо по своим, идя к городу или башне, где множество их трупов лежало. Вот тогда они возвели своего царя на башню и начали кричать и просить времени на переговоры, мы же склонились на их просьбу. Они сказали нам следующее: «Пока у юрт престол царев стоял, мы бились в поте лица до смерти, обороняя царя и отечество, а сейчас царя вам отдаем здорового: ведите его к своему царю. А оставшиеся наши вои выйдут на широкое поле испить с вами последнюю чашу. И отдали нам своего царя с одним советником, старейшим из них, и двумя имипдеши^{сххvi}. Царь их носил басурманское имя Идигер, а князь его — Зениешь (или Зенешь). И, отдав нам невредимого царя, они на нас ударили стрелами, а мы на них. Но они не захотели биться с нами во вратах города, а пошли со стен через Казань-реку и хотели пробиться через проломы в стенах прямо против моего стана на шанцы, где у меня стояло шесть великих пушек, и изо всех них было по татарам ударено. Они же пошли оттуда налево, берегом, вниз по течению Казань-реки на расстоянии в три полета лучных стрел в конец наших шанцев и стали там облегчаться, сбрасывая с себя доспехи и разуваясь, для того чтобы брести по реке. Полк их к тому времени насчитывал не более шести тысяч. Нас было мало, но мы добыли себе коней и, сев на них, устремились против них, желая заградить им путь, по которому они надеялись пройти.

Нашли их еще не перешедшими реку, и собралось нас против них немного больше двухсот коней, так как отстало некоторое количество людей наших, да и при царе остались воины, а многие были уже в городе. Но вскоре татары перешли реку (она была мелка в том месте) и стали нас дожидаться на самом берегу, приготавливаясь к сражению, оделись в броню и натянули тетивы со стрелами. И стали они от берега продвигаться, а за первыми рядами шло множество людей, не менее чем на два полета стрелы из лука. Христианское же войско, в большой численности стоявшее на стенах города и у палат царских, смотрело на нас, но помощи из-за реки и высоких гор оказать не могло. Мы не дождались, когда они отойдут от *берега*, ударили на них, желая их разъединить и расстроить порядок их полков. Умоляю, да не подумайте, что я так безумен, что сам себя хвалю, но воистину правду рассказываю и не таю, что мне был дан от Бога дух храбрый, да коня я имел доброго и быстрого. Я первым врезался в полк басурманский и помню, что три раза сходил я в сече, а в четвертый раз повалился мой конь, и я с ним — тяжело

раненный — и потерял память. Очнувшись уже потом, через день, и увидел, что надо мной как над мертвецом стоят плачут и рыдают двое моих слуг и два царских воина. А сам себя увидел обнаженным и лежащим со многими ранами, но живым, потому что на мне были доспехи праотеческие, да и благодать Христова была на мне; Господь ангелам своим заповедовал сохранить мне, недостойному, жизнь^{сххvii}. Потом я узнал, что все те благородные, а было их всего около трехсот, как и обещали, устремились вместе со мной на татарские полки, но в бой не вступили, поскольку нескольких самых первых ранили, а другие убоялись величины полка неприятельского и возвратились вспять, в тыл татарского полка ударили, наезжая на них, посекая и топчя их конями. Однако основные силы войска невозбранно шли через луг к великому болоту, за которым виднелся лес, а в этих местах на конях не проедешь. Потом, рассказывают, подоспел мой брат, который, как я прежде писал, первым взшел на городскую стену, он застал неприятеля еще в середине луга и, взнуздав коня, врезался в первый строй их полка (в чело), да так мужественно и храбро, как и подобает истинному христианину, и двукратно проехал через все войска, топчя их конем и посекая, чему все были свидетелями. Когда же в третий раз врезался в них, то помог ему некий благородный воин, и они вдвоем били басурман, а со стен города все смотрели и удивлялись, а те, которые не знали о судьбе казанского царя, думали, что и он в этой сече. Брата ранили пятью стрелами в ноги кроме иных ран, но он остался жив благодаря Божьей благодати и крепким доспехам. Мужественное сердце было у *брата*, так что даже когда конь его упал и с места двинуться не мог, он нового взял у одного дворянина, царева брата и, не вспоминая о своих тяжелых ранах и пренебрегая ими, гнал полк басурманский, вместе с другими воинами, рубя их до самого болота. Воистину надо сказать, я имел брата храброго, мужественного, разумного и благодетельного, так что во всем войске не было храбрее и лучше его. Господи, да каков же он был! Он был мной любим и воистину хотел бы я за него душу положить, чтобы своим здоровьем его здоровье откупить, но умер он на следующее же лето от тех тяжких ран.

Вот и конец краткого описания взятия великого басурманского города Казани.

ГЛАВА III

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

Слово царя воеводам. Совет бояр и родственников царских. Возвращение в Москву. Болезнь Иоанна. Путешествие в Кириллов монастырь. Совет и предсказание Максима Грека в монастыре Живоначальной Троицы. Беседа у св. Кирилла с Вассианом Топорковым^{сххviii}. Смерть царевича Дмитрия. Восстание «оставшихся» князей казанских. Поход. Начальствующие воеводы. Нашествие перекопского царя. Хитрость Иоанна Шереметева. Неосторожность царских писарей. Поражение русских. Возмущение в Казани. Смерть царя Черемисы Луговой

Вскоре после этой славной победы, как будто бы даже третий день, царь наш выразился весьма неблагодарно. Вместо благодарности воеводам и всему воинству он, на кого-то разгневавшись, сказал воеводам и всему воинству: «Ныне оборонил меня Бог от вас», а смысл его речей был таков: «Не мог я вас мучить, пока Казань стояла незавоеванной, ибо нужны вы были мне, а сейчас волен я всякую злобу и мучительство над вами совершать». О, слово сатанинское, явившее неизреченную лютость человеческому роду! О, предел меры кровопийства в нашем отечестве! Достойнее было бы ему от всего сердца обратиться к нам, христианам, и к Господу Богу и сказать: «Благодарю Тебя, Господи, за то, что защитил нас от врагов наших!» Он же воспользовался сатанинским скверным языком как оружием и пообещал погубить со своими клеветами роды христианские, как бы мстя христианскому воинству за то, что они мужеством и храбростью и с Божьей помощью победили измайльтян.

Царь стал держать совет об устройении покоренного города. Мудрые и разумные советники присоветовали ему оставаться с войском в Казани до весны; запасов из Русской

земли привезено было великое множество, да и без них в той земле всего было много, тогда бы он сумел до конца подавить басурманские силы, покорив и усмирив эту землю на века. В той стране, кроме татар, было еще пять различных народов: мордва, чувашаи, черемисы, войтеки, или арские, и пятые — башкиры, живущие в лесах вверх по великой реке Каме, что впадает в Волгу, ниже Казани на двадцать миль. Однако он не послушал совета мудрых воевод, а склонился к советам своих шурьев^{сххix}, которые нашептывал ему в ухо о том, что ему необходимо спешить к царице, сестре; они же и других льстецов вместе с попами подсылали к нему.

Царь, постояв неделю и оставив часть воинства и орудий, сел на корабль и поплыл к Нижнему Новгороду — великому русскому городу, расположенному от Казани в шестидесяти милях на границе с Казанским царством, а всех наших ко-1 ней послал другой дорогой, что недалеко от Волги пролегает в труднодоступной гористой местности, где живут чувашаи. И в результате этого похода почти все кони погибли; так у владевших сотней или двумя коней сохранилось едва по два или три. Это было первое действие по тем их советам.

Когда же приехал царь в Нижний Новгород, то пробыл там три дня, распустив по домам все свое воинство, сам же отправился на подводах до Москвы: так как там родился у него сын Дмитрий, которого он впоследствии своим безумием погубит, но об этом далее вкратце расскажем. Приехав в Москву, царь через два или три месяца разболелся тяжким огненным недугом, так что никто уже не надеялся, что он жив останется^{сххx}. Но он постепенно начал выздоравливать. Когда же он выздоровел, то дал обет поехать за сто миль от Москвы в Кириллов монастырь. После великого дня Христова Воскресения, на третьей или четвертой неделе поехал сначала в монастырь Троицы Живоначальной, называемый Сергиевым, что лежит от Москвы в двадцати милях на великой дороге, которая ведет к Студеному морю. Поехал в такой долгий путь не один, а со своей царицей и новорожденным отроком. Дня три они провели у Сергия, где царь отдыхал, так как еще не полностью выздоровел после тяжелой болезни.

А в том монастыре тогда пребывал преподобный Максим, монах из Ватопедского монастыря со Святой Афонской горы, родом грек, человек очень мудрый и искусный не только в риторстве, но и в философии, а был он к тому времени уже в преклонных годах. Много претерпел Максим от отца его (Василия III. — *Н.Э.*), был и в окопах долгие годы, и в длительном заточении в прегорьких темницах, и претерпел многие другие мучения неповинно, по зависти митрополита Даниила, человека прегордого и лютого, и других лукавых иосифлянских монахов^{сххxi}. Иоанн IV его из заточения освободил по совету своих сановников, объяснивших ему, что неповинно страдает такой блаженный муж. Этот монах Максим не посоветовал ему ехать в такой дальний путь с женой и новорожденным отроком. «Даже, — говорил он, — если и обещал ехать к святому Кириллу на молитву Богу, то обет такой с разумом не согласован. Победил ты гордое и сильное басурманское царство, но при этом погибло немало и храброго христианского воинства, которое сражалось за православную веру, и у тех погибших осиротели жены и дети, и матери чад своих лишились, и все они в слезах и в скорбях пребывают. И лучше тебе сейчас их пожаловать и устроить, утешить их от скорбей и от бед, собрав их всех в своем царствующем граде, нежели обещания, данные не по разуму, исполнять. А Бог, — говорит он, — за всем наблюдает своим недремлющим оком, как сказано у пророка: он не вздремнет и не уснет, храня Израиль^{сххxii}, а другой пророк говорит: очи у него (Бога) в семь крат солнца светлее и все видят.

Не только святой Кирилл силен духом, но и все ранее рожденные праведники, души которых на небесах, предстоят ныне у Престола Господня и имеют всевидящие духовные очи, смотрящие как бы с высоты, не то что богатые в аду, и все они молятся Христу за всех земных людей, особенно за кающихся в своих грехах и по своей воле отвращающихся от совершения беззаконий и обращающихся к Богу. А Бог и святые его не

по месту молитвам нашим внимают, а по доброй нашей воле и желанию. И если послушаешь, — сказал он, — здоров будешь и многолетен, с женой и отроком». И другими многими словами наказывал ему, и слова текли из уст преподобного слаще меда. Однако царь, гордый человек, упрямылся и только повторял: «ехать да ехать к святому Кириллу^{сxxxiii}. К тому же другие монахи, напротив, хвалили его за твердость в выполнении обета, но они не давали разумных духовных советов, да и не стремились к этому, из корысти потакая царю, желая быть ему угодными и суметь таким образом выманить какое-либо имение для монастыря или иное богатство, с тем чтобы самим жить сладко, как свиньям в сладострастии, уж не говорю, в дерьме (у Курбского «в кале». — *ff.3.*) валяться. Прочее же умолчим, чтобы не сказать еще более горького и скверного, но возвратимся к преподобному Максиму.

Когда преподобный Максим увидел, что царь презрел его совет и решил отправиться в это длительное путешествие, то он предсказал ему: «Если не послушаешь меня, советующего тебе по Богу, и забудешь кровь мучеников, погибших от поганых за правоверие, и презришь слезы их сирот и вдовиц, и поедешь, ведомый упрямством, то знай: сын твой умрет и не возвратится оттуда живым, если послушаешь и возвратишься, будешь здоров и сам, и сын твой». Эти слова он сказал при нас четверых: первый — исповедник его — Андрей протопоп Благовещенский, второй — Иван, князь Мстиславский, а третий — постельничий его — Алексей Адашев, и четвертый — я. Услышав такие снова от святого, мы говорили с царем об этом, но он не слушая и поехал на Дмитров, оттуда — на Песочное, в монастырь, что на реке Яхроме стоит^{сxxxiv}, где и ждали его суда, приготовленные для плавания. Здесь мы и увидели, что враг наш, непримиримый дьявол, умышляет и к чему приводит он окаянного человека, внушая ему ложное благочестие и обеты Богу, противные разуму! Он как стрелой выстрелил царем до того монастыря, где жил престарелый епископ, лукавый иосифлянин^{сxxxv}, прежде бывший на хлебником у отца его (Василия Ш. — *Н.Э.*), который совместно с прегордым и проклятым митрополитом Даниилом многих людей оклеветал, и они претерпели из-за него великое гонение. Митрополита Селивана, ученика преподобного Максима, человека, сведущего в духовных и светских науках, в своем епископском доме злой смертью в малые дни уморил; а вскоре после смерти великого князя Василия митрополита Московского и епископа Коломенского по совету тех синклитиков всенародно изгнали с престолов, исключительно по злему умыслу.

Что же тогда приключилось? А вот что воистину: приходит царь к этому старцу в келью, зная, что он был угодным советчиком его отца и было между ними согласие во всем, и спрашивает его: «Как мог бы я хорошо царствовать, чтобы своих великих и сильных иметь в послушании?» И подобало бы ему ответить: самому царю следует быть как голове и любить мудрых советников своих как свои члены, и другими многими словами из Священного Писания ему следовало бы советовать и поучать христианского царя, что было бы достойно человека, некогда бывшего епископом и находящегося в довольно престарелом возрасте. Он же что сказал? Начал шептать ему в уши, по старой своей злобе, как и отцу его, ложные доносы (у Курбского «сикование». — *Н.Э.*) и такие слова произнес: «Если хочешь самодержцем быть, не держи ни единого советника мудрее себя, потому что сам есть всех лучше; так будешь тверд на царстве и все будешь иметь в своих руках. А если будешь иметь мудрейших около себя, по нужде будешь послушен им». И так сплел он силлогизм сатанинский. Царь же его руку поцеловал и сказал: «О, если бы и отец мой был бы жив, таких полезных слов не поведал бы мне!»

Здесь мы приведем пример из истории, как соотносится древний голос отца с новым голосом сына. Изначально отец, прежде бывший Фосфоросом, увидев себя пресветлым и сильным и над многими ангельскими полками чиноначальником, поставленным Богом, и забыв, что сам он существо тварное, сказал себе: «Погублю землю и море и поставлю престол мой выше облаков небесных и буду равен Всевышнему^{сxxxvi}, как если бы сказал:

«И могу сопротивляться Ему». И тотчас с восходом дня ниспал он в преисподнюю, так как, возгордившись, не сохранил своего чина и как писано: из Фосфороса в Сатану^{сxxxvii} превратился и стал отступником. Как будто тот древний отступник шептал устами нашего престарелого монаха: «Ты лучше всех и не достоин тебе никого иметь мудрого», как бы сказал: «Потому что ты Богу равен».

О голос, воистину дьявольский, исполненный всякой злобы, презрения и забвения. Забыл епископ, что сказано во Втором Царстве: однажды советовался Давид с синклитиками своими о том, как сосчитать ему людей израильских ради обложения данью. Советники сказали ему, что он не сможет сосчитать, так как Господь, по обещанию Аврааму, умножил люд израилев как песок морской. Но он не послушал советников своих и приказал считать людей, для того чтобы увеличить дань^{сxxxviii}. Забыл, что принесло непослушание синклитского совета и какую беду навел из-за этого Бог? Едва весь Израиль не погиб, если бы царь покаянием и слезами не спас его. Запомнил ли, что гордость и презрение юных к совету старших принесло Ровоаму безумному^{сxxxix}? И ему (Топоркову. — Н.Э.) следовало, как писано в Священном Писании, поучение давать царю, покаянием очищенному, вместо тех шептаний незаконных, которые он в уши ему вкладывал, как будто ленился прочесть завещанное золотыми устами в Слове о Духе Святом, начинающемся словами: «Вчера от нас любимцы...», так же и в другом Слове, в девятом, в последней строке похвалы о Святом Павле, где начало: «Обличили нас друзья некоторые...». Здесь восхваляется дар духа, даваемый по Божественному совету, и приводятся рассуждения о различных возможностях духовных, например, об умении воскрешать мертвых, творить удивительные чудеса и говорить на различных языках, обладать даром провидения и давать полезные советы, способные принести прибыль царству. В подтверждение этого приводится пример Моисея, человека не худого и не безвестного, с Богом беседовавшего, и море разделившего^{cxl}, и победившего Фараонова Бога и пресияных Амалехитов^{cxli}, и сумевшего явить людям много чудес, но не обладавшего даром советовать. Моисей воспринял совет от тестя своего Рагуила, а Бог похвалил его совет и в Закон его записал, более пространно, нежели это было известно ранее. Если царь поставлен на царство, а способностей на то ему от природы не дано, то должен искать доброго и полезного совета, и не только у советников своих, но и у всех своих подданных, поскольку духовный дар дается не по богатству и не по силе царства, но по душевной мудрости, так как Бог не смотрит на могущество и гордость, а только лишь на правду сердечную и тем людям дает свои дары, которые способны их воспринять своей душой. Ты же все это забыл! И из уст твоих вместо благоухания смрад исходит. И еще вот что к этому надо добавить: только бессловесные управляются чувствами, а наделенные словом люди во плоти и даже бестелесные святые ангелы советом и разумом определяют свои действия, как Дионисий Ареопагит^{cxlii} и другие великие учителя пишут о том. А о ком вспоминать из древних и чей блаженный образ представить? У всех на устах имя деда царя, Иоанна великого князя, который сумел расширить пределы своего государства и, что удивления достойно, так это то, что, будучи в неволе у великого царя ордынского, сумел выгнать из юрт и разорить басурман, но не ради кровопийства и грабежа, а по совету с мудрыми и мужественными его советниками, ибо рассказывают, что он никогда ничего не начинал без глубокого и многократного совета.

Силлогизм песношского старца не только против древних великих святых, но и новых, которые в согласии наставляют: любящий совет любит и душу свою; а он говорит: «Не держи советников мудрее себя». О дьяволов сын! Зачем ты в человеческом естестве жилы пресек и всю крепость разрушил и в сердце царя христианского посеял безбожную искру, от которой во всей Святорусской земле лютый пожар разгорелся? О, я даже слов не нахожу, чтобы рассказать! Откуда эта великая злоба взялась, какой в нашем народе никогда не бывало, а только от тебя и ведется ее начало? Но далее я расскажу вкратце о результатах твоих лютых дел.

Воистину делами своими ты превзошел совет, данный Бассианом Топорковым, ибо ты не топорком — малой секирой, а воистину великой и широкой, самим оскордом (топором. — *Н.З.*) посек благородных и славных мужей по всей великой Руси. Это по твоей вине, Бассиан Топорков, царь наш злобой был начинен и пострадали от него многие воины и бесчисленное множество простых людей. Но оставим это и возвратимся к нашему рассказу. Напившись смертоносного яда от этого православного епископа, царь продолжил путь Яхромой-рекой до Волги, Волгой же плыл около десяти миль до Шексны, а Шексной вверх, до великого Белого озера, на нем и город стоит. И не доезжая до Кириллова монастыря, когда еще плыли по реке Шексне, сын Иоанна, по пророчеству святого Максима, умер. Вот первая «радость» по молитвам епископа Вассиана Топоркова! Бот получение мзды за обеты, не по разуму данные и не богоугодные! Приехал Иоанн в Кириллов монастырь в печали и тоске и затем возвратился с пустыми руками в большой скорби в Москву.

К тому же достойно вкратце упомянуть, как он презрел первый полезный совет, данный ему еще в Казани его синклитиками о том, что не стоит уходить из Казани, пока не будут искоренены полностью басурманские властители, как прежде я писал об этом. Что же для умирения гордости попустил Бог? Ополчились против царя оставшиеся казанские князья и вместе с прочими народами языческими, нападая не только на саму Казань, но и из великих лесов *наезжая* на Муромскую землю и даже на сам Нижний Новгород, и захватывали людей в плен. И так было непрерывно после взятия Казанского царства, около шести лет, в течение которых все новопоставленные в той земле города, да и некоторые в Русской, осаждались ими. И была тогда битва с басурманами; во главе наших полков стоял гетман — известный муж Борис Морозов, прозванный Салтыковым, в результате которой погибли полки христианские от язычников и сам гетман был пленен. Они держали его живым в течение двух лет и не соглашались ни на выкуп, ни на обмен на своих пленных, а потом убили. В те шесть лет много было битв и большое количество христианских воинов погибло в непрерывной войне с ними, ибо бились поганые ожесточенно, для их веры неожиданно.

На шестой год царь собрал большое войско — более тридцати тысяч и поставил над ними трех воевод: Иоанна Шереметева^{cxliii}, мужа очень умного и провиденциального и от молодости искусного в военных делах, и вышеупомянутого Семена Микулинского, и меня, а с нами немало стратилатов, храбрых и высокородных. Мы, придя в Казань, дали немного отдохнуть войску и пошли далеко в казанские пределы, где казанские князья сидели со своими поганскими полками. Их было там около пятидесяти тысяч и сидели они в ополчении, выставляя оттуда воинов на битву с нашими передними полками. Сражались, как я помню, около двадцати раз; было им очень удобно на своей земле воевать, в знакомых местах, да еще и из лесов подоспевала к ним помощь; сопротивлялись они отчаянно, но везде по благодати Христовой были побеждаемы христианами. Да и погода нам благоприятствовала. В ту зиму были великие снега, без северов^{cxliv}, и мало осталось врагов, так как ходили мы за ними целый месяц, а наши передние полки гонялись за ними за Уржум и Мешь-реку, за великие леса, и оттуда аж до башкирского народа, что на Каме-реке вверх к Сибири обитает. И сколько там их осталось — те покорились нам. Воистину есть что писать по порядку о тех сражениях с басурманами; но для краткости оставлю. Однако тогда мы погубили более шестидесяти тысяч басурманского воинства с их атаманами среди них известных губителей христиан Янчору Измаильянина и Алеку Черемисина и много других князей^{cxlv}. И возвратились мы в отечество с Божьей благодатью, пресветлой победой и большой добычей. И с этого времени начала мириться и покоряться Казанская земля нашему царю.

Затем в то же лето пришла нашему царю весть о том, что царь перекопский со всеми силами своими переправился) через проливы морские и пошел войной на землю пятигорских черкесов, для их защиты послал наш царь тридцатитысячное войско на

Перекоп во главе с Иваном Шереметевым и другими полководцами. Пошли войска через великое перекопское поле дорогой, лежащей на Изюм-Курган^{cxlvi}. Царь же басурманский издавна имея обычай: в одном месте лук натягивать, а в другом стрелять и, таким образом, на иную сторону слух распространять, якобы хочет идти на нее войной, а пойдет в другую; так, возвративши войска из черкесских земель, пошел на Русь, дорогой на великий перевоз^{cxlvii}, что в дне езды на коне от Изюм-Кургана, но не ведали крымцы о приготовлениях русских. Иван (Шереметев. *Н.Э.*), человек разумный, имел стражу с двух сторон, а также на подъездах по дорогам. Он и сведал о намерениях перекопского царя пойти на Русскую землю и послал весть к нашему царю в Москву с тем, чтобы предупредить его о том, что грядет недруг его во всей своей силе. Сам Шереметев зашел перекопскому царю в тыл и намеревался ударить именно в тот момент, когда войско перекопское вступит на Русскую землю. Потом он узнал о войске с обозом перекопского царя и послал на него треть своего войска, а был Шереметев от него в полпути, царь же перекопский имел обычай дней за пять-шесть оставлять половину коней всего своего воинства на всякий случай.

Наш великий князь (здесь царь. — *П.З.*) обычно подбирал себе писарей не из дворян и не из благородных родов, а из поповичей и даже из простого народа и им доверял, а те ненавидели своих вельмож и поступали, как пророк глаголет: один хочу веселиться на земле^{cxlviii}, и что же писари сотворили? То, что необходимо было утаивать, всем разгласили. «Вот, — говорили они, — исчезнет царь перекопский со всеми силами своими! Царь наш грядет со множеством воинства против него, а Иван Шереметев, возглавляя главные силы, идет за хребтом». И это написали во все края. Царь же перекопский, подойдя к русским границам, ни о чем не ведал, так как не встретил ни единого человека и очень хотел найти языка и, по несчастью, нашел двух: один из них, не вытерпев пытки, рассказал ему все по порядку, о чем написали наши писари. И говорят, что был перекопский царь тогда в ужасе и недоумении и направился обратно в свою Орду. А через два дня пути встретился с нашим войском, да и то не со всем, а только с той его частью, что на его стан была послана, и сошлись оба войска около полудня в среду, и была битва до самой ночи. В первый день Бог помог нам, множество басурман было побито, в христианском же войске мало было потерь. Бот только по излишней смелости врезались некоторые наши полки в басурманские — и был убит один сын знатного отца и два дворянина попали в плен. Их привели к царю, который приказал пытать их, и один вел себя как положено храброму и благородному воину, а другой, безумный, утратился мук и рассказал все по порядку. «Войско, — говорит он, — в малом числе и того лишь четвертая часть на твой стан послана».

Царь татарский имея намерение той же ночью уйти в Орду, ибо боялся войска христианского и самого великого князя, но, послушав того безумного пленника, задержался. Утром в четверг, на рассвете, началась битва и продолжалась до полудня, и то наше малочисленное войско так храбро билось, что все полки татарские были разогнаны. Царь один остался с янычарами (их было с ним тысяча с ручным оружием и немалым количеством тяжелых орудий). Но по грехам нашим в тот час сам полководец христианского воинства сильно был ранен и конь пал под ним и к тому же сбросил его с себя (так обычно бывает с раненым конем), но защитили его храбрые воины, сами едва живые, из которых половина погибла. Татары видели своего царя с янычарами и при орудиях, а наших воинов без полководца, как бы в замешательстве, хотя были при них и другие храбрые воеводы, но не так они были храбры и известны. Потом еще была битва меньше чем на два дня, но как сказано в пословице: «Если бы и львов стадо было, то без доброго пастыря оно не споро». Большую половину христианского войска разогнали татары. Многих храбрых мужей побили, а некоторых взяли в плен, другая же часть войска в буераке засела. К ним царь перекопский со всем своим войском приступал троекратно, желая пленить их, но они отбили и на заходе солнца вышли с великими трудностями.

Царь же отправился к Орде своей, так как боялся, что наше войско зайдет к нему в тыл. А те наши полководцы с воинами, которые уцелели, поехали к нашему царю.

Царь же наш тогда о поражении своем не знал и шел споро навстречу царю перекопскому, даже когда подошел к Оке, то не остановился там, где обычно останавливалось христианское войско, шедшее против царей татарских, а переправился через великую реку Оку и направился к городу Туле, желая там вступить с войском перекопским в битву. Когда же он был на полпути от Оки до Тулы, то получил весть о поражении нашего войска, потом еще через день раненные наши воины на пути встречались.

Некоторые царицы советники стали советовать не идти за Оку, а повернуть обратно на Москву. Другие же, мужественные, укрепляли его советами и говорили ему, что не следует к врагу оборачиваться спиной и срамить прежнюю славу свою и своего воинства, а необходимо мужественно принять бой с врагами Креста Христова. И говорили ему: «Если он (перекопский царь. — Н.З.) и выиграл битву за грехи христианские, то все равно войско его уже устало и в нем также множество раненых и убитых, поскольку крепкая *битва* была с нашими в те два дня». И когда они подавали этот добрый и полезный совет, то еще не знали, что царь перекопский, испугавшись, уже двинулся к Орде. Наш же царь совета храбрых послушал, а совет трусливых отверг и пошел к городу Туле, желая сразиться с басурманами за православное христианство. Бот такой был наш царь, пока любил держать при себе добрых и правду советующих, а не злых льстецов, хуже которых в царстве не может быть ничего! Как только он приехал к Туле, собралось к нему немало разогнанного войска, прибывшего со своими командирами, и всего их было около двух тысяч. Они и поведали ему о том, что вот «уже третий день, как царь (перекопский. — Н.З.) пошел к Орде».

После этого царь наш как бы покаялся и немало лет затем царствовал хорошо, поскольку он испугался Божьих наказаний, которые обрушились на него в связи с поражением от перекопского царя и казанским восстанием, о чем я выше рассказал, поскольку от казанцев пострадало христианское воинство и многие в нищету впали, потеряв последнее имущество, к тому же преследовали нас различные болезни, частые моры, и многие с плачем советовали покинуть город Казань и казанские пределы и вывести воинство христианское оттуда. Но то был совет богатых и ленивых, как монахов, так и мирских, как сказано в пословице: «Кому родить младенца, тому и кормить и заботу о нем иметь», иными словами, только тот, кто приложил много сил и сокрушался, достоин и советовать об этом.

Так вот Черемиса Луговая взяла было себе царя из Ногайской орды, чтобы с его помощью защищаться от христиан и воевать с ними. Этот черемисский народ был весьма многочисленным и кровожадным и обладал двадцатитысячным войском. Однако вскоре они решили, что им мало прибыли от того приглашенного царя, и убили его, а с ним приблизительно триста его татар, а самому царю отсекали голову и, воздрузив ее на высоком дереве, сказали: «Мы взяли тебя на царство с двором твоим, чтобы защищал нас, а ты и твои люди не оказали нам помощи столько, сколько поели наших коров, и потому ныне пусть твоя голова да царствует на высоком коле». Потом избрали себе своих атаманов и воевали с нами крепко два года, то примиряясь, то вновь возобновляя сражения. Некоторые события, что тогда приключились, для краткости истории сей я оставляю, но что вспомнил, то описал.

ГЛАВА IV

ЛИФЛЯНДСКАЯ ВОЙНА (1554 — 1560)

Ливонская война. Причины войны. Победы в Ливонии. Перемирие. Нарушение перемирия немцами. Безнравственность немцев. Взятие Нарвы, Сыренска, Нового града, Дерпта и других городов. Ущерб от действий магистра. Неудачный побег царя перекопского.

Покорение Астрахани. Мор в Ногайской орде. Безуспешный совет бояр. Военные действия Дмитрия Вишневецкого в Крыму. Бездействие Иоанна и короля польского. Образ жизни польских панов. Доблесть волынцев и Константина Острожского. Заслуги Сильвестра и Адашева. Падение Ливонского ордена. Неудачи русских воевод в Ливонии. Исправление положения Курбским по поручению царя. Поражение немцев. Плен лендмаршалка Филиппа с двенадцатью старостами. Рассказ Филиппа об истории лифляндцев. Смерть Филиппа. Взятие Феллина

В те же годы было перемирие с Лифляндской землей, и приехали от них послы с просьбой заключить мир. Царь наш начал вспоминать о том, что они не платят дани в течение пятидесяти лет, которой были обязаны еще его деду (Ивану III. — Н.Э.}. Лифляндцы не захотели ту дань платить^{cxlix}. Из-за этого началась война. Царь наш послал тогда нас, трех великих воевод, и с нами других стратилатов и войска сорок тысяч не земель и городов добывать, а завоевать всю их землю^{cl}. Воевали мы целый месяц и нигде сопротивления не встретили, только один город держал оборону, но мы взяли и его^{cli}. Мы прошли их землей со сражениями четыре десятка миль и вышли из великого города Пскова в землю Лифляндскую почти невредимыми, а затем довольно быстро дошли до Ивангорода, что стоит на границе их земель. Мы везли с собой множество богатства, потому что земля там была богата и жители были в ней очень горды, они отступили от христианской веры и от добрых обычаев своих праотцев и ринулись все по широкому и пространному пути, ведущему к пьянству и прочей невоздержанности, стали привержены к лени и долгому снанию, к беззаконию и кровопролитию междоусобному, следуя злым учениям и делам. И я думаю, что Бог из-за этого не допустил им быть в покое и долгое время владеть отчизнами своими. Потом они попросили перемирия на полгода, чтобы подумать о той дани, но, попросивши перемирие, не пробыли в нем и два месяца. А нарушили они его так: всем известен немецкий город, названный Нарвой, и русский — Ивангород; они на одной реке стоят, и оба города большие, особенно густо населен русский, и вот в тот именно день, когда Господь наш Иисус Христос пострадал за человеческий род своей плотью и каждый христианин должен по своим возможностям проявить страсотерпство, пребывая в посте и воздержании, немцы же вельможные и гордые изобрели себе новое имя и назвали себя Евангеликами; в начале того дня напились и обожрались, и начали из всех больших орудий стрелять в русский город, и немало побили люду христианского с женами, и детьми, пролив кровь христианскую в такие великие и святые дни, и били беспрестанно три дня, и даже не прекратили в Христово Воскресение, при этом находились в перемирии, утвержденном присягами. А воевода Ивангорода, не смея нарушать без царева ведома перемирия, быстро послал на Москву известие. Царь, получив его, собрал совет и на совете том решил, что поскольку они первые начали, то нам необходимо защищаться и стрелять из орудий по их городу и его окрестностям. К этому времени туда из Москвы было привезено немало орудий, к тому же посланы стратилаты и приказано было новгородскому воинству из двух пятин собираться к ним.

Когда же наши воины поставили большие орудия на свои места и стали бить по городу и домам, а также стреляли большими каменными ядрами верховой стрельбой, то они, неискушенные, жившие долгое время в мире, испугались и, отложив гордость, начали просить перемирия на четыре недели, чтобы поразмыслить о своем положении и сдаче города и направлении в Москву к царю двух бургомистров и трех богатых мужей, которые обещали за четыре недели сдать город. К магистру лифляндскому и другим властям немецким послали они просьбы о помощи. «Если же, — сказали, — не пришлете помощи, то мы такой великой стрельбы вытерпеть не сможем и сдадим город и земли». Магистр дал им в помощь феллинского и ревельского (таллинского) антипатов^{clii} и с ними четыре тысячи войска немецкого конного и пешего. Войско немецкое пришло в город через две недели, наши не начинали военных действий, ожидая конца перемирия, они же по обыкновению своему проводили время в пьянстве и оскорблении христианских

святынь. Так, они нашли икону Богородицы с младенцем Иисусом Христом на руке у нее, что раньше была в горнице, где прежде у них некогда русские купцы проживали, и, глядя на нее, хозяин дома вместе с несколькими пришедшими немцами говорил:

«Сей болван был поставлен для русских купцов, а нам он не нужен, давайте погубим его». Как говорил некогда пророк о таких безумцах: «Сечивом (ножом) и теслом разрушающие и огнем пожигающие светило Божие»^{cliii}, — подобно тому и те безумные и их южики^{cliv} сделали. Они взяли образ со стены и бросили его в огонь, на котором варили свою еду и питье. О, Христос! Ты обладаешь неизреченными силами, способными творить чудеса и ими обличаешь тех, кто дерзает незаконно порочить имя Твое. Так же быстро как из пращи или из какого большого орудия ядра летят, так из-под того котла огонь ударил вверх воистину как из халдейской печи, и не стало огня в том месте, где образ был, а загорелись верхние палаты, и случилось это на третий день недели. Воздух был тих и свеж, но внезапно возникла великая буря, и огонь разгорелся так скоро, что не прошло и часа, как все то место, где стоял дом, и весь город были объаты огнем. Люди же немецкие выбежали из города от огня великого, не получив никакой помощи. Народ русский увидел, что стены городские пусты, устремился через реку, кто в различных кораблецах, кто на досках, а некоторые двери из домов выламывали и на них плыли. Потом и воинство туда направилось, хотя воеводы и препятствовали им, поскольку было перемирие, но они не слушали их, так как видели, что на немцев явственно обрушился Божий гнев, а нам, напротив, подана помощь. И, разрушив железные ворота и проломив стены, вошли в город, а буря сильно бушевала, разжигая огонь с того дома по всему городу. Когда же наше войско подошло прямо к городу, то немцы начали сопротивляться: выйдя из вышеградских ворот, они бились с нашими два дня, захватили наши орудия, что на стенах у ворот стояли, и из них стреляли. Потом подоспели русские стрельцы со своими стратилатами, и множество стрел ручных вместе с оружейной стрельбой было выпущено на город. Потом втиснули их в город, и от жара того великого огня, от стрельбы из орудий по надвратным башням, от скопления народа и великого стеснения начали немцы просить перемирия. Когда прекратилась стрельба с двух сторон, вышли из города их войска и стали решать с нашими вопрос о сдаче города. Они попросили разрешить им добровольно покинуть город, сохранив всех живыми и невредимыми. На том и постановили: разрешили новопришедшему воинству выйти с оружием, только с тем, что при бедрах, а местным жителям — только с женами и детьми, оставляя все богатство в городе, а тем, которые захотели остаться в своих домах, позволили поступить по своей воле.

Такова была мзда ругателям, которые уподобили образ Христов, во плоти написанный, с Богоматерью, родившей Его, болванам поганских богов! Таково икономахам^{clv} воздаяние! Только за четыре или за пять дней они лишились всех отчин, и высоких палат, и домов, золотом расписанных, и многих богатств, и с унижением и стыдом и срамом ушли, как нази (воры. — *Н.Э.*), воистину знамение чуда прежде Суда на них явлено было, чтобы прочие научились и убоялись хулить святыни.

Таким образом была взята первая немецкая земля с городом. О том было в тот же день рассказано стратилатам нашим. Когда же до конца был потушен огонь в ту ночь, нашелся на пепелище образ Пречистой Богородицы, и был он цел и невредим по Божьей - благодати; затем эта икона была поставлена в новосозданной церкви на всеобщее обозрение. Через неделю взяли еще один немецкий город, находившийся в шести милях, называемый Сыренск^{clvi}, что стоит на реке Нарве в том месте, где она вытекает из великого озера Чудского, — та река не мала и на ней у Пскова порт, и течет она до этих мест. Били по этому городу из орудий только три дня, и немцы сдали его нашим. Мы же от Пскова пошли под немецкий город, называемый Новым (Нейгауз), что лежит от границы Пскова в полугора милях, и стояли под ним почти месяц, поставив великие орудия, но взяли его с трудом, ибо крепка была его оборона. Магистр Ливонского ордена со всеми епископами и властителями этой земли подошел к городу на помощь. У магистра

было немецкое войско более восьми тысяч, и, не доходя до нас, он остановился за пять миль за великой топью болот и за рекой — Двиной, видимо, опасаясь подойти к нам ближе, и стоял, окопавшись, с обозом четыре недели. Когда же услышал, что стены города разбиты и город уже взят, повернул назад к своему городу Кеси^{clvii}, а епископское войско пошло к городу Юрьеву. Но они были разбиты, не дойдя до тех мест. За магистром мы сами ходили, но он ушел от нас. Мы же, возвратясь оттуда, отправились к великому немецкому городу, называемому Дерптом, в котором епископ затворился с бургомистрами великими и жителями города и к тому же еще две тысячи заморских немцев, которые к ним пришли за пенязи (т.е. на службу за деньги. — *Н.Э.*). И стояли под тем великим городом две недели, прищанцовавшись, выставив орудия и окружив город так, что уже никто не мог ни выйти, ни войти в него; бились они с нами крепко, защищая свои земли и город как огненной стрельбой, так и частыми вылазками, храбро нападая на наше войско, воистину как подобает рыцарям.

Когда мы разбили городские стены из великих пушек, а по городу стреляли верхней стрельбой огненной и каменными ядрами, то побили много народа, тогда немцы стали выезжать из города, чтобы договориться с нами о его сдаче. Четыре раза они к нам выезжали, но, чтобы об этом долго не писать, скажу коротко — сдали они земли и город. Люди были оставлены в своих домах со всем своим имуществом, выехал из города лишь епископ в свой монастырь, который расположен за милю от Дерпта, и пребывал там до распоряжения царя нашего, а потом поехал в Москву и там ему был дан удел для проживания — один город с большой волостью.

Тем летом взяли мы городов немецких около двадцати и пробыли в той земле до начала зимы и затем возвратились к нашему царю с великой и светлой победой — и города взяли, и немецкие войско везде победили посланными от нас ротмистрами. Но скоро после того как мы ушли, недели через две, собрался магистр со всей своей силой и причинил немалый вред в псковских волостях, а оттуда пошел к Дерпту, не доходя которого окружил один городок, который у них называется Рындех, мили за четыре до Дерпта, и стоял, окружив его три дня, затем выбил стену и начал штурм и с третьего приступа взял его: пленил ротмистра с тремястами воинами и в злых темницах голодом и холодом зимой уморил чуть ли не всех. Помощи же тому городу мы оказать не могли из-за дальнего и тяжелого пути по перевозимней дороге (миль сто восемьдесят от Москвы до Дерпта) и усталости войска. И к тому же той зимой пошел царь перекопский со своей Ордой на князя великого; так как получили они из Москвы весть, что князь великий со всеми своими силами пошел на лифояндцев к Риге. Когда же перекопский царь дошел до границы, то взял на рыбных и бобровых ловах наших казаков и доведаясь, что князь великий в Москве и войско из Лифляндской земли возвратилось невредимым, взял великий город Дерпт и других двадцать городов. Царь перекопский, не повоевав, возвратился в Орду со всеми своими силами, с большим уроном и срамом, ибо та зима была студеной и снега полегли великие, кони их погибли и многие люди померли; к тому же и наши за ними гонялись, аж до реки Северный Донец дошли и там по зимовкам их побили^{clviii}. Б ту же зиму царь наш послал с войском своих знаменитых полководцев: князя Ивана Мстиславского и Петра Шуйского из рода княжат суздальских, и взяли они один прекрасный город, что стоит посреди большого озера на такой высоте, как велико само то местечко и город, а зовут его на их языке Алвист, а по-немецки Наримборх^{clix}.

В то лето, о котором я прежде вспоминал, царь наш смирился и хорошо царствовал и исполнял законы Господа. И тогда, как речет пророк, враги его были усмирены и христианам оказана помощь против наступавших на них народов.

Господь милосердный воспитывает добротой, а не наказаниями; если уже жестоко и непокорно кто поведет себя, тогда прещением^{clx}, смешанным с милосердием, наказывает; если уж совсем неисправимы, тогда налагает наказание, для примера, на тех, кто нарушает

закон. Прибавляется еще и другое милосердие, как говорится, дарующее и утешающее в покаянии царя христианского.

В те же годы или немного перед тем прибавил (Господь. — *Н.Э.*) ему к Казанскому царству другое — Астраханское; об этом вкратце расскажу. Послал тридцать тысяч войска в галерах Волгой на астраханского царя; а над войском поставил Юрия Пронского (о нем я прежде писал, когда рассказывал о казанском взятии), а ему дал в помощники Игнатия Вешнякова, постельничего своего, мужа храброго и знаменитого. Они взяли это царство, расположенное близ Каспийского моря. Царь астраханский убежал перед их приходом, а цариц его и детей взяли с сокровищами царскими; и всех людей в этом царстве покорили нашему царю и вернулись со светлой победой невредимые со всем воинством.

Потом в те же годы Бог наслал мор на Ногайскую орду, то есть на заволжских татар, а также послал на них очень студеную зиму, так что весь скот у них вымер — и конские стада, и другая скотина, а летом они исчезли и сами: так как они живут молоком своих стад, а хлеба не знают. Оставшиеся, видя, что на них явственно обрушился Божий гнев, пошли ради пропитания в Перекопскую орду. Господь и там поразил их: от солнечного горения навел сухоту и безводие — где ранее текли реки, там не только не стало воды, но если копать на три сажени в землю, и там мало что найдешь. В результате того народу измаильтанского мало за Волгой осталось, едва пять тысяч военных людей, а было их число подобно песку морскому. Но с Перекопа тех ногайских татар прогнали великий голод и мор. Некоторые очевидцы наши свидетельствовали, что в Перекопской орде и десяти тысяч коней от той язвы не осталось. Тогда настало время отмщения басурманам от христианского царя за многолетнюю христианскую кровь, беспрестанно ими проливаемую, для того чтобы успокоить себя и отечество, ибо именно для этого бывают цари на царство помазаны — чтобы судить по закону и царства, врученные от Бога, защищать от нашествий варваров.

Тогда царю нашему многие храбрые и мужественные мужи советовали и настаивали на том, чтобы подвигся он со всей своей головой и великим войском на перекопского царя, ибо время пришло и Бог хочет подать руку помощи и перстом своим показывает на врагов наших извечных, христианских кровопийц, к тому же было необходимо избавить наших многих пленников от работы, подобной самым адским мукам.

Если бы он памятовал о своем царском сане помазанника Божьего, то послушал бы добрых советов своих мужественных полководцев и ему была бы достойная похвала на этом свете, но особенно во много крат от Бога в другом веке (на том свете. — *Н.З.*), так как дражайшей крови своей не пощадил бы за погибающий человеческий род пролить. А если бы и души наши пришлось положить за страдающих многие годы бедных христиан в плену, то воистину это всех добродетелей любви выше, как говорится: больше той добродетели, как положить свою душу за друга своя, ничего и нет.

Хорошо бы, очень хорошо выручить пленных из Орды, освободив их от многолетней работы, и разрешить их, окованных, от тягчайшей неволи, но наш царь об этом тогда мало беспокоился. И едва послал пять тысяч воинства с Бишневецким Дмитрием Днепром-рекою в Перекопскую орду, а на другой год с Даниилом Адашевым и с другими полководцами также водой восемь тысяч. Они выплыли Днепром в море и много бед причинили Орде: татар побили, их жен и детей пленили, немало христианских людей от работы освободили и сами возвратились невредимыми. Мы же обо всем этом не раз говорили царю и советовали либо самому пойти на Орду, либо великое войско послать. Он не послушал и запретил нам это. Ему же во всем вторили его льстецы, добрые и верные товарищи по трапезам, кубкам и раз-яичным наслаждениям, а на своих верных родных и едино-коленных готовил оружие еще более острое, чем на поганых, скрывая внутря себя семя, посеянное вышеупомянутым епископом Топорковым.

А в это время польский король и его ближайшее окружение погрязли в различных плясаниях, переодеваниях и маскарадах. Они, властители этой земли, драгоценными калачами и марципанами с бесчисленными издержками гортань и утробу наполняли, и утлые делвы (сосуды. — *Н.Э.*) вина безмерно разливали, и вместе с печенегам пировали, и гордо друг друга пьяные восхваляли, что не только Москву, но и Константинополь могут они захватить, и даже если бы турки были на небе, то способны их оттуда совлечь, и другую всякую похвальбу говорили. Сами же возлежали на своих одрах, на толстых перинах и просыпались только к полудню с головами, завязанными от похмелья, и, едва очухавшись, вставали, и так все дни проводили гнусно и лениво, ибо таково их многолетнее обыкновение. Забыли они время удачных походов на басурман и не заботились ни о своем отечестве, ни о тех, кто в многолетней работе в плену, хотя каждый год видели их жен и детей перед глазами (вышеуказанные печенеги не способны защищать их) и не защищали никого. Но, желая избежать великого нареkania многослезного от народа, они как бы выйдут, ополчатся и грядут во след полков басурманских, опасаясь ударить по врагам Креста Христова, и так, следуя за ними два или три дня, возвращались восвояси, а что осталось от татар или сохранилось у убогих крестьян, в лесах проживающих, то все отнимали: скотов поедали и последнее имущество грабили, ничего не оставляя бедным, лишь только одни слезы после них, окаянных.

А издавна ли те народы так нерадивы и немилосердны к своему народу и к своим родным? Воистину не давно, а недавно. Вначале среди них были мужи храбрые и бодрые, заботившиеся о своем отечестве. Но что ныне с ними приключилось? Раньше они были в христианской вере и церковных догматах тверды, а в делах житейских умеренны и воздержанны, жили они тогда хорошо и защищали свое отечество. Когда же они оставили путь Господень, и веру церковную отвергли ради излишнего покоя, и ринулись в просторный и широкий путь, сиречь в пропасть лютерово^{clxi} ереси и других различных сект, и богатейшие их властители на такое неподобие дерзнули, вот тогда все это с ними приключилось. Некоторые богатые их вельможи, занимающие высокие посты, на такое самовластие ум свой обратили, а на них смотря и все их подчиненные и братья меньшие на такую же слабость безрассудно устремились, как говорится в мудрой пословице: как начальники делают, так и весь народ поступает. А что особенно горько в их сладострастной жизни, так это то, что почетные их люди и княжата боязливы и разруганы своими женами, и как они прослышат о нахождении варваров, собираются в своих укрепленных городах и — что воистину смеха достойно — оденутся в доспехи, сядут за стоя за кубками и со своими пьяными бабами да рассказывают всякие басни, а из ворот городских выйти не хотят, хотя под самым городом христиане бьются с басурманами. Такое я видел своими глазами, и не в одном городе, а в нескольких.

В одном городе случилось нам видеть следующее: здесь было пятеро великородных их вельмож со дворами своими и два ротмистра со своими полками, а под самым этим городом некоторые воины и простые люди сражались с проходящим мимо татарским полком, который шея по их земле с пленными, и христиане терпели от них поражение, а из этих властителей ни один из замка не вышел им на помощь, они в это время сидели, разговаривали и пили вино полными кувшинами. О пирование непохвальное! Кувшины не вина, не меду сладкого, а крови христианской полны! И в конце битвы той, если бы не Волынский полк, быстро настигший этих поганых, то там всех до конца бы и перебили. Но когда увидели басурмане наступающий христианский полк, то большую часть пленных они посекали (убили. — *Н.З.*), а других живыми бросили^{clxii} и в бегство обратились. Так же и в других городах, как выше я рассказал, своими глазами я видел богатых и благородных, вооруженных в доспехи, которые не только не желали гнать врага в след, но и следа их опасались и на локоть не смели выйти из города.

Такое ужасное доя слуха и смеха достойное поведение бывает от роскоши и различных злых вер, что и приключилось с бывшими христианами, когда-то храбрыми и

мужественными, а затем подвергнувшимися женовидной боязни! А мужество тех волынцев не только в хрониках описывается, но и в новых повестях их храбрость подтверждается, как мало раньше о каких других писали. Это потому, что они были православными и соблюдали умеренные обычаи и имели над собой гетмана храброго и славного Константина^{clxiii}, в православных догматах светлого и во всяком благочестии сияющего, который отечество свое многократно обороняя и был тем известен.

Но повесть моя стала излишне подробной и потому возвратимся к прежде сказанному.

Много я вспоминал о Лифляндской войне, здесь же только о битвах некоторых и о взятии городов краткой историей изведу. Вначале упомянем двух добрых мужей: исповедника царского и постельничего, которых достойно назвать друзьями и советниками его духовными, по слову Господню: «Где двое или трое соберутся о имени Моем, там Я среди них»^{clxiv}, и воистину был Господь в середине и от Него много помощи, Души тех советников были в согласии, и сами они, мудрые, совместно с искусными и мужественными стратилатами окружали царя, и храброе воинство было невредимо и весело.

Тогда царь всюду прославляем был, и Русская земля доброй славой цвела, и грады твердые аламанские (германские. — *Н.З.*) разбивались, и границы христианские расширялись, и на диких полях, где прежде были города, плененные безбожным Батыем, снова они возрождались, и противники царя, враги Креста Христова, побеждались, а другие покорялись, и некоторые из них к благочестию обращались, оглашались^{clxv} и научились от клириков^{clxvi} вере в Христа, обращаясь из лютых варваров, подобных кровоядным зверям, в кротких овец Христова стада.

На четвертый год после взятия Дерпта последняя власть лифляндская разрушилась (имеется в виду распадение Ливонского ордена. — *Н.З.У*, часть земель вошла в состав Королевства Польского и Великого княжества Литовского; Кесь, столичный свой город, новоизбранный магистр тоже отдал и от страха сбежал за Двину-реку, выпросив себе у короля Курляндскую землю и прочие города, поскольку он сказал, что с Кесью он оставил все другие города по обе стороны реки Двины, а другие земли отошли шведскому королю с великим городом Ревелем, а иные — датскому. А в городе Феллине^{clxvii} старый магистр Фюрстенберг остался, а с ним великие стенобитные орудия — кортуны, их за дорогую цену доставили из-за моря, из Любека, от немцев, и другие многие орудия для огненной стрельбы.

В тот Феллин великий князь послал свое войско великое^{clxviii}, а до этого за два месяца, весной, был и я послан в Дерпт, поскольку там его воинство терпело поражение от немцев. Дело в том, что опытные полководцы были посланы против перекопского царя на охрану границ, а в Лифляндию отправили необученных и неискусных в полкоустройении, и поэтому русское воинство неоднократно терпело поражение от немцев, причем не только от ратных полков, но даже и от малых людей там великие люди бегали. Поэтому царь позвал меня в спальню и говорил со мной любовно и милостиво, к тому же со многими обещаниями. «Принужден был, — сказал он, — получив известие от моих воевод, либо самому идти против лифляндцев, либо тебя, моего любимого, послать, чтобы охрабрилось мое воинство. Бог поможет тебе, иди и послужи мне верно». И я с большим старанием пошел, потому что был послушен, как верный слуга, приказам царя своего.

И тогда, в те два месяца, прежде чем пришли другие стратеги, я двукратно ходил: первый раз под Белый Камень, что от Дерпта в восьмидесяти милях, в очень богатые волости и там победил немецкий полк под самым городом, который стоял на страже, и узнал от взятых в плен о магистре и других ротмистрах немецких, которые стояли в большом ополчении, оттуда в восьми милях, за великими болотами. Вместе с пленными я отступил к Дерпту, и, собрав войска, пошел к ним ночью, и к утру пришел к тем великим болотам, и с легким воинством в течение дня перебрался через них. И если бы враги встретились с

нами на этих болотах, то победили бы нас, даже если бы со мной в три раза больше воинов было, а со мной невеликое тогда воинство было, всего около пяти тысяч, враги наши гордо стояли на широком поле, за две мили от тех болот, готовые к бою. Но мы, переправившись в те места, дали отдохнуть коням до захода солнца, а на другой день пришли к ним в полночь — ночь была лунной, особенно вблизи моря, там светлее ночи бывают, нежели где бы то ни было, и сразились на широком поле с их передним полком. Битва длилась полтора дня, и не так в ночи помогла им огненная стрельба, как свет наших огненных стрел. Когда же пришла нам помощь от Большого полка, тогда сразились с ними врукопашную, и смяли их наши, и германцы побежали, а наши гнали их около мили до реки, над которой был мост, и этот мост, к их несчастью, под ними подломился и они все там погибли. Когда мы возвратились после битвы, уже сияло солнце, и на том поле, где битва была, обнаружили пеших их кнехтов^{clxix}, спрятавшихся в хлебах, и было их четыре полка конных и пять пеших. Тогда кроме убитых мы взяли пленных сто семьдесят знатных воинов, а наших убитых из дворян было шестьдесят, кроме их обслуги. И мы возвратились оттуда к Дерпту. Войско отдыхало десять дней, затем к нам прибыло две тысячи добровольцев и мы пошли на Феллин, где был старый магистр. Мы спрятали свое войско, а послали только один полк татарский пожечь предместья. Магистр же решил, что нас мало, и выехал со своими людьми, бывшими в городе, чтобы сразиться с нами, мы же поразили его из засады, так что он сам едва сумел убежать. Воевали мы потом целую неделю и возвратились с большой добычей. Если вкратце обо всем сказать, имели мы в тот год восемь великих и малых битв и везде с Божьей помощью сопутствовала нам победа. Нехорошо было бы мне самому о своих делах по порядку писать, а посему оставлю это, упомянув только о татарских битвах, что в молодости моей были с казанцами и перекопцами, да и с другими народами — тогда везде все было добросовестно сделано и незабвенны подвиги христианских воинов, которые по Божьей воле с добротой и ревностью против врагов телесных и духовных бились, да как речет Господь, и волосы наши на головах сочтены^{clxx}.

Когда же пришли наши гетманы с другим войском к нам под Дерпт, то с ними было всего воинства около тридцати тысяч конного, и пеших стрельцов и казаков десять тысяч, и великих орудий сорок, и других орудий около пятидесяти, из которых производится огненный бой по стенам города, и меньших по полторы сажени. Пришел нам тогда приказ от царя идти под Феллин. Мы же имели тогда известие о том, что магистр хотел отправить великие стенобитные и другие орудия и скарб свой в град Гапсал^{clxxi}, который на самом море расположен. Мы послали двенадцать тысяч своего войска со стратилатами, чтобы они обогнали его под Феллином, а сами пошли с другой частью войска иным путем, а все орудия препроводили рекой Имбеком вверх, а оттуда озером, что за две мили от Феллина, выгрузили их на берег с судов, а стратилаты, посланные нами к Феллину, шли путем, что пролегал около города немецкого Армуса, приблизительно за милю.

Филипп — их ландмаршал^{clxxii}, муж храбрый и в военном деле искусный, имел при себе пятьсот человек рейтаров^{clxxiii} немцев и еще четыреста или пятьсот пеших, но они не знали о том большом войске, что было со мной. Я сам не единожды посылая людей под тот город раньше, да еще и великое войско пришло к нам с вышеназванными стратилатами. И пошли мы на них с храбростью — а особенно потому, что благодаря пьянству среди немцев поймали одного из осажденных и взяли у него документы, но не узнали точно, в каком числе войско идет. Наши предполагали, но не надеялись на то, что с таким малым количеством людей Филипп решится пойти на такое неравное сражение. И перед полуднем, на отдыхе, ударили на одну часть, смешавшись с нашей стражей, потом подошли к нашим коням и битва завязалась. Другие наши стратилаты, шедшие со своими полками, имели хороших проводников, знающих местность, они прошли лес вкось и поразили немцев так, что лишь немногим из них удалось убежать с поля боя, а самого храброго и славного мужа в их народе, воистину последнего защитника и надежду

лифляндского народа, слуга Алексея Адашева взял в плен, а с ним одиннадцать крестоносцев и сто двадцать шляхтичей немецких, кроме прочих. Мы же об этом не знали и пришли под город Феллин и встретили там наших стратилатов не только невредимых, но и с пресветлой победой, и славного начальника лифляндского — Филиппа, храброго мужа с одиннадцатью крестоносцами и другими.

Я повелел привести и поставить его перед нами и начал спрашивать о некоторых вещах, как это положено по обычаю, тогда он со светлым и веселым лицом (считая себя пострадавшим за отечество), нисколько не ужасаясь, начал с храбростью отвечать нам, и увидели мы, что он имеет не только добрый, мужественный и храбрый характер, но и острый ум и прекрасную память. Некоторые разумные ответы его оставлю, а вот один вспомню — это о его печальном вещании о Лифляндской земле. Сидя у нас как-то раз на обеде (хотя он был и пленный, но почести ему оказывали такие, как и подобает светлому мужу) и между беседами, как обычно бывает при застолье, начал нам говорить: Тешили все короли западные вместе с самим папой римским и цесарем христианским, собрав множество воинов-крестоносцев, направить^{clxxiv} их на помощь тем христианам, что живут в землях, опустошенных от набегов сарацин, а затем и пойти далее, в земли варварские, с целью осесть на них и обратить их жителей в веру Христову (как это ныне сделано королем испанским и португальским в Индии). Все это войско разделилось на три части под командованием трех гетманов, и выступила одна часть пополудни, а две к полуночи^{clxxv}.

Те, которые вышли пополудни, приплыли к острову Роди-су (Родосу), опустошенному от вышеупомянутых сарацин^{clxxvi} в результате несогласия безумных греков, и нашли его вконец разоренным. Обновили его города и окрестности и, укрепив их, завладели ими вместе с теми, кто жил там. А войско, в полуночи плывущее (там были прусы), тоже захватило земли с живущими на них, а третья часть приплыла в землю, где жили жестокие и непокорные варвары, и заложили там город Ригу^{clxxvii}, потом Ревель^{clxxviii} и бились много с теми варварами, которые жили в тех местах, и с трудом овладели ими, и немало лет прошло, прежде чем склонили их к познанию христианской веры. Когда же освоили ту землю и обратили людей в христианство, то обещали возложение во имя Господа на похвалу имени Его Богоматери. Тогда все эти рыцари пребывали в католической вере, жили воздержанно и целомудренно и Господь наш всех оборонял от врагов, помогая нам всем, защищая нас как от русских княжат, воевавших нашу землю, так и от литовских. Особенно крепкую битву имели с великим князем Литовским Витовтом, от нас тогда шесть магистров было поставлено — и один за другим были побиты, сражение было жестоким, и только ночь развела ту битву^{clxxix}. Так же и в недавние годы (я думаю, вам известно об этом) князь великий Иоанн Московский, дед настоящего, захотел ту землю покорить. Мы крепко сражались с гетманом его Даниилом^{clxxx}, не помню, сколько битв было, но в двух мы одержали победу. Божья помощь была с праотцами нашими и они устояли в своих отчинах. Ныне, когда мы отступили от веры церковной, дерзнули отринуть Законы и Устав Святые и приняли новообретенную веру и затем невоздержанно устремились к широкому и пространному пути, ведущему к погибели, явственны грехи стали наши перед Богом, и Он, казня нас за беззакония наши, предал нас в руки наших врагов. Наши прародители соорудили нам грады высокие, окрестности укрепленные, палаты и дворы пресветлые, а мы, не потрудившись, вошли в них, садов и виноградов не насадили, а наслаждаемся плодами рук других, постаравшихся устроить такие дома, располагающие к удобной жизни. А вы думаете мечом нас покорить? Другие же и без меча в наши имения входили, не трудясь, лишь обещая нам помощь и защиту. Какова цена той помощи, смотрите сами, ибо стоим перед врагами связанные! О, как печально и скорбно мне, но вижу как перед глазами, что все несчастья случились с нами за грехи наши и милое мое отечество разорено! И не думайте, что вы силою такое с нами

сотворили — все то Бог попустил за преступления наши и предал нас в руки врагов наших!»

Бее это со слезами он нам рассказывал, и даже мы все слезами исполнились, глядя на него и слыша такое. Но затем он утер слезы и с радостным лицом сказал: «Но нынче благодарю Бога и радуюсь, что пленен и стражду за любимое отечество, даже если мне за него и умереть придется, воистину дорога мне эта смерть будет и любезна». Сказавши это, он замолчал, мы же все удивились его разуму и словам и держали его в почести под стражей, потом послали его к царю нашему со всеми прочими пленными властителями Лифляндской земли в Москву и просили царя, написав ему послание, чтобы не приказал погубить его. Если бы царь послушал нас, то он мог бы всю землю Лифляндскую иметь с его помощью, потому что почитали его лифляндцы как отца. Но когда он был приведен к царю и спрошен жестоко, то ответил он царю: «Неправдой и кровопийством посягаешь ты на наше отечество, а не как достойно царю христианскому!» Царь же разгорелся гневом и повелел погубить его, поскольку он уже стал лют и бесчеловечен^{clxxxii}.

Тогда я стоял под Феллином, помнится, три недели, соорудили мы шанцы и били по городу из орудий великих. И еще тогда ходил к Кеси и имел три битвы и победил их нового полководца, который был избран вместо старого под Больмаром; когда же пришли под Кесь, то ротмистры, направленные против нас от Еронима Хоткевича, побеждены были и поспали в Ригу воина с известием, и Ероним, услышав о поражении своем, ужаснулся и ушел из земель лифляндских за Двину, великую реку, но оставляю об этом писать ради краткости и возвращусь к феллинской победе. Когда были разбиты стены городские, немцы стали еще ожесточеннее сопротивляться, мы тогда ночью стреляли огненными ядрами, и одно ядро упало в церковное яблоко, так как великие их церкви на возвышении стояли и ядра попадали в них, и начался пожар в городе. Тогда магистр просил дать ему время и обещал сдать город, требуя разрешить ему свободный проезд со всеми бывшими в городе и предоставить возможность вывезти имущество. Мы на такие условия не соглашались. Решили так: жалнеров^{clxxxii} всех выпустить свободно и жителей тоже, если они пожелают, а магистра с его имуществом задержать. Ему пообещали милость от царя, который даст ему город на Москве для проживания до его смерти, а имущество будет ему возвращено потом. И так взяли город и окрестности его и огонь погасили. А затем взяли еще два или три города, где были наместники того магистра Фюрстенберга. Когда же вошли в Феллин, то увидели еще три крепости, которые были укреплены и сооружены из твердых камней, рвы у них глубокие и камнями гладкими и тесаными выложены, и на них увидели стенобитные орудия числом в восемнадцать, а в городе еще двадцать пять великих и малых и множество всяких припасов, а в самом верхнем городе не только церковь и палаты, но и кухня и станы покрыты толстыми оловянными листами. Князь великий повелел эту кровлю снять, а сделать в то место другую, из дерева.

ГЛАВА V

НОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ ЦАРЯ

Начало зла. Лъстецы. Удаление Сильвестра и Адашева. Новый образ жизни царя и его последствия. Вспоминания об убийствах деда Иоанна. Слово Иоанна об «избиенных». Скорбь автора. Причины краткости «Истории»

И что же наш царь после этого предпринимает? Когда же защитился с Божьей помощью от врагов храбрыми своими воеводами, тогда воздает злом за добро, лютостью за любовь, лукавством и хитростью за добросовестную и верную службу. И как же это начинается? Вначале он прогоняет двух вышеупомянутых мужей-советников Сильвестра-протопопа и Алексея Адашева, ни в чем перед ним не виноватых, и открывает свои уши злым лъстецам, о которых я уже писал. Они уже неоднократно клеветали и доносили загазно на этих святых людей, особенно преуспели царские шурины и другие нечестивые

погубители всего царства. А чего ради это было сделано? Они полагали, что их злоба не раскроется и они смогут безнаказанно всеми нами владеть и вершить неправедный суд, взятки брать и другие преступления совершать безнаказанно, умножая себе состояние. И о чем же они клеветают и шепчут на ухо царю? Когда умерла царица^{clxxxiii}, то они сказали, что погубили ее эти два мужа (в чем сами искусны и во что верят, то на святых и добрых людей возлагают). Царь им поверил и пришел в гнев. Услышав все это, Сильвестр и Алексей (Адашев) начали посылать ему послания через митрополита (Макария. — *Н.Э.*) с просьбой выслушать их лично. «Не отречемся, если будет доказана наша вина и по делам своим мы будем достойны смерти, но пусть это будет открытый суд перед тобой и всем твоим Сенатом». Что же умышляют злодеи? Послания не допускают до царя, старому епископу (митрополиту. — *Н.Э.*) угрожают, а царю говорят: «Если допустишь их перед свои очи, то они погубят и тебя и твоих детей, к тому же народ и твоё воинство, которые их любят, побьют тебя и нас камнями. И даже если этого не будет, то они подчинят тебя, неволей привязав к себе. Эти колдуны, — продолжали они далее, — держали тебя, государя великого и славного и мудрого, боговенчанного царя, как бы в оковах, повелевая тебе, что есть и что пить и как с царицей жить, не давая тебе ни в чем воли, ни в малом, ни в великом; ни людей своих миловать, ни царством своим владеть. И если бы не они были при тебе, при государе мужественном, храбром и всеильном, и не держали бы тебя уздой, то ты бы уже едва ли не всей вселенной обладая, но они своими злыми чарами закрывали тебе глаза, не давая тебе ни на что самостоятельно смотреть, ибо сами хотели царствовать и всем владеть. И если ты снова допустишь их к себе на глаза, то они способны очаровать тебя и ослепить. Теперь же, когда ты прогнал их, то воистину образумился и в свой разум пришел и своими глазами свободно смотришь на свое царство, как и подобает помазаннику Божьему, и никто иной, а ты сам один управляешь и владеешь своим царством». Их лживыми устами говорил сам дьявол, который сумел через лицемерные речи погубить душу христианского царя, ранее живущего по христианским заветам, они растерзали его душу, словно пленницу, а душа ведь Богом создана для любви (да и сам Господь говорит: «Где собрались двое или трое во имя Мое, там и Я среди них»). И они Бога из середины прогоняют, проклятые, и такими лживыми речами губят христианского царя, бывшего добрым и в течение многих лет покаянием украшенного, в воздержании и чистоте пребывавшего. О злые и лукавые люди, своего отечества и всего Святोरусского царства губители! Что вам за польза в этом? Вскоре увидите результаты своих дел, как сами, так и дети ваши, и услышите от грядущих поколений проклятие всегдашнее!

Царь же напился от них, окаянных, смертоносного яда лести, смешанного со сладостным ласканием, и сам преисполнился лукавства и глупости, хвалит их советы, любит их дружбу и привязывает их к себе присягами, да еще и призывает их вооружиться против невинных и святых людей, к тому же добрых и желающих ему пользы, как против врагов, собирая вокруг себя всеильный и великий полк сатанинский! И что же вначале начинает и делает? Собирает соборище не только на весь свой мирской Сенат, но и приглашает духовенство: митрополита, городских епископов и присовокупляет к ним некоторых лукавых монахов: Михаила, по прозванию Сукина, издавна известного своей злобой, Васьяна Бесного, воистину неистового, и других таких же им подобных, полных дьявольской злобы, бесстыдства, лицемерия и дерзости: и всех сажает рядом с собой и благодарно с премногим унижением гордыни своей слушает их клевету на невинных святых. И что же соборище решает? Возводят заочно обвинение на тех вышеупомянутых мужей (Сильвестра и Ддашева). Митрополит (Макарий. — *ff.3.*) тогда перед всеми сказал: «Подобает пригласить их сюда, поставить перед всеми, чтобы слышали они все обвинения, а нам воистину достоин услышать их ответы»^{clxxxiv}. Другие добрые люди согласились с ним. Но губители, царевы приспешники, закричали: «Не подобает так делать! Поскольку эти злодеи колдуны и они очаруют царя и нас погубят, если придут». И так осудили их заочно. О, смеха достойное и более всего беды исполненное осуждение от царя, поверившего клеветникам!

В результате отправлен духовник его протопоп Сильвестр в Соловецкий монастырь, что на Студеном море в Карельской стране, где дикий народ Лопи проживает. А Алексей без суда отстранен и отправлен в город Феллин, который только что нами был взят, и там назначен антипатом (наместником). Но слух дошел до нынешних советников царя, что и там он верно служит и с Божьей помощью покорились царю лифляндские города, ранее не взятые нашими войсками, только благодаря доброте Алексея, который и в беде пребывая верно служил царю. Советники же царя продолжают шептать на него разную клевету царю в уши. И он повелевает отправить его в Дерпт, где тот в течение двух месяцев содержался под стражей и затем тяжело заболел и, исповедовавшись, умер. Когда же клеветники услышали об этом, то закричали царю: «Твой изменник сам выпил смертоносный яд и умер».

А протопоп Сильвестр еще ранее до изгнания, увидев, что царь живет не по-Божески, начинает возражать ему и направлять на путь воздержания, поучая и наставляя его, но поняв, что царь не слушает и преклонил свой ум и уши к льстецам, а от него отворотился, удалился в монастырь за сто миль от Москвы, где и проживал в монашеской чистоте. Клеветники же, проведав о том, что Сильвестр живет в том монастыре в почете и уважении, завидовали ему и думали, что слава о нем дойдет до царя и тот может опять приблизить его к себе, и тогда протопоп обличит их несправедные дела, неправосудные и мздоимные суды, пьянство и нечистую жизнь, и из-за этого святого все может для них закончиться. Испугавшись этого, они схватили протопопа и отвезли его в Соловки, о которых я прежде упоминал, где бы о нем и слух пропал, а сами похвалялись, что выполнили соборное решение, которым был осужден заочно сей святой муж. Где о таком суде слышали под солнцем, чтобы осуждали, не выслушав ответов? Как Златоуст пишет в послании Иннокентию, папе римскому, с жалобой на Феофила и на царицу и на все собрание по поводу несправедного изгнания своего и начинается оно словами: «Обращаюсь к тебе, потому что слышан о благочестии твоём, чтобы сообщить о той неправде, что здесь мятеж творить дерзнула», а кончается: «противники получили презрение потому, что оклеветали нас, а нам не дали оправдаться, ни устно, ни письменно. В чем нас обвинили, в том мы совсем невиновны. И что они сделали против нас? Судили против всех правил, против всех канонических церковных». И что говорю о церковных канонах? Это ведь не в поганских судах, не в варварских странах, не у скифов, не у сарматов судили заочно оклеветанных. Когда читаешь Златоустово послание, то как-то все лучше понимается^{clxxxv}. Таков и царя нашего христианского Соборный суд. Этот декрет знаменитый принят лукавым сообществом льстецов, грядущим потомкам на вечный срам и унижение русскому народу, поскольку в этой земле родились злые, лукавые ехиднины отродья, которые у матери своей, что родила и воспитала их, т.е. земли Святорусской, чрево прогрызли, воистину на свою беду и опустошение!

Что же за плод от трудов этих злых льстецов и погубителей по сей день произрастает и во что обращается? И что же царь от них приобретает и получает? Вместе с ними дьявол умышляет направить его вместо узкого, но верного пути Христова по широкому, ведущему в злое.

А как они начинают это делать? Прежде всего совращают царя с пути воздержанной и умеренной жизни, как будто бы неволей к ней был обязан. Начинаются частые пиры со многим пьянством, от которого всякие нечистоты происходят. И что же еще добавляют? Чаши великие, воистину дьяволу обещанные, полные пьяного питья, и советуют первым царю выпить, а потом и всем пирующим с ним, и пока все до бесчувствия или до неистовства не напьются, они другие и третьи чаши предлагают, а тем, кто не хочет пить и беззакония творить, угрожают различными наказаниями, а царю вопят: «Этот и этот, имярек, не хочет на твоём пиру веселым быть, они тебя и нас осуждают и насмеются над нами как над пьяницами, будучи лицемерами. Они недоброты твои; с тобой не соглашаются и не слушают тебя и еще не вышел из них Сильвестров и Алексеев дух». И

разными другими бесовскими многими словами надругаются над многими именитыми мужами доброго нрава, и срамят их, и выливают им на головы чаши с вином, которое те не хотят или не могут выпивать, и угрожают им различными смертями и муками, и впоследствии многие из них действительно были ими погублены. О, воистину новое идолослужение, обещание и приношение, не болвану Аполлону^{clxxxvi} и прочим, но самому Сатане и бесам его; не жертвы волов и козлов, насильно заколотых, приносят, но добровольно души и тела свои по своей воле, ради сребролюбия и славы мира, в ослеплении своем такое творят. Окаянные и злые, они разрушили честную и воздержанную жизнь цареву!

Что же, царь, получил ты от твоих любимых льстецов, шепчущих тебе в уши и настаивающих: вместо Святого поста и воздержания — губительное пьянство из обещанных дьяволу чаш; вместо целомудренного и святого жительство твоего — нечистоты, всяких скверн исполненные, вместо праведности суда твоего царского — лютость и бесчеловечность, вот на что подвигли они тебя; вместо тихих и кротких молитв, которыми ты с Богом беседовал, научили тебя лености долгого сна, и встаешь ты ото сна с головной болью с похмелья и с другими безмерными и неисповедимыми злобами.

А если восхваляют и возносят тебя как царя великого и непобедимого и храброго, то действительно таким ты был, когда жил в страхе Божьем. Когда же ими был обманут и обольщен, то что получил? Вместо мужества твоего и храбрости стал перед врагом бегуном и трусом. Царь великий христианский перед басурманским войском у нас на глазах на диком поле бегал. А по советам любимых твоих льстецов и по молитвам Чудовского Левкия^{clxxxvii} и прочих лукавых монахов что полезного и похвального и угодного Богу приобрел? Разве что опустошение земли своей от тебя самого с твоими кромешниками (опричниками. — Н.Э.)^{clxxxviii} да от вышеназванного басурманского пса, и к тому же злую славу от соседних стран, и проклятье и нареkanie слезное от всего своего народа. И что еще прегорького и постыдного, претягчайшего для слуха, так это, что само отечество твое, превеликий и многолюдный город Москва, во всей вселенной славный, с бесчисленным множеством христианского народа внезапно сожжен и погублен. О, тяжкая беда, печальная для слуха! Разве не было часа образумиться и покаяться перед Богом, как это сделал Манассия^{clxxxix}, и отступить от самоволия, подчинившись повелениям Иисуса Христа, заплатившего за наши преступления своей кровью, а не следовать самовластному произволу, покорясь супостату человеческому и верным его слугам, злым льстецам?

Неужели не видишь, царь, к чему привели тебя человеко-угодники? Что сделали с тобой любимые маньяки твои? Как они исказили совесть души твоей, прежде святую и многодневным покаянием украшенную? И если нам не веришь и называешь нас тайно изменниками лукавыми, пусть прочтет твое величество слово, Золотыми устами (Златоуста. — Н.Э.) изреченное об Ироде. Начинается оно словами: «Намедни (днесь), когда узнал об Иоанне Крестителе, на которого обрушилась Иродова лютость, то смутились сердца, зрение омрачилось и разум притупился. И что твердо в чувствах человеческих, когда множество злых дел губит добродетель?» И немного пониже: «Смутились и трепетали сердца людей, поскольку Ирод осквернил церковь и иерейство отнял». Так и ты, если и не Иоанна Крестителя, то Филиппа-архиепископа с другими святыми смутил — «чин осквернил, царство сокрушил, а что было благочестия, что правил жития и обычаев веры и наказания — погубил и уничтожил. Ирод, — говорит Златоуст, — мучитель своих подданных, воинства разбойник и друзей своих погубитель». Из-за твоей великой злобы твои кромешники не только друзей, но всю Святую Русскую землю опустошали, дома грабили и сыновей убивали. От сего Боже сохрани тебя и не попусти тому быть, Господи — Царь веков! Все уже и так на острие сабли висят, и если не сынов, то соплеменников и ближних в роде братьев уже погубил, переполнив меру кровопийцев, отца, матери и деда твоих. Что отец твой (Василий III) и мать (Елена Глинская), это всем ведомо, сколько людей они погубили, так и дед твой с греческой

бабой своей, сына предоброго Иоанна от первой жены, тверской княгини светлой Марии, мужественного и славного в богатырском деле, и от него рожденного боговенчанного внука своего Дмитрия с матерью его Еленой погубили — одну смертоносным ядом, а другого многолетним темничным заключением, а затем и удушением, отрекшись и позабыв родственную любовь.

И не успокоились на том. К тому же брата единокровного Андрея Углицкого, мужа разумного и доброго, тяжкими веригами в темнице за короткое время удавил, а двух сыновей его от груди матери оторвал — тяжело слышать и еще труднее писать о том, что человеческая гордыня в такую превеликую злобу выросла, особенно же у тех христианских начальников, которые многолетним заключением темничным нещадно их поморили. У князя Симеона Рязанского, мужа сильного и разумного, ведущего свое происхождение от рода великого Владимира, голову отсек. И других братьев своих ближнего рода, одних разогнал в чужие земли, как Михаила Вереяского и Василия Ярославича; а других в отроческом возрасте в темницу заключил, а сыну своему Василию поручил, в скверном и проклятом своем завещании, неповинных отроков тех погубить. (О, беда такова, что и слышать тяжело!) Так сделали и с другими многими, но остановимся на этом краткости ради. К вышеупомянутому Златоусту обращусь, там, где он об Ироде пишет. «Окрестных людей, — говорит, — мужеубийца, наполнивший кровью землю, постоянно жаждущий крови». Так Златоуст в Слове своем говорит об Ироде.

О, царь, прежде нами очень любимый! Не хотел бы я и о малых твоих беззакониях говорить, но вынужден рассказать об этом с любовью к Христу и печалью о тех неповинных мучениках, братьях наших, пострадавших от тебя. Об этом я от тебя самого не только слышал, но и сам видел, как совершались такие дела, которыми ты еще и похвалялся, говаривая: «Я, — говорил, — убиенных праведными отцом и дедом моими одеваю гробами или украшаю драгоценными аксамитами^{схс} раки неповинно погубленных праведников».

Так слово Господа, к жидам обращенное, сбылось в отношении тебя: «А вы своими делами уподобляетесь злым убийцам отцов ваших и показываете себя сами сыновьями убийц». А после тебя и твоих кромешников, которые по твоему повелению бесчисленно убивали неповинных мучеников, кто будет гробы их украшать и раки золотить?

О, воистину смеха достойно, со многим плачем смешанного, непотребство сие и не дай Бог, чтобы сыновья твои правили так же и желали бы подражать тебе. Но ни Бог, ни те, которых еще в древности убийцы погубили, не желали бы, чтобы дети тех, от кого они погибли, украшали и золотили их гробы и раки и перевозносили бы их после смерти, ибо праведные от праведных, мученики от кротких и по Божественным законам живущих должны быть почитаемы.

На этом положу конец, все это я вкратце изложил, чтобы не забыли о славных и знаменитых мужах и мудрых людях, в истории писанных, грядущие роды почитали бы, а от злых и лукавых, скверные дела которых здесь раскрыты, остерегались бы как от смертного яда или поветрия не только телесного, но и душевного. Так я вкратце написал малую часть того, что прежде неоднократно говорил, но все оставлю нелицеприятному Божьему суду, способному сокрушить головы врагов своих, грехи которых достигли их волос, и отомстить за малейшую обиду, причиненную всемогущими убогим, за озлобление нищих и убогих, и как говорил Господь: «Ради страдания нищих и вздыхания бедных ныне восстану, и как прежде пророк говорил, даже тех, кто помыслил совершить беззаконие, изблещу и поставлю перед лицом твоим, если и далее не покаются за грехи свои, и неправды, и обиды, причиненные убогим^{схсi}. К тому же для наилучшей памяти там (в России. — *Н.Э.*) живущих оставлю это, поскольку еще в середине той презлой беды ушел я из отечества моего, а уж и тогда о всех беззакониях и гонениях мог бы я целую книгу написать, но вкратце упомянул в своем предисловии на Златоустов «Новый

Маргарит», который начинается: «В лето восьмой тысячи звериною веку, как сказано в Святом Апокалипсисе».

Обязан я беззаконно убиенных благородных и светлых мужей (не только по роду, но по делам своим) вспомнить, сколько позволит мне моя память и поможет мне Божья благодать, уже старому и немощному, живущему в бедах, напастях и ненависти от окружающих меня людей. И если что забудется или пропустится, то молю, не осудите меня те, чья память острее и долговременнее. Здесь же по возможности моей начну перечислять имена благородных мужей и юношей, которых достойно назвать страдальцами и новыми мучениками, неповинно погубленными.

ГЛАВА VI О КАЗНЯХ БОЯР

Об «избиении» княжеских родов. О первых казнях: родные и знакомые А. Адашева и Сильвестра; Мария Магдалина Ляховецкая, Иоанн Шишкин, Данила, единоутробный брат Алексея Адашева с сыном Тархом, Петр Туров, Федор, Алексей и Андрей Сатины; князь Дмитрий Овчинин; князь Михаил Репнин; князь Юрий Кашин; его брат Иоанн; князь Дмитрий Шевырев; князь Петр Оболенский Серебряный; князь Александр Ярославов; князь Владимир Курлятев; князь Александр Горбатый с единственным сыном' своим Петром; Петр Ховрин; князь Дмитрий Рязоловский; князья ростовские: Семен, Андрей и Василий с друзьями; Василий Темкин; князь Петр Щенятев и соплеменники-братья: Петр и Иоанн; князья ярославские - князь Львов и других того же племени немало; Иоанн Шаховской; князья Василий и Александр Прозоровские и другие князата этого рода; князья Ушатые со всей родней; князья рязанские - князь Иоанн Пронский, князь Василий Рыбин. Убито около двухсот благородных мужей, известных воинов; а также: Владимир, двоюродный брат Иоанна, с матерью Ефросиньей, княжной Хованской, Евдокия, княжна Одоевская, и два ее сыномладенца; князь Михаил Воротынский и князь Одоевский с двумя детьми-младенцами и с женой. Сопоставление врагов церковных: Батый и Иоанн. Рождение двух сыновей у великого князя Василия III от колдовства. Колдовство - великий грех

Скоро после смерти Алексея Адашева и изгнания Сильвестра воскурилось гонение великое и по всей Русской земле разгорелся лютейший пожар, о таком гонении не слышали не только в Русской земле, но и не знали в истории правления древних поганских (языческих) царей - нечестивых мучителей христиан, преследовавших их за веру Христову и поругание языческих богов. Но даже и они не хватили и не мучили тех, кто скрывал свою веру и не исповедовал ее, а также их родственников. А наш новоявленный зверь, по наветам клеветников, вначале начал разыскивать имена близких родственников Алексея Адашева и Сильвестра, а затем всех друзей и соседей, и даже тех, кто едва был с ними знаком. Всех этих людей выгоняли из домов, захватывали их имущество и имения, и мучили различными муками, и высылали в другие города. А зачем тех невинных мучил? Земля возопила о невинно изгнанных, которых проклинали вышеупомянутые льстецы, соблазнившие царя, а он совместно с ними, как бы оправдываясь перед всеми, говорил, что он такое творит, только остерегаясь колдовства (неизвестно какого), приказывая мучить не одного или двух, а весь свой народ.

Имен тех невинных, в муках умерших, было такое множество, что всех упомянуть здесь невозможно. Б то же время была убита Мария преподобная, прозванная Магдалиной, с пятью сыновьями своими, она была полячка родом, потом перешла в православие и стала великой и превосходной постницей, в году вкушавшей только один день в неделю, проживавшей в святом вдовстве и носившей железные вериги для порабощения тела и подчинения его духу. Прочих святых дел и добродетелей ее я описывать не буду, поскольку они известны всем. Она была также оклеветана перед царем как колдунья и Алексеева последовательница. Царь приказал убить ее со всеми детьми и многими другими людьми. А ведь Алексей (Адашев) был не только сам добродетельным, но и

другом и помощником, как говорил Давид, всех боящихся Господа, сообщником всех, кто соблюдал заповеди Его, и даже в своем доме имел десять прокаженных и тайно кормил их и своими руками обмывал их гнойные язвы.

В том же году был убит один праведный, благородный и богатый муж Иоанн Шишкин^{cxcii}, с женой и детьми, поскольку приходился родней Алексею Адашеву, а он был муж праведный и очень разумный, благородный и богатый. Потом через два или три года были убиты благородные мужи: Данила - единокровный брат Алексея, с сыном Тархом, молодым человеком около двадцати лет, и тестем этого Данилы Петром Туровым; а также Сатины: Федор, Алексей и Андрей, поскольку их сестра была замужем за Алексеем, и другие люди были вместе с ними погублены^{cxci}.

А Петру этому (Турову) за месяц до смерти было видение Божественное и провиденциальное, предрекающее мученическую смерть (он мне об этом говорил). Но для краткости изложения я этого здесь не пишу.

Тогда же был убит по повелению царя князь Дмитрий Овчинин, его отец многие годы служил царю и за него умер. И что выслужил для сына? Еще в юношеском возрасте, около двадцати лет, был убит от руки самого царя^{cxci}. В эти же годы был убит князь Михаиле Репнин, бывший уже в боярском чине. И за какую же вину убит Репнин? Начал царь пить со своими вышеуказанными льстецами обещанными дьяволу чашами; а на тот царский пир, по случаю, был приглашен и Репнин, ибо царь хотел приручить его к себе дружбой, и вот, упившись, начал он (царь. - П.З.) со скоморохами в масках плясать, а с ним и остальные пирующие; увидев такое бесчиние, этот известный и благородный муж начал плакать и говорить ему, что «недостойно царю христианскому подобное творить». Тот же начал Репнина понуждать, говоря: «Веселись и играй с нами!», и, взяв маску, надел ее ему на лицо, Репнин отверг ее, бросил и растоптал, говоря: «Не понуждай меня, думского боярина, сотворять безумие и бесчиние». Царь, придя в ярость, прогнал его с глаз своих, и потом, через несколько дней, на неделе, Репнина, стоящего в церкви на всеобщем бдении, в час евангельского чтения, приказал своим бесчеловечным и лютым воинам заколоть вблизи самого алтаря, как Агнца Божьего неповинного.

В ту же ночь повелел убить боярина своего, князя Юрия Кашина, который шел на утреннюю молитву и был заколот на пороге церкви, и наполнился помост церковный его святой кровью. Потом убили брата Юрия, князя Иоанна, и их родственников, а князя Дмитрия Шевырева^{cxci} посадили на кол. И рассказывают, что он жил целый день, как бы не чувствуя адской муки, сидел на колу как на престоле, распевая канон Господу нашему Иисусу Христу и благодарственный канон Пречистой Богородице, а с ними вместе и акафист, по окончании пения в нем все плотское исчезло и предал он свой дух святой Господу.

Тогда же и других князей того же рода побил, а дядю тех княжат, Дмитрия Курлятева, приказал постричь в монахи - неслыханное беззаконие, - силой повелел постричь их всем родом, совместно с женой и малыми детьми, плачущими и вопиющими, а через несколько лет умертвили их всех^{cxci}. А был этот князь Дмитрий муж; прекрасный и известный как мудрый советник. Затем был убит по повелению царя Петр Оболенский, прозванный Серебряным^{cxci}, украшенный боярским чином, муж известный в военных делах и богатый к тому же. В том же году были убиты княжата: Александр Ярославов и князь Владимир Курлятев, сын брата этого Дмитрия, а были те оба, особенно Александр - мужи разумной и ангелоподобной жизни, образованные в книжном учении, знатоки православных догматов, они тексты Священного Писания всегда на устах держали, а к тому же в военном деле опытные и род свой вели от великого князя Владимира и от пленника, великого князя Михаила Черниговского, который погиб от безбожного Батыя, за надругательство над его богами и дерзновенную проповедь учения Христа перед

грозным и сильным мучителем. И родственники, кровью с ним повенчанные, пострадали за Христа, и представлены были мученики к мученикам.

Тогда же убит был по повелению царя князь суздальский Александр, по прозванию Горбатый, с единственным сыном своим Петром в первом цветении возраста его - в семнадцать лет. В тот же день убит был Петр Ховрин, муж греческого рода, сын благородного и богатого отца, подскарбия земского^{сxcviii}, а потом и брат его Михаил Петрович^{сxcix}.

Об этом Александре Горбате я уже вспоминал, когда писал повесть о казанском взятии, те княжата суздальские происходили из рода великого Владимира и была у них старшая власть над всеми князьями Руси более двух сотен лет. Один из них, князь суздальский Андрей, владел Волгой рекой аж до самого моря Каспийского, от него произошли великие тверские князья; обо всем этом лучше всего в летописной книге русской написано. Новоубиенный муж Александр был человеком глубокого разума и больших военных талантов и к тому же знаток Священного Писания, со словами которого он радостно принял смерть, будучи неповинно убит, как Агнец Бога Живого. Об этом событии рассказывают очевидцы: когда были приведены на место казни, тогда, говорят, шею сына первого преклонили к мечу, отец же возразил, сказавши: «О чадо, превозлюбленный и единственный сын мой! Да не увидят очи мои отсечения твоей головы!» И первым сам старый князь был казнен; храбрый молодой человек взял мученическую, честную голову своего отца и поцеловал ее и, взглянув на небо, сказал: «Благодарю Тебя, о Царь века, Иисус Христос Бог наш, царствующий с Отцом своим и Святым Духом, что сподобил нас, неповинных, быть убитыми, как и сам от богоборных жидов погублен был невинный Агнец! А сего ради прими наши души в живодательные руки Твои, Господи!» И так сказав, преклонил свою святую голову под меч и с таким упованием и многою верою ко Христу отошел.

Тогда в те годы или незадолго пред этим по повелению царя был убит князь Рязанский Дмитрий, муж разумный и очень храбрый, который еще в молодости своей прославился своими воинскими подвигами и, как всем было известно, выиграл битвы над безбожными измаильтянами, которые даже на дикое поле за ним далеко ходили. И что выслужил? Головой заплатил. От жены и детей по царскому повелению оторван был и внезапной смерти предан^{cc}.

Также казнены по воле царя в тот же год княжата ростовские: Семен, Андрей и Василий и их друзья с ними. Они из тех же княжат ростовских, которые тоже служили царю. Василий Темкин со своим сыном также казнены кромешниками его, катами-палачами, избранными по царскому повелению^{cci}.

Также казнен князь Петр Щенятев, внук литовского князя Патрикея. Муж очень благородный и богатый, который, оставив свое богатство и многие стяжания, постригся в монахи и полюбил нестяжательное хриstopодражательное житие, но и там царь повелел предать его мучениям: жечь на раскаленной железной сковороде и иглы под ногти заколачивать. И в таких муках он скончался. Погубил он и его единокровных родственников, известных князей Петра и Иоанна^{ccii}.

Б те же годы казнены были братья мои, княжата ярославские, происходящие от князя святого Федора Ростиславича Смоленского, правнука великого Владимира Мономаха; имена их были: князь Федор Львов, муж очень храбрый, придерживавшийся правил святой жизни и верно служивший царю от молодости до четвертого десятка лет. Он многократно одолевал поганские (языческие) народы, кровавил свои руки, а лучше бы сказать, освящал руки в крови басурман, врагов Креста Христова. (И) другого князя Федора (казнил), внука славного князя Федора Романовича, прадед которого в Орде у губителя нашего, ордынского царя, казнен был. Тогда еще в неволе русские князья от руки ордынского царя власть получали - и его попечением предки нашего царя на

государство возведены были. Так службу и доброхотство прародителей наших его предкам вспомнил и заплатил^{cciii}.

Княжата наши ярославские никогда не предавали его (Иоанна IV) прародителей в бедах и напастях и служили ему как верная и доброхотная братия, а по родословию они восходили к славному и блаженному Владимиру Мономаху. За тем-то князем Федором была одна из двух дочерей князя Михаила Глинского, славного рыцаря, невинно погубленного матерью царя (Еленой Глинской. - Н.Э.). Михаил приходился ей дядей и обличал ее незаконное правление^{cciv}.

Других князей того же племени он также немало погубил. Одного из них царь своей рукой булавой насмерть убил в Невеле, едучи к Полоцку, а именно, Иоанна Шаховского, а потом Василия и Александра и Михаила — княжат Прозоровских — и других княжат того же роду; Ушатых, родственников тех же княжат ярославских, погубил всем родом: думаю, что причиной этому были их большие отчины^{ccv}.

Затем погубил Иоанна из рода князей рязанских, мужа престарелого и с молодости уже служившего не только Иоанну, но и отцу его много лет и многократно бывавшего великим гетманом (здесь полководцем. - Н.З.), почтенного боярским чином. Впоследствии он постригся в монахи в одном из монастырей и отрекся от мирской суеты ради Христа. Царь такого старого человека со спасительного пути изъял и повелел утопить в реке. И другого князя пронского, прозванного Рыбиным, погубил^{ccvi}, и в тот же день многих других благородных мужей, известных воинов, около двухсот казнили, а некоторые говорят, что и больше того.

Тогда же убил Владимира Старицкого, двоюродного брата своего, с матерью его Ефросиньей, княжной Хованской, которая происходила из рода великого князя Литовского Ольгерда, отца Ягайло, короля польского, и была воистину святой, постницей великой, во святом вдовстве и в монашестве воссиявшей; тогда же повелел он расстрелять из ружей жену брата своего Евдокию, княжну Одоевскую, тоже воистину святую и кроткую, в Священном Писании и божественном пении искусную, а с нею двух младенцев, сыновей брата (Владимира Старицкого. - Н.З.), от нее рожденных; один - Василий - десяти лет, а другой еще моложе. Забыл уже, как было имя его, лучше об этом в книгах жизни человеческих написано на небесах, у самого Христа, Бога нашего^{ccvii}. А с ними погибли и многие их верные и избранные слуги с женами и детьми из светлых и благородных дворянских родов.

Потом был казнен славный среди русских князей Михаил Воротынский и князь Никита Одоевский, вместе с родственниками, с женой и малыми детьми: один - около семи лет, а другие еще моложе. Всем родом погубили их.

Сестра Воротынского, вышеупомянутая Евдокия, была женой Владимира Старицкого. А какова же вина Воротынского? Вот, я думаю, за что он погубил его: когда великий и славный град Москва подвергся сожжению и опустошению от перекопского царя, так что грустно было слышать о том, через год после этого перекопский царь захотел вконец опустошить землю Московскую, а самого великого князя выгнать из его царства. И вот он, как кровожадный лев, рыча и разевая лютую пасть, для того чтобы пожирать христиан, со всеми своими силами басурманскими двинулся на Москву. Услышав об этом, наш чудо-царь Иоанн IV убежал от него за сто-сто двадцать миль от Москвы - аж в Новгород Великий, а Михаила Воротынского поставил с войском и приказал защищать опустошенные земли. Тот же был муж опытнейший, крепкий и мужественный, хорошо разбирался в военном деле и со своим войском встретил врага, и была между ними великая битва, и не дал он врагу продвинуться и погубить бедных христиан. Крепко с ним бился, и битва эта, как рассказывают, несколько дней продолжалась. Бог помог этому талантливому полководцу, и пали от его воинства басурманские полки, и даже самого перекопского царя два сына погибли, а один был пленен. Сам царь Девлет едва успел

убежать ночью в Орду, побросав свои хоругви и шатры. В той же битве его славного гетмана, кровопийцу христианского мурзу Дивея, пленили. И всех пленников гетмана и сына царева вместе с хоругвью царской и шатрами послали к нашему трусу и бегуну, храброму и прелютному только на единоплеменных, которые не противились ему.

Чем же воздал за эту службу ему? Молю, послушай прилежно прегорчайшую и грустную для слуха трагедию^{ccviii}.

Год спустя этого победоносца и защитника всей Русской земли повелевает связанного привезти и перед собой поставить по доносу одного из рабов Воротынского, обокравшего своего господина. Но я думаю, что причиной этого было богатство этих княжат, которые сидели на своих уделах и имели вотчины великие и с них собирали воинство и иных разных слуг по несколько тысяч.

Царь говорит Воротынскому: «На тебя свидетельствует слуга твой, что хотел ты заколдовать меня и добывал для этого баб шепчущих». Он же, князь, святой с молодых лет, отвечал: «Не научился, о царь, и не привык от прародителей своих колдовать и в бесовство верить, но только Бога единого, в Троице славного, хвалить и тебе, государю моему, служить верно. А клеветник - это мой раб, сбежавший от меня и обокравший меня: не подобает ему верить, а также свидетельства от него принимать, так как он злодей и предатель, оклеветавший меня».

Царь же приказал положить его (Воротынского) связанного на дерево между двумя огнями и жечь этого разумного и в делах светлейшего князя, и рассказывают, что пришли палачи со своим главным катом и мучили победоносца, а сам царь подгробал железом своим проклятым угли под тело святое. Также и вышеозначенного Никиту Одоевского приказал мучить различными пытками, и рубашку его нижнюю разорвали, и в перси и везде трогали, и он в тех муках скончался. Славного же победителя, неповинного, измученного и изожженного огнем, наполовину мертвого и еле дышавшего, велел отправить в темницу на Белоозеро, и только как три мили отвезли, он с того прелютного пути на путь прохладный и радостный небесного восхождения к Христу своему отошел. О, муж наипрекраснейший и наикрепчайший, многим разумом исполненный, пусть будет велика и прекрасна память твоя блаженная!^{ccix} Если недостаточна она в нашей варварской земле, в нашем неблагодарном отечестве, то здесь и везде, думаю я, в чужих странах она пре-славнейшая, не только в христианских краях, но и у басурман и у турок; поскольку немало и из турецкого войска было на той вышеописанной битве, и особенно много от двора великого Бехмета-паши на помощь перекопскому царю послано, и твоим (имеется в виду Воротынский. - Н.З.) благоразумием все побеждены были и исчезли, и ни один не возвратился в Константинополь. А что говорить о твоей земной славе? На небесах, у ангельского царя, преславна твоя память, как настоящего мученика и победоносца, одержавшего своей храбростью и мужеством пресветлую победу над басурманами, защитившего христианский род, за которую сподобился мзду премногую получить - пострадать неповинно от этого кровопийцы (Ивана IV. - П.5.), а тем сподобился со всеми великими мучениками венцом от Христа Бога нашего в царствии Его, поскольку за Его же овец против волка басурманского с ранней младости воевал храбро, без малого до шестидесяти лет.

Те оба князя, о которых выше сказано, близкие родственники между собой, вместе пострадали от мучителя: те княжата Воротынские и Одоевские происходили из рода мученика князя Михаила Черниговского, погибшего от внешнего врага церковного - Батыя безбожного, так лее и этот Михаил победоносец, тезка ему и родственник, сожжен от внутреннего дракона церковного, губителя христианского, боящегося колдовства; как и отец его Василий со своей за-конопреступной юной женой, будучи сам стариком, искал повсюду злых колдунов, чтобы помогли чадородию, не желая передать власть брату своему, а он имел брата Юрия, человека мужественного и добронравного, но в завещании

приказал жене и окаянным своим советникам вскоре после (своей) смерти брата этого погубить, что и было сделано. А о колдунах очень заботился и посылал за ними повсюду, аж до самой Корелы и даже до Финляндии, что на Великих горах возле Студеного моря, которое по-русски называется Ледовитым, и оттуда приезжали они к нему, и с помощью этих презлых советников сатанинских и от их прескверных семян по злему произволению (а не по Божественному естеству) родились ему два сына: один - прелютый кровопийца и погубитель отечества, так что не только в Русской земле такого уroda и дива не слыхано, но воистину нигде, и, как кажется мне, он и Нерона презлого превзошел лютостью своей и различными неисповедимыми мерзостями, ведь был не внешним непримиримым врагом и гонителем церкви Божьей, но внутренним змием ядовитым, попирающим и терзающим рабов Божьих; а другой сын был без ума и без памяти и бессловесный, как див какой.

Об этом подумайте серьезно, христианского рода люди, особенно, что дерзают приводить к себе, мужьям и детям своим презлых колдунов и баб наговорных, окачивающих водой, и иным колдовством владеющих, и общающихся с дьяволом, и призывающих его на помощь, посмотрите, какую помощь вы от него имеете! Многие об этом слышат, но, смеясь, приговаривают: «Мал сей грех и покаянием отпустится».

А я говорю - не мал, а воистину очень велик, так как вы тем самым Заповедь Бога об обете Ему нарушаете, поскольку говорит Господь: да не поклоняйся и не служи им, ибо ни у кого помощи не получишь, кроме как у Меня, а ни на небе, вверху, ни на земле, внизу, ни в воде, ниже земли не поклоняйся им и не служи, ибо Я Господь твой^{ccx}, и если отречешься от Меня перед людьми, то и Я отрекусь от того перед Отцом Моим небесным^{ccxi}.

И вы, забывшие такие грозные заповеди Господа нашего, идете к дьяволу и обращаетесь к нему с просьбами через колдунов.

А колдовства без отречения от Бога и без согласия с дьяволом не бывает.

Воистину, думаю я, это неискупаемый грех для тех, кто слушает их; нет им покаяния, а вы его малым считаете. Между тем без отречения Иудина колдовство, заговор от сгаза, окропление водой, существовавшие до Крещения, растирания солью вместо святого помазания, всякие скверные шептания вместо явных ответов Христу на Святом Крещении, заговоры, приношения для жертвенника без обещания дьяволу и без отречения от Христа не действительны, и только с помощью дьявола такие люди могут осуществлять его умышление. Господь Бог наш премногой своей Благодатью избавляет правоверных от таких! А кто этих людей не слушает, тому и бояться нечего, поскольку, как дым от крестного знамения, их чары исчезают даже у простых верующих людей, а не только у опытных христиан, живущих с доброй совестью, у которых как на твердых скрижалях Заповеди Христовы написаны. Об этом сам Бог свидетельствовал в молитве, которой поучал учеников своих молиться - в конце говоря: ибо Твое есть царство и сила и прочее. Блаженный Златоуст ясно толкует в девятнадцатой беседе на Евангелие от Матфея: «Иже нет ни царства, ни силы, которой следует бояться христианам, кроме Бога единого, и если дьявол нас мучает, то это Бог допускает, а дьявол без воли Божьей, даже если он злорадный и прелютый враг наш, не только нам, людям, не может ничего причинить, но и свиньям, и волам, и другим скотам»^{ccxii}.

Так же все свидетельствуют во Евангелиях. А хорошо прочитав, узрите в этом Священном молитвовании золотой язык.

Об этих великих княжеских родах, по памяти, что смог, то написал.

ГЛАВА VII О КАЗНЯХ БОЯР И ДВОРЯН

О казнях боярских и дворянских родов. Убиты Иван Петрович и его жена Мария. Об Иоанне Шереметеве. Погублен Семен Яковлевич, Хозяин, нареченный Тютиным, со всем

родом, такс же и другие мужи известные и богатые. Убиты: Иоанн Хабаров с единственным сыном его, Михаил Матвеевич Лыков и с ним близкий родственник его, юноша. О подвиге Матвея Лыкова. Судьба его детей. Погублен род Колычевых. Убиты: Василий Разладин Квашня, Дмитрий Пушкин, Крик Тыртов, Андрей Шеин, Владимир Морозов, Лев Салтыков с четырьмя или пятью сыновьями. Оговорка о Петре Морозове и детях Львова. Убиты: Игнатий Заболоцкий, Богдан и Феодосии и другие их братья, говорят - весь род, Бутурлин Василий и другие братья его со единоплеменными своими, Иоанн Воронцов, Замятия, Андрей Кашкаров и брат его Азарий с детьми, Василий и Григорий Тетерины и других двоюродных братьев их немало «всем родом». От рязанской ишляхты погублено: Данило Чулков, Федор Булгаков с братьями и со другими единоплеменными всем родом, в городе Танаисе, кромешниками во главе с Федором Басмановым. Убиты: князь Владимир Курлятев, Григорий Сидоров. Случай с отцом Сидорова, Андреем Аленкиным. Всем родом погублены Сабуровы, Сарыхозины. Погублены Никита Ка-заринов с сыном едиnorodным Федором. Убит Михаил Морозов с сыном Иоанном и с другим юношей (имя его забыто) и с женой Евдокиєю

Попытаюсь написать о побиении великих боярских родов, сколько Господь мне памяти дает. Убил царь мужа светлого в роде Челядниных Иоанна Петровича^{ссxiii}, уже бывшего в преклонном возрасте, погубил и жену его Марию, воистину святую, а еще раньше, когда она была молодой, отнял у нее возлюбленного сына Иоанна, князя Дорогобужского, из рода великих князей тверских, и казнил его усекновением головы. Отец Иоанна был убит в битве с казанскими татарами, когда отрок этот был младенцем и мать во вдовстве воспитала его до восемнадцати лет. О его казни прежде мельком вспоминал, в кратком описании, упомянув, что он вместе с другим известным юношей, своим двоюродным братом Федором Овчиной, был убит^{ссxiv}.

Так он на того Иоанна (Челяднина) разгневался, что не только все роды его дворянских слуг погубил, замучив различными муками, но и все его земли и села - а он большую отчину имел - все пожег, сам ездя с кромешниками своими, и если находил где кого, то губил с женами и детьми, даже грудных младенцев не пощадил и, как рассказывают, ни одной скотины в живых не оставил.

О мученичестве мудрого советника его - Иоанна Шереметева - я утке в хронике своей неоднократно вспоминал. Вначале он мучил его в презлой узкой темнице с острым помостом, сделанным недостойным для христиан образом, и оковал его тяжкими веригами по шее, рукам и ногам, и к тому же еще и по чреслам толстым железным обручем, к которому приказал привесить десять пудов железа, и в такой беде мучил этого мужа, днем и ночью. Потом пришел говорить с ним - он же наполовину мертв был, едва дышал в таких тяжких оковах, лежа, поверженный на остром помосте. Царь начал спрашивать у него: «Где многое богатство твое? Скажи мне. Известно, что ты очень богат, а не нашли того, на что надеялись, в сокровищницах твоих». Отвечал Иоанн: «Цело, говорит, богатство мое и спрятано там, где уже не сможешь достать его». Царь же говорил: «Скажи мне о нем, а если не скажешь, то к твоим мукам еще прибавлю мучений». Иоанн же отвечал: «Твори что хочешь, уже близко мое пристанище». Царь же говорил: «Расскажи мне, прошу, о сокровищах твоих». Иоанн отвечал: «Даже если бы и рассказал тебе о них, то ты бы уже взять их не смог бы, так как руками убогих присовокуплены они к небесным сокровищам у Бога Христа моего». И другие мудрые ответы как философ или учитель давал он ему тогда. Он же (царь) немного умилился и приказал освободить Иоанна от тех тяжких уз и отвести его в легкую темницу, но в тот же день приказал удавить его брата Никиту, уже бывшего в летах и почтенного к тому времени боярским чином, мужа храброго и имевшего много ран на теле от варварских рук. Иоанн же потом, потеряв здоровье, прожил много лет в муках, оставил все свое имущество убогим и странным в духовный дар Христу Богу, а сам отправился в один из

монастырей, приняв святой иноческий образ. И не знаю, еще и там не приказал ли царь уморить его?^{сccxv}

Потом убит был по приказу царя двоюродный брат его жены Семен Яковлевич^{сccxvi}, муж благородный и богатый, а сын его во отроческом возрасте был удушен.

Также были убиты по его повелению мужи: греческого рода именем Хозяин, названный Тютиным^{сccxvii}, муж очень богатый, служивший воеводой. Он был погублен со всем своим родом вместе с женой, детьми и другими родственниками; также пострадали и другие мужи, известные и очень богатые, их всех имена не могу здесь написать, так как слишком много места потребовалось бы, поскольку их около тысячи погублено, и не только в великой Москве, но и в других великих городах и местах русских.

Потом царь разграбил богатство своего боярина Иоанна Хабарова, которое было еще праотцем его нажито, ибо они были старобоярского рода и назывались Добрыньскими. Иоанн же Хабаров мало о тех сокровищах горевал, так как был человеком книжным и образованным и находил утешение в Боге. По истечении трех лет царь приказал убить его с единственным сыном из-за отчины, поскольку великие земли имел он во многих уездах^{сccxviii}.

В те же годы убил мужа светлого рода Михаила Матвеевича Лыкова, вместе с ним его ближнего родственника, юношу прекрасного, в нежном возрасте, который был послан обучаться наукам за море в Германию и там хорошо овладел немецким языком и письмом, поскольку находился в учении немало лет и объездил всю землю Немецкую, затем возвратился к нам в отечество и через несколько лет принял смерть неповинно от мучителя. А у того-то Матвея Лыкова, сына Михайлова, отец его, блаженной памяти, был сожжен, пострадав за отечество, тогда когда возвращалось из Стародуба войско польское и литовское со своими гетманами, в то время немало городов северских было разорено; Матвей же тот, увидев, что не может уцелеть его город, первыми отпустил в плен жену с детьми, а потом, не желая видеть взятия города супостатами, защищал его стены с народом, и предпочли они сгореть вместе с городом своим, нежели сдать его врагу. Жена и дети его как пленники были отведены к старому королю Сигизмунду. Король же как истинный христианин приказал кормить их не как пленников, а как своих людей, разместил их в палатах и ученым докторам своим приказал обучать их дворянским наукам и латыни. Через несколько лет великие послы московские (Василий Морозов и Федор Воронцов) в Кракове упростили короля отпустить их в отечество, как говорил уже, воистину неблагодарное и не достойное тех ученых мужей, в землю лютых варваров, в которой один из них - Иоанн - попал в плен к магистру лифляндскому и погиб в темнице, достойно пострадав за отечество; а другой - Михаил - остался и стал воеводой в Ругодеве и там был убит, как сказывали, от рук этого мучителя, варварского царя^{сccxix}. Так он, грубый и лютый варвар, не памятуя об отеческой и братской службе, воздаст своим мужам, светлыми делами украшенным, верой служащим ему!

Потом погубил род Колычевых, также мужей светлых и известных, единоплеменников Шереметевым, так как их прародитель, муж светлый и знаменитый, выехал из Немецкой земли, звали его Михаилом, и говорят, что происходил он из рода княжат Решских. А побил он их, разгневавшись на дядю их Филиппа (митрополита. - Н.Э.), обличавшего его за злые беззакония, о чем я коротко дальше поведаю. И было тогда знамение от Бога, ясно явленное Иоанну Борисовичу Колычеву; чудо настоящее, как слышал я от очевидца. А было так: когда этот царь, рожденный от бесовской сожительницы, о чем я уже неоднократно писал, очень разъярился, словно на врага своего, и, сам разъезжая с кромешниками, палил земли, деревни и дворы этого Иоанна Борисовича со всеми живущими в них, тогда нашел он хоромину, как говорят, очень высокую, у них она называется повалуша, и в самых верхних комнатах ее приказал привязать этого вышеупомянутого мужа, затем в эту хоромину и в другие, рядом стоящие, согнали много

народу, затворили их и несколько бочек пороху по его приказу поставили, а сам царь стал издали, в своих полках, которые под городом стояли, ожидая, когда взорвется хоромина. Когда взорвало и разметало не только ту хоромину, но и другие, близко стоящие строения, тогда он со своими кромешниками, со всем дьявольским полком как бесноватые закричали, как на поле брани с супостатами, будто бы одержали победу, и на всех скоростях, взнуздав коней, поскакали смотреть растерзанные христианские тела, так как множество народу было связано и затворено в тех хороминах, под которые был подложен порох.

Тогда же, далеко в поле, был найден и тот Иоанн, привязанный одной рукой к бревну, целым и невредимым, сидящим на земле и прославляющим Господа, творящего чудеса, а там (в доме) был он растянут и связан по рукам и ногам. Когда кромешники узнали об этом, тогда один из них, бесчеловечный и самый лютый, быстро подъехал к нему на коне и, увидев его здоровым и распеваящим псалмы благодарственные Богу, отсек ему голову саблей и принес ее как многоценный дар лютому своему царю. Он же повелел ее в кожаный мешок зашить и послать дяде его, архиепископу (тогда уже митрополиту. - ff.3.) Филиппу, заточенному в темницу, приговаривая: «Это родственника твоего голова! Не помогло ему колдовство твое!» Тех же Колычевых около десяти было в роду и среди них были храбрые и именитые мужи, некоторые из них почтены боярским чином; другие же были стратилатами^{ccxxx}, а погублен был весь род их^{ccxxxi}.

Потом был убит по его повелению муж очень храбрый и разумный, к тому же знаток Священного Писания, Василий Разладин, роду славного Иоанна Родионовича, по прозванию Квашня. Говорят, и мать его Федосия, старая вдова, также неповинно пострадала и была многими муками мучима^{ccxxii}. У нее было три очень храбрых сына: один - Василий, второй - Иоанн, а третий - Никифор; все они убиты еще в юношеском возрасте в битвах с германцами. Были они мужи храбрые и мужественные, не только прекрасные внешне, но и украшенные благими нравами. Тогда же был убит по повелению царя Дмитрий Пушкин^{ccxxiii}, уже в зрелом возрасте, а был он родственником Челяднинным.

Затем по повелению царя был убит славный стратилат Крик Тыртов, не только храбрый и мужественный, но и знаток Священного Писания, воистину разумный человек, к тому же кроткого и тихого нрава. Был он от рождения своего чист и непорочен; в воинстве христианском знаменит и славен, на теле имел многие раны, участвуя в битвах с варварами. Еще в юношеском возрасте он, проявив храбрость при казанском взятии, лишился одного глаза. Но и такого мучитель кровопийственный не пощадил^{ccxxiv}.

Тогда же или несколько ранее был убит по приказу царя муж благородный Андрей, внук славного и сильного рыцаря Дмитрия Шеина из рода Морозовых, которые произошли от немцев, и вышли тогда вместе с Рюриком семеро благородных и храбрых мужей, прародителей русских княжат^{ccxxv}. Предок его Масса Морозов был одним из тех, кто произошел от этих мужей, да и сам Дмитрий принял мученический венец от казанского царя Магмедеминя, пострадав за православие. В те же годы были убиты от него (царя Иоанна. - Н.З.) мужи того же рода Морозовых, почтенные боярским чином. Одного из них - Владимира - много лет темницей мучил, а потом погубил его, а другого, по имени Лев Салтыков, погубил с четверыми или пятью сыновьями его, бывшим еще в цветущем юношеском возрасте. Впоследствии услышал я, что Петр Морозов будто бы жив и дети Льва не все погублены, а некоторые, как говорят, остались в живых^{ccxxvi}.

Тогда же были убиты Игнатий Заболоцкий, Богдан, Феодосии и другая их братия, полководцы опытные, благородного рода, говорят, что их погубили вместе со всеми родственниками^{ccxxvii}. Также был погублен Василий и другие братья его с родственниками своими Бутурлиными, мужами светлыми по роду своему, бывшими родственниками вышеупомянутому Ивану Петровичу^{ccxxviii}.

Был убит по его повелению Иоанн Воронцов, сын Федора Воронцова, который в молодости убил отца своего с другими мужами, о чем я уже вспоминал в своей хронике^{ссxxxix}.

Потом убит по его приказу муж великого рода и очень храбрый, с женой и единственным сыном - отроком пяти или шести лет, а был этот человек из рода великих Сабуровых, и имя ему было Замятия. Его отца сестра единокровная Соломония, преподобная мученица, была замужем за отцом Ивана IV (Василием III). О ней я в первой книге упомянул^{ссxxx}.

Погибли от него многие полководцы и ротмистры, храбрые, опытные в военном деле: Андрей Кашкаров, муж славный, имевший знаменитые заслуги, и брат его Азарий, человек разумный и сведущий в Священном Писании, погублены были^{ссxxxix} с детьми и родственниками - Василием и Григорием Тетериным и другими дядьями и двоюродными братьями с женами и детьми - всем родом^{ссxxxii}.

В тот же год в один день погублен был весь род рязанских дворян, благородных мужей из знатных родов, людей мужественных и храбрых, украшенных славными заслугами: Данила Чулков^{ссxxxiii} и другие удалцы и воеводы, вкратце сказать, погубители басурманские и защитники христианских границ, также ротмистр, знаменитый мужеством Федор Булгаков с братьями и другими родственниками. В тот же год и в тот же день, на самом Танаисе, в новопоставленном городе воевода демонского кромешного войска, царев любовник Федор Басманов, своей рукой зарезал отца своего Алексея, преславного льстеца, а на деле маньяка (безумца) и погубителя как самого себя, так и Святорусской земли^{ссxxxiv}. О боже праведный! Как праведны, Господи, судьбы твои! Что братьям готовил, то и сам вскоре вкусил!

Б те же дни был убит прежде упомянутый, славный в доброту своей, светлый по роду князь Владимир Курлятев^{ссxxxv}, и вместе с ним заклал он и Григория Степанова, сына Сидорова из рода великих бояр рязанских. А тот-то отец его, Степан, был муж прославленный в добродетелях и в богатырских делах опытен, служил много лет, аж до восьмидесяти верно и трудолюбиво империи Святорусской^{ссxxxvi}.

Потом, через семь дней (после этих событий. - Н.З.) напал на тот новопоставленный город царь измаильтянский со своими царевичами с десятитысячным войском, христианские воины с ними крепко сражались, защищая город и проживающих в нем убогих христиан от наглого нахождения поганского; в той защите многие проявили мужество и в том бою были сильно ранены, некоторые же убиты погаными. Сразу после битвы или через три дня после нее случилось нечто предивное и ужасное, изумления достойное, о чем слышать очень тяжело. Произошло внезапное нападение от того прелютого зверя и Святорусской земли губителя, антихристового сына и сатанника; и так его кромешники напали на оставшихся христианских воинов, ни о чем не подозревавших, только что избавившихся от измаильтянского избиения. Они увидели их, рассказывают, прибежавших в город, вопиющих и беснующихся, рыскающих по домам и станам и выспрашивающих: «Где князь Андрей Мещерский и князь Никита, брат его, и Григорий Иоаннович, сын Сидорова (вышеупомянутому двоюродный брат)?» Слуги их показывали им свои раны, от измаильтян полученные, они же, как неистовые, видя их живыми, вскочили в дома и стали их резать заранее приготовленными мучительными орудиями, увидев же их мертвыми, поскакали к зверю своему с постыдным известием.

Подобно этому случилось и с братом моим единоплеменным, князем ярославским, по имени Андрей, по прозванию Аленкин, внуком преславного князя Федора Романовича. Случилось ему защищать земли и города Северской земли от наглого нападения супостатов, и ранен был из огненного праща и на завтра умер, а на третий день прискакали от мучителя кромешники убить его, и нашли его уже мертвым, и поскакали к зверю сообщить о том. Зверь же кровоядный и ненасытный после смерти святого подвижника

отчину его и все имения отнял у его жены и детей, и переселил их в далекую от их отечества землю, и там, сказывают, погубил тоской весь род их.

Сабуровых и других, называемых Долгими^{сxxxvii}, воистину великих в мужестве и храбрости, и других, Сарыхозинных, приказал со всей родней погубить^{сxxxviii}. Говорят, что было их около восьмидесяти душ с женами, детьми и младенцами безгласными, еще сосущими грудь и на материнских руках играющими - всех их к посечению привели.

В те же годы или немного перед этим погубил знатного землевладельца именем Никита Казаринов, служившего много лет земле Святорусской, с его единственным сыном, Федором, бывшим в цветущем возрасте. А погубил его таким образом: когда послал он своих избранных палачей брать его, то тот, увидев их, уехал в один монастырь на реке Оке и там принял ангельский образ, когда же присланные кромешники начали расспрашивать о нем, он, готовясь следовать к Христу, принял Святые Таинства и, выйдя навстречу к ним, с дерзновением сказал: «Я вот он, которого ищите!» Они взяли его и привели связанным к царю в кровопийственную Слободу. Зверь же словесный, когда увидел его в ангельском чину, закричал как сущий ругатель Таинств Христианских. «Он, - кричит, - ангел: подобает ему на небо взлететь». И тотчас же приказал бочку или две порошу под один сруб поставить и, привязав того мужа, взорвать. Воистину злым произволением отца своего Сатаны устами своими правду провозгласил, как в древности Каиафа, беснуясь на Христа, невольно пророчествовал, так и ты здесь, окаянный, предрек небесное восхождение верующим во Христа, особенно мученикам, поскольку Христос страданием своим, пролитием наидражайшей крови своей небо верным отворил к воспарению и восхождению небесному^{сxxxix}.

И что излишне говорю? Если бы писал по родам и именам, желая оставить память добрую о мужах храбрых, знаменитых и благородных по роду, то в книгу бы не вместились все, а что скажу о тех, чьи имена из-за несовершенства памяти человеческой погрузились в забвение? Но имена их лучше, чем в человеческих книгах, записаны в приснопамятных, и ни малейшие их страдания незабвенны перед Богом, воздаятелем благим и сердцевидцем, тайным испытателем всех.

После тех всех уже поименованных убит был по его повелению муж в роду славный, боярин царя, из избранных родов, Михаил Морозов, восьмидесяти годов, с сыном Иоанном, с младенцами и другими юношами, их имена уже забыл, с женой его Евдокией, которая была дочерью князя Дмитрия Вельского, близкого родственника короля Ягайло.

И воистину говорят, она, во святом жителстве пребывающая, затем мученическим венцом с мужем своим возлюбленным вместе украсилась, поскольку они вдвоем пострадали от мучителя^{сxxxi}.

ГЛАВА VIII

О СТРАДАНИЯХ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ФИЛИППА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО

О страданиях священномученика Филиппа митрополита Московского. Добродетели священномученика Филиппа митрополита Московского. Упреки Иоанну. Клевета. Собор «иереев Вельзевулиных» и осуждение митрополита. Истязание и заключение в темницу. Чудеса. Заточение в Отрочь монастырь. Различные известия о смерти митрополита. Убийство многих клириков и около сотни нехиротонисанных^{сxxxi} мужей митрополичьих. Смерть Германа, епископа Казанского. Убийство Пимена, архиепископа Великого Новгорода. Казни и погром в Новгороде. Убийство епископа Печерского монастыря Корнилия и его ученика Вассиана. Разорение Ивангорода и Пскова. Устав кромешников

Неправильно, думаю я, умолчать о священномучениках, от него (Ивана IV. - Н.Э.) пострадавших, но достоин это сделать как возможно коротко, оставить подробности

живущим там и более сведущим, да к тому же мудрейшим и разумнейшим. Б недостатках и погрешениях молю меня простить.

По смерти митрополита Московского Афанасия или по оставлении им престола по своей воле^{ccxlii} возведен на архиепископский престол Русской митрополии игумен Соловецкого монастыря Филипп, муж, как мы уже говорили, славнейшего и великого рода, от молодости своей украшенный вольной монашеской нищетой и священнолепным мужеством, разумом крепкий и мужественный человек. Когда был уже епископом (здесь митрополитом. - ff.3.) поставлен, начал он епископскими делами украшаться и по-апостольски служить Богу. Увидев царя, живущего не по-божески, всячески христианской кровью обливаемого, исполняющего неподобные и срамные дела, начал он его вначале умолять заблаговременно и безвременно, как великий апостол говорил: все время предупреждать, потом запрещать и страшным судом Христовым заклинать^{ccxliii}, данной ему от Бога епископской властью и говорить так, не стыдясь, от имени Господа прегордому, лютному и бесчеловечному царю. Он же постоянно с ним ссорился и начал слушать злые доносы на него от ябедников.

О, неслыханные вещи, тяжкие для пересказа! Посыпает по Святорусской земле своих льстецов скверных, которые везде рыщут и всюду бегают как волки-растерзатели, которые от лютейшего зверя посланы, разыскивая изменные вещи на святого епископа, собирая лжесвидетельства подкупом, угрозами и великих властей обещаниями.

О, беды превеликие от неслыханной и претягчайшей дерзости бесовской! О, замышления человеческие, бесстыдным дьяволом поджигаемые! Кто слышал где, чтобы епископа допрашивали и судили мирские? Как пишет Григорий Богослов в «Слове о похвале Афанасию Великому», осуждающем собор безбожных агарян^{ccxliv}: «Потому что, - говорит, - посадили мирских людей и приводили перед ними на допросы епископов и пресвитеров, а им же даже краем уха не достойно таких слушать» и прочее. Где законы священные? Где правила седьмостолпные? Где уложения и уставы апостольские? Все попораны и поруганы от пресквернейшего кровоядца-зверя и от безумнейших человекоугодников его, погубителей отечества!

Что же он начинает? На святителя дерзает покуситься: не посылает к патриарху Константинопольскому (под судом которого русские митрополиты находились), так как если бы были они оклеветаны от кого-либо и в чем, то только перед ним достойны о себе дать ответ, и даже не испрашивает от престола патриаршего экзарха^{ccxlv} на испытание (допрос) епископское. И воистину, бесясь на святого архиепископа (митрополита), как будто бы забыл повесть новую или не слишком давнюю, устами твоими часто произносимую, о святом Петре, русском митрополите, на приключившуюся ему клевету от тверского епископа прегордого? Тогда, услышав это, русские князья не дерзнули расспрашивать епископов или судить священников, но послали к патриарху Константинопольскому с просьбой прислать экзарха, который рассмотрит и рассудит обо всем, как подробно описано об этом в летописной русской книге^{ccxlv}. Разве тебе это был не пример, о зверь кровопийственный, а еще хотел христианином быть?

Но собирает на святителя скверное свое соборище иереев Вельзевуяиных и проклятое сонмище согласников каиафиных и соглашается с ним, как Ирод с Пилатом, и приходят они все вместе со зверем в великую церковь, и садятся на святом месте - мерзость запустения, и устно повелевают о смердящие и проклятые власти! привести и поставить перед собой епископа преподобного, облаченного в освященные одежды, и поставляют лжесвидетелей - мужей скверных, предателей спасения своего. О, как тяжело об этом писать! - обдирают святительские одежды с него и отдают в руки палачам, которые этого святого мужа, с молодости известного своими добродетелями, нагим выволакивают из церкви, и бичуют люто и нещадно его тело, ослабленное постами, и водят с позором по городу. Он же, храбрый борец, претерпевал все, как будто и не имел тела вовсе, и в таких

мучениях распевал хвалы Богу, вокруг него толпился народ, горько плача и рыдая, и он благословлял его своей священномученической десницей.

Наш лютый зверь, во всем послушный древнему прелютейшему дракону, губителю рода человеческого, еще не насытился кровью священномученика и не удовлетворился неслыханным от веков бесчестием, совершаемым над этим преподобным епископом, повелел его по рукам, ногам и чреслам оковать претягчайшими веригами, ввергнуть в узкую и мрачную темницу измученного человека, уже старого, удрученного многими трудами, немощного телом, а темницу эту приказал оковать заклепами и поставить стражу из своих злых людей. Через день или два посылает он неких своих советников посмотреть, не умер ли епископ? А те вернулись и рассказывают, что обнаружили они епископа избавленным от тяжких оков, стоящего с поднятыми руками и поющего псалмы; оковы же все рядом с ним лежали. Увидев это, посланные советники с плачем и рыданиями опустились на колени перед ним, а возвратившись к жестокой, непокорной и прегордой власти, к прелютному, ненасытному, кровоядному зверю, обо всем ему по порядку возвестили. Он же возопил, как рассказывают: «Колдовство, колдовство сотворил он, мой враг и изменник!» А увидев своих советников растроганными, начал им грозить различными муками и смертью. Потом приказал лютого голодного медведя впустить в темницу к епископу и запереть их (об этом я слышал от свидетеля-очевидца, который сам все видел). Наутро царь пришел сам и приказал отворить темницу, надеясь увидеть епископа съеденным зверем, а нашел его благодаря Божественной благодати целым и невредимым и как прежде стоящим на молитве, зверь же, как кроткая овца, лежал в одном углу темницы. О чудо! Лютый по естеству своему зверь человеком превращен в кроткого, а человек, по естеству своему сотворенный Богом в кроткости, в лютость и бесчеловечность самовластной волей обращается. Царь же уходя, говорил: «Колдовство, колдовство творит епископ!» Воистину некогда такие же в древности бывшие мучители о мучениках, творивших чудеса, так говорили^{ccxlvii}.

Потом, рассказывают, отправили епископа в заточение в Тверской Отрочь монастырь, и там он прожил как будто бы год, и царь послал к нему с просьбой простить его и благословить, а также вернуться на свой престол, но он, как известно, отвечал ему: «Если обещаешь покаяться в своих грехах и прогнать от себя этот полк сатанинский, собранный тобой на погубу христианскую, а именно тех, кого называют кромешниками или опричниками, я благословлю тебя и на престол мой, послушав тебя, возвращусь. Если же не сделаешь этого, будешь проклят в этом веке и в будущем вместе с кровоядными твоими кромешниками, во всех преступлениях тебе помогающих». И некоторые говорят, что по повелению царя епископ был удушен в том монастыре одним лютым и бесчеловечным кромешником, а другие говорят, что в любимом царем городе, называемом Слободой (Александровой. - ff.3.), который кровью христианской наполнен, епископ был сожжен на горячих углях. Так или сяк, но всяко же священномученическим венцом он был увенчан, он смолodu возлюбил Христа и за Него в старости пострадал^{ccxlviii}.

После убийства митрополита были замучены не только клирики, но и несколько сотен нехиротонисанных мужей разными муками погублено, ибо в той земле есть такой в церкви обычай, согласно которому многие светлые и благородные мужи, имеющие имение, в мирное время архиепископами служат, а когда на страну нападают окрестные супостаты, то они (те, которые нехиротонисаны) в христианском войске сражаются.

Еще до возведения на митрополию Филиппа великий князь умолил занять митрополичий престол казанского епископа Германа. Герман возражая, но принужден был стать митрополитом решением Освященного собора. И говорят, что уже в первые два дня пребывания на митрополичьем дворе он тяготился своим великим саном, так как не хотел нести свою службу под таким лютым и безрассудным царем. Он начал с ним беседу, напоминая тихими и кроткими словами о Страшном суде Божьем и нелицеприятном наказании каждого человека за дела его, будь он царем или простым человеком.

После этой беседы царь отправился в свои палаты и рассказал своим любимым льстецам-ласкателям о совете митрополита. К нему тогда слетались отовсюду вместо добрых и избранных людей не только паразиты злые, прелукавые соблазнитель^{ccxlix}, но и всякие воры (тати) и воистину разбойники и другие нечестивые люди.

Они испугались, что царь послушает совета епископа и тогда всех их прогонит от лица своего и им придется отправиться в свои пропасти и норы. Как только они слышали от царя эти речи, то единым словом отвечая ему: «Боже сохрани тебя от такого совета. Разве хочешь, о царь, быть у того епископа в неволе еще горшей, нежели пребывал у Алексея и Сильвестра перед этим несколько лет?» И молили его коленопреклоненно со слезами, особенно же один из них - Алексей Басманов с сыном своим. Он послушал их и приказал епископа из церковных палат изгнать, говоря: «Еще и на митрополию не возведен, а уже меня обязуешь неволей». И дня через два был найден мертвым в своем дворе епископ Казанский. Говорят, удушен был тайно, по цареву повелению, или ядом смертоносным уморен^{cccl}. А был тот Герман из светлого рода Полевых и имел великое тело и многий разум, воистину святого жительство, Священного Писания последователь, ревнитель по Богу, постоянно пребывающий в духовных трудах, знакомый с учением Максима Философа, он иосифлянских монахов превзошел в учености, но к их лукавому лицемерию был непричастен, так как был человеком простым, твердого разума, великим помощником всем терпящим бедствие и очень милосердным ко всем убогим.

Потом был убит архиепископ Новгородский Пимен. Этот Пимен был человеком чистой и строгой жизни, но говорят, что он вместе с клеветниками был гонителем митрополита Филиппа, а немногим позже и сам смертную чашу испил от того мучителя, который, приехав в Новгород Великий, велел его в реке утопить^{cccli}.

Большие гонения он тогда произвел в этом великом городе, в один день убив, потопив и пожегши и другими различными муками помучив больше пятидесяти тысяч мужей одних, кроме жен и детей. В том прелютом пожаре убит по его повелению Андрей Тулупов^{ccclii} из рода княжат стародубских, человек кроткий и благонравный, престарелого возраста, а также другой муж Цыплятев^{cccliii}, по прозванию Неудача, из рода княжат белозерских погублен был с женой и детьми, тоже благонравный, опытный и очень богатый человек, который давал большие пожертвования на великую церковь Софии премудрости Божьей. Да и другие с ними благородные дворянские мужи и юноши были замучены и погублены.

И слышал, что тогда приобрел он великие кровавые, проклятые богатства в том великом древнем Новгороде, где народ живет торговый, ибо город имеет порт, так как расположен недалеко от моря и там много богатых людей, вот ради этого богатства, я думаю, он и погубил их.

Потом поставил на то место другого архиепископа, известного и кроткого, но через два года и его приказал убить с двумя его игуменами великими, или архимандритами^{cccliv}. К тому же в то время множество священников и различных монахов было помучено и погублено.

Тогда же убит был по его приказу Корнилий, игумен Печерского монастыря, муж святой, известный своей службой, так как от молодости он пребывал в монашестве и монастырь Печерский он воздвиг, в котором многие чудеса совершались, благодаря его трудам и молитвам и по благодати Иисуса Христа и его Богоматери.

До тех пор пока имений тот монастырь не брал, а монахи жили в нем нестяжательно, были в нем чудеса. Когда же монахи стали любить стяжания, особенно же недвижимое имущество, а именно села и деревни, тогда начали угасать в нем божественные чудеса.

Вместе с этим Корнилием был убит и его ученик Василий Муромцев, муж ученый, знающий Священное Писание. И говорят, убили их в один день каким-то мучительским

орудием, от которого они были раздавлены и вместе преподобно-мученические тела их были погребены.^{cclv}

Потом великий Ивангород, стоящий на реке Нарве вблизи моря, разграбив, повелел сжечь. Так поступая он и во Пскове Великом и во многих других городах, принося бесчисленные беды и кровопролития, так что все по порядку и описать невозможно. Все это он совершал вместе со своими ласкателями, с прелютым варварским полком кромешников, я раньше о них уже много писал, ибо царь вместо известных и доброй славой отмеченных мужей собрал вокруг себя людей скверных, наполненных злобой и к тому же связал их страшными клятвами, принудив окаянных не только не знаться с друзьями и братьями, но даже и со своими родителями, и только ему одному во всем угождать, и грязные и кровожадные его повеления исполнять, и в таких клятвах тех окаянных и безумных людей принуждал к крестному целованию.

О, лукавый супостат человеческого умышления! О, неслыханные злобы и беды, более всех преступлений человеческих влекущие в пропасть! Кто слышал когда-нибудь, чтобы Христовым знамением клялись на том, что да будет Христос гоним и мучим? А на том крестное знамение целовали, да не растерзается ли при этом церковь Христова различными муками? Возможно ли страшными клятвами расторгать прирожденную, естественную, данную нам Творцом нашим любовь к родителям, ближним и друзьям? Здесь я витку неслыханные беды! Здесь ослепление человеческое, наведенное хитросплетением дьявола, который отвратил их от Христа! Вначале он оболестил царя, затем вместе с ним и этих окаянных в пропасть вверг, заставив их обетами святыми, которыми клянутся только Христу на Святом Крещении, отвратиться от Него и, Христовым именем клянясь, от Евангельских заповедей отречься.

Да только ли Евангельских заповедей? Даже и от естественных связей, которые и у языческих народов соблюдаемы и должны сохраняться, так как даны нам при рождении от Бога. В Евангелии учат врагов любить и гонящих (Христа) благословлять и прочие естественные законы, без голоса и языка данные при рождении, поучают нас родителям оказывать покорение, иметь любовь к родственникам и друзьям, а дьявол с клеветами своими против всех этих законов восстанавливал и клятвами соблазнял, и воистину колдовское проклятие стряслось над бедным человеческим родом от этого зачатого в колдовстве царя.

Господь заповедует не поминать имени своего всуе и не связывать себя никакими клятвами, противными свободной человеческой воле, не клясться ни небом, ни землей, ни головой своей и ничем прочим, а те кромешники отреклись от всего этого и пострадали^{cclvi}.

Здешние жители, давно живущие под свободами христианских королей, удивляются нашим бедам, поскольку думают, что такое не может случиться у христиан. Действительно, недостойно это христианской веры, да я еще не все по порядку описал. Я описал трагедию коротко, потому что сердце мое разрывается от великой жалости.

ГЛАВА IX

О ПРЕПОДОБНОМ ФЕОДОРИТЕ СЯЩЕННОМУЧЕНИКЕ

Житие преподобного архимандрита Феодорита. Благочестивые его странствия. Знакомство с Порфирием. Подвижническая жизнь Порфирия и его страдания. Знакомство Феодорита с Артемием и Иоасафом Белобаевым. Возвращение к старцу Зосиме на Соловецкий остров. Просвещение лопарей. Основание монастыря. Изгнание Феодорита из монастыря. Странствия. Клевета. Суд над Артемием. Осуждение Артемия и Феодорита. Страдания. Ходатайство за Феодорита и его освобождение. Путешествие в Царьград. Милость Иоанна. Двукратное посещение дикой Лопи.

Добродетельные дела Феодорита. Смерть. Разноречивые известия о ней. Причины краткости повествования о Феодорите

В те же годы погубил царь славного преподобного святого и премудрого архимандрита по имени Феодорит^{cclvii}, о нем и о его священном жительстве достойно вкратце вспомнить. Был этот муж родом из Ростова славного, откуда произошел и святой Сергей (Радонежский. - Н.З.), и ушел тот Феодорит в тринадцатилетнем возрасте из дома своих родителей, и пошел аж на Соловецкий остров в монастырь, что лежит на Ледовом озере, и пробыл здесь один год, в четырнадцать лет принял монашество и обязался святым послушанием, как по обычаям подобает молодым монахам, одному пресвитеру, священнику святому и премудрому старцу Зосиме, тезоименитому ученику самого святого Зосимы Соловецкого. И послужив ему в духовном послушании неотступно пятнадцать лет и обучившись всякой духовной премудрости, взошел к преподобию по степеням добродетелей; потом был хиротонисан архиепископом Новгородским в дьяконы и затем, пробыв еще год у своего старца, ушел из того монастыря с его благословением на созерцательную жизнь к славному и великому мужу, истинному чудотворцу, отцу Александру Свирскому^{cclviii}, пробыв у него как чистый у чистого, а непорочный у непорочного. Александр узнал о его приближении провиденциально, выйдя навстречу Феодориту из монастыря, хотя никогда его не видел и ничего о нем не слышал, и сказал ему: «Сын Авраамов, приди к нам, Феодорит дьякон». И очень любил его, пока тот проживал в этом монастыре. Потом от Александра пошел он за Волгу-реку, поскольку тамошние монастыри искали тогда храбрых воинов Христовых, которые воюют против темных властей, миродержцев века сего. Обходит Феодорит все те обители, и поселяется в великом Кирилловой монастыре, и находит там духовных монахов, Сергия, называемого Климиным, и других святых мужей, и пребывает там два года, следуя их жесткому и святому жительству, покоряя плоть свою и подчиняя ее духу. Оттуда ушел в тамошние пустыни и нашел здесь блаженного Порфирия, исповедника и первомученика, бывшего ранее игуменом Сергиевой обители и много страдавшего мученьями и тяжкими оковами от великого князя, отца нашего царя. А за что пострадал Порфирий, необходимо вкратце вспомнить. Был тот Порфирий извлечен из пустыни насильно по повелению великого князя Московского Василия и поставлен на игуменство в Сергиев монастырь, и случилось в то время такое событие: у московских князей издавна такой обычай был - желать крови своих братьев и губить их ради завладения их отчинами, - так и лютый князь Василий поймал своего близкого родственника, брата своего, князя Вереяского, Василия нареченного Шемятича, мужа славного, храброго, опытного в богатырских делах, который неоднократно побеждал басурман, не только защищая свои северские земли от частых набегов безбожных измаильтян, но и выходя в дикое поле, и даже неоднократно доходил до самой Орды Перекопской и многократно побеждал ее. И столь прославленного мужа и победоносца князь Василий, рожденный от чародейцы гречанки^{cclix}, заточил в темницу и тяжкими оковами приказал уморить. В то время случилось ему (Василию III) приехать в Сергиев монастырь на пятидесятницу, поскольку был такой обычай у московских князей - каждый год праздник праздновать в том монастыре как бы духовно. Святой игумен Порфирий, как человек простых обычаев и воспитанный в пустыни, начал молить и просить его о том Шемятиче, чтобы выпустил он брата своего из темницы и освободил от тяжких оков. Мучитель же начал гневно возражать ему, а старец тихо и умоляюще отвечал: «Если уж приехал к храму Безначальной Троицы от трисиянного Божества просить милости грехам своим, сам будь милосердным над гонимыми от тебя без правды, а если, как говоришь, ругая нас, повинны они были и согрешили перед тобой, оставь им долг в малых динариях^{cclx} по Христову слову, поскольку и сам желаешь прощения многих твоих талантов»^{cclxi}.

Мучитель же приказал изгнать старца, который о нем же печаловался, из монастыря, а затем и удавить. Старец с радостью совлек с себя игуменские одежды и, отряхнувши прах

со своих ног^{cclxii}, во свидетельство Божие, взял свои разодранные и худые пустыньские одежды, пешком отправился в свою пустынь, с молодых лет для него желанную.

Мучитель же и потом не переставал гневом распалиться на этого святого, оклеветанного некоторыми любостыжательными и лукавыми монахами, скверными чревоугодниками, и он из той далекой пустыни повелел привезти его в Москву и приказал палачам различными муками мучить.

Прерву здесь описание мучений его и вкратце расскажу одну историю о дивном, незлобивом равноапостольном муже, которая на память мне приходит.

Когда один святой был сильно замучен муками и едва жив, тогда отдали его под стражу некоему Пашке, то ли истопнику, то ли придвернику, который тому мучителю был придворным палачом и начальником над его палачами; тот оковал его веригами тяжкими, к тому же, угождая мучителю, морил его голодом, желая его скорой смерти. Христос же, Царь наш милосердный, не оставил раба своего в бедах и внушил жене этого начальника человеколюбие и жалость к узнику. Она тайно раны его омывала и через несколько дней спрятала в одном месте, желая освободить его от уз, чтобы избежал мучительских рук этот родственник Христов. И пришел муж и спросил жену про узника, которого он должен был держать под стражей; она отвечала: «Сбежал еще вчера и не знаю о нем ничего». Муж ее, убоявшись князя прелютого, который поручил ему держать старца под стражей, сам себя решил заколоть, а святой из потаенного места, как апостол Павел, древнему стражу темничному громко закричал: «Не убивай себя, о господин Павел (так этого начальника звали). Здесь я цел и твори со мною все, что хочешь!»^{cclxiii}

Когда же услышал обо всем этом мучитель, то устыщился преподобномученика и повелел освободить его от уз и отпустить.

Святой же с радостью, как Христов победоносец, нося на себе мученические язвы, как прекрасные цветы, отошел в свою пустынь и там водворился, согласно речению Давида: «Удаляясь от мирских мятежей, ждите Бога спасающего»^{cclxiv}. Так сказал, оставив другие страдания в мире живущим людям, которые написали о его житии и преставлении, а мы, здешние странники и пришельцы, к вышеуказанной краткой повести о преподобном Феодорите возвратимся.

В пустыни у Порфирия он (Феодорит) встретил Артемия, и премудрого Иоасафа^{cclxv}, по прозванию Белобаева, и немало других пустынников, мужей святых, некоторые из них были уже в престарелых годах, и там вместе с ними в трудах духовных подвизался, проживя четыре года.

Когда же старец его, предвидя свою скорую смерть, шлет ему послание с просьбой возвратиться к нему, то он с радостью, как олень быстро, отправился к нему пешком, шествуя долгим путем, около трехсот миль по великим и непроходимым пустыням. И пришел с больными ногами, но с желанием и охотой, ни во что не ставя многих трудов и жестокого пути, так как имел сильное желание возвратиться, творя послушание, как Тимофей к Павлу^{cclxvi}, и обнял многолетнего святого старца, целуя его пречистые священнические седины и пробыв при нем, служа ему в немощах его до самой смерти старца, год один или менее того. По разлучении души святого с телом он совершил погребение его.

И вкусил и напился сладости пустынной жизни, как говорит премудрый Мефафраст, описывая житие святого Николая. Поскольку пустынь покоя и ума наилучшая опочивальня, и родительница, и воспитательница, помощник тишины и мысли, и Божественного зренья плодovitый корень, истинная содружница Богу в духовном мире, и ради этого всего разжегся он желанием пустынного безмолвного жительства и отошел в далекую пустынь, в страну глубоких варваров, лопарей диких, плывя великой рекой Колою, которая впадает своим устьем в Ледовитое море, и там сходит он с корабляца и

восходит на горы высокие, которые Святое Писание называет ребра северовы^{cclxvii}, и поселяется в тех пустынных и непроходимых лесах. Через несколько месяцев находит там одного старца-пустынника, по имени Митрофан, пришедшего в эту пустынь за два года до него, и живут они вдвоем в этой прегорчайшей пустыни, Богом хранимы, питаюсь жестокими зельями и кореньями, которые произрастают в той пустыни. И пробыл он в пустыни вместе с тем старцем двадцать лет в святом и непорочном жителстве, потом оба возвращаются в мир и приходят в Великий Новгород, где Феодорит поставляется архиепископом Макарием в пресвитеры, затем становится духовником самого архиепископа, а многих светлых и богатых горожан к спасительному пути наставляет и, не бывши епископом, светлые епископские дела совершает, короче говоря: лечит недужных, очищает прокаженных, не телом, а душой, возвращает заблудших на путь истинный, поднимает на высоту и приводит их ко Христу, первому пастырю, уловив от сетей дьявольских и очистив их покаянием, обращает их, чистых, к церкви Бога Живого.

Потом, года через два, принимает он от некоторых богатых немало серебра в возложение Господне и возвращается в пустынь, уже с некоторыми другими, и там, в устье вышеупомянутой реки Колы, создает монастырь и в нем ставит церковь во имя Безначальной Троицы. Собирает там среду монашествующих и устанавливает им священные правила, заповедующие нестяжательную жизнь в общежительном монастыре; то есть монахи должны своими руками добывать себе пищу, как указывал великий Апостол: «Аще кто не делает, да не ест»^{cclxviii} и далее: «руки мои послужат мне и тем, кто со мною»^{cclxix}. Потом он мало-помалу наставляет приходящих к нему варваров (здесь язычников. - Н.Э.) и обращает их в веру Христову, так как он уже знал их язык; тех, кто соглашается принять крещение, он оглашает к пути спасения, а потом и просвещает Святым Крещением, как сам он рассказывал мне, ибо люди те - лопари, которые получают Святое Крещение, простые и кроткие, и лишены всякого лукавства, и по пути спасения идут со тщанием и охотой, а впоследствии многие из них возлюбили монашеские житие по Благодати Христа нашего, приняли учение Его, а Феодорит научил их письму и молитвам, которые перевел им со славянского на их язык.

Потом уже по прошествии немалых лет, когда распространилась в том народе евангельская проповедь, были явлены некоторые чудеса и знамения, как говорит божественный Павел: знамения - не для верующих, но для неверующих. Тогда обученные им и оглашенные лопари одним днем крестились сразу две тысячи с женами и детьми. Так он, блаженный муж, подобно апостолам направил варваров по верному пути спасения Благодатью Христовой и трудами своими.

И что же после этого начинается? Не терпит древний супостат человеческого рода, видя очами завистливыми, как возрастает и распространяется благочестие. И что же творит? Подучает против него новообращенных монахов, шепча им невидимо в уши и говоря в сердце: «Тяжек вам и нестерпим устав его, и никто не может такое вытерпеть: как можете без имений жить, своими руками добывая хлеб?» Кроме этого, еще и другую заповедь отец Феодорит передал им из устава Соловецкого монастыря от Зосимы и Савватия: «Не только жен, а и скота ни единого не иметь женского рода». Из-за этого некоторые монахи, соединившись с дьяволом, вознегодовали: схватили святого старца, и избили его нещадно, и не только из монастыря, но и из страны той изгнали как какого-то врага. Он же поневоле пошел от тех пустынь в мир, и стал игуменом в одном небольшом монастыре в Новгородской земле, и там два года пребывал. Потом рассказал о нем мудрый Артемий царю, ибо тогда он был игуменом великим Сергеева монастыря. Царь же призывает его к себе, и поставляется он от архиепископа архимандритом Евфимьева монастыря, вблизи великого Суздаля. Тем великим монастырем он управляет четыре или пять лет. Поскольку он обнаружил в нем весьма необузданных монахов, живших своевольно, а не по Уставу монастырскому и Святым Правилам, он их обуздывает и угрожает страхом Божьим, наставляет их жителствовать по Уставу Василия Великого.

Но не только монахов, но и самого епископа Суздальского обличает за сребролюбие и пьянство, поскольку сам он был муж не только многого разума и премудрости, но и от рождения чист и непорочен и во все дни жизни своей сохранял трезвость. И именно о таких говорит Златоуст: простится правда неправде, милосердие - лютости, воздержание - невоздержанности, трезвость - пьянству и прочее, и из-за этого возненавидели его как монахи, так и епископ Суздальский. В те же годы появились плевелы среди чистой пшеницы из-за лени и пьянства многих пастырей наших, короче говоря - ересь лютерская - хула на церковные догматы. Митрополит Российский по царскому приказу повелел этих ругателей везде повить, желая допрашивать их о расколе, и поскольку они церковь возмущали, где только они обнаруживались, тут их хватили и отправляли в Москву. Особенно много из заволжских пустынь, ибо там особенно процветала эта ересь. Вначале это дело делалось добром, но под конец объявилось зло, благодаря которому вместе с плевелами выдергивали и чистую пшеницу^{ccclxx}. К тому же над теми раскольниками, которые готовы были исправиться по слову пастырскому, сотворили немилосердие и прелютые мучения, как я далее расскажу.

Когда любостыжательные и лукавые монахи увидели раскольников из заволжских пустынь и из других мест, тогда они оклеветали преподобного и премудрого Артемия, игумена Сергиева монастыря (он уже к тому времени отошел в пустынь от того великого монастыря), не послушав даже царя, из-за мятежа любостыжательных и издавна законопреступных монахов. Они говорили, что якобы он был причастен к некоторым лютеровым расколам. Также были оклеветаны и другие монахи, которые жили нестяжательно по Уставу Василия Великого. Тогда наш царь поверил преглупым и необразованным епископам и собрал соборище, отовсюду пригласив духовных чинов, и приказал привезти из пустыни закованным преподобного Артемия, честного и мудрости исполненного, а с ним и другого старца, знающего Писание, известного нестяжательным жителем, по имени Савва, по прозванию Шах.

Когда же соборище собралось и на нем были поставлены и вопрошаемы раскольники по вопросу об оскорблениях церковных догматов, тогда с ними был допрошен и Артемий, и он, неповинный, кратко отвечал о своем правоверии. Лжеклеветников, а точнее доносчиков, спросили о доводах их, они же указали свидетелей, людей скверных и злых. Старец Артемий отвечал, что такие люди не достойны свидетельствовать, тогда они указали на Феодорита Соловецкого, архимандрита Суздальского и другого преподобного старца Иоасафа Белобаева, якобы те слышали от Артемия хульные речи. Когда же эти известные мужи были поставлены перед Собором, чтобы свидетельствовать, то они обличили главного клеветника, монаха Нектария; Артемия же оправдали как совершенно невинного и в преподобии сиявшего. Тогда епископ Суздальский, пьяный и сребролюбивый, первый ненавистник, сказал: «Феодорит, давний согласник и товарищ Артемия, и сам он еретик, поскольку в одной пустыни немало лет с ним пребывал». Царь же наш, вспомнив, как Артемий хвалил ему Феодорита, поверил, как пьяный пьяному и вредоумный вредоумному, к тому же он ненавидел Артемия за то, что тот не послушал его и не захотел больше быть на игуменстве в Сергиеве монастыре.

Некоторые епископы оправдывали его, так как знали его как мужа знаменитого, тогда «царь с митрополитом своим, во всем ему угождающим, и со многими, как я уже говорил, необразованными и пьяными епископами не проявили кротости духа для исправления раскольников и любезно их не наставляли, а со всякой яростью и лютостью зверской в заключение в дальние грады, в узкие темницы отсылали, закованных. Также и преподобного, оковав веригами железными, избили святого и неповинного мужа и отослали аж на Соловецкий остров на вечное заточение, до смерти, и того вышеназванного монаха Савву также в заточение на смерть отослали к ростовскому владыке Никандру, погруженному в пьянство. И Артемия отправили на Соловки, где поместили в очень узкую келью, не разрешая ему ни малейшего облегчения, ибо

преследовали его не только епископы богатые миролюбивые, но и лукавые и любостыжательные монахи и хотели они, чтобы не только забыли его в Русской земле, но и имени его никогда не поминали. Монахи опасались, как бы царь, который прежде любил Артемия и неоднократно с ним беседовал, поучаясь от него, вновь бы не возлюбил его и не указал бы епископам и монахам с их начальниками, что они живут законопреступно и любостыжательно, не по Правилам Святых отцов. Ради этого они творят всякие беззакония и исполняют всякие презлые дела в отношении святых, чтобы скрыть за своей злобой законопреступления. Тогда они и других мужей неповинных мучили разными муками, научая их клеветать на Артемия, так как добровольно те делать этого не хотели, они надеялись, что, не выдержав мук, что-нибудь да скажут. Таков в нынешнем веке, особенно в той земле презлой и лукавства исполненной, монашеский род! Воистину горше всяких палачей тот, кто в лютоści очень коварен. Но к вышеуказанной повести о Феодорите возвратимся.

Тогда же он, блаженный муж, пострадал от ложных свидетелей, особенно же от того епископа Суздальского, пьяницы и сребролюбца, который вместе с монахами Евфимьева монастыря клеветал на него, так как они ненавидели его безо всякой с его стороны вины. Но и многие другие доносчики замышляли на него, но не могли ни к чему придаться. Но лукавые монахи эти все-таки сумели отослать его неволею в Кириллов монастырь, где тот же епископ Суздальский прежде игуменом был, и думал он, что ученики его отомстят за него. Когда же Феодорит был туда привезен, то известные доброжителем монахи, не наслышан-ные о том коварном совете и злом- деле, душевно рады ему были, потому что знали о нем как о муже издавна преподобном и пребывавшем в святом жительстве. И об этом те коварные клеветники-монахи прослышав, завистью были разъедаемы, поскольку видели его в почитании, от наилучших и святых монахов, и еще более старались очернить и опозорить его. И пробыл святой у них полтора года, испытывая такое бедствие. Потом написал нам, сынам своим духовным, о своей нестерпимой скорби из-за тех монахов. Мы, нас несколько собралось, почтенных боярским чином, пошли к архиепископу Макарию и рассказали ему все по порядку. Он же, услышав все и уважая наш сан, да к тому же зная Феодорита как святого мужа (ему, Макарию, он был духовником), пишет быстро послания свои в тот монастырь и требует, чтобы того мужа отпустили и чтобы он жительствовавал свободно, где захочет. Феодорит же, уйдя из Кириллова, поселился в Ярославле в монастыре великом, где похоронен князь Федор Ростиславич Смоленский, и там прожил год или два.

И призывает его царь к себе как мужа образованного и мудрого, и посылает его послом к патриарху Константинопольскому, просить у него благословения на коронацию и на венчание, чтобы быть венчанным таким же чином, как римские христианские цесари были венчаны от папы или патриарха. Он, выслушав цареву повеление, хотя и был уже стар и немощен, с радостью согласился пойти в такое посольство. И ходил туда и обратно более года, испытав в пути беды и трудности, и в самом Константинополе огненным недугом недомогая два месяца, но от всех этих напастей благодатью Божьей был избавлен и возвратился здоровым, принеся с благословением Соборное Послание от патриарха о возведении в царский сан великого князя, а вскоре патриарх прислал и книгу Царского величества к нему на Москву со своими послами, с одним митрополитом и монахом-пресвитером, который ныне митрополит Адрианопольский^{ccclxxi}. К тому же говорили, что святому мужу этому сам патриарх удивлялся, слушая его речи и премудрые беседы и узнав о его умиленном и священнолепном жительстве.

Князь же великий, обрадовавшись патриаршему посланию, с благословением одарил Феодорита тремястами сребренниками великими и кожухом из дорогих соболей под аксамитом и предлагал ему такую власть духовную, какую он только захочет. Феодорит, немного усмехнувшись, сказал: «Я, царь, повеление твое выслушал и исполнил, о чем просил ты меня, нисколько не беспокоясь о трудах таких для моего возраста. И мне

наградой было апостольского наместника, а именно патриарха вселенского принять благословение. А иных даров и власти не потребую у твоего величества, даруй их тем, кто просит и требует от тебя этого. Я к серебру и драгоценным одеждам не привык, не умею ни наслаждаться ими, ни украшаться, поскольку отрекся от всего этого в начале пострижения волос моих, только добротой душевною и благодатью духа украшаться стараюсь. Но только об одном прошу, разреши мне с покоем и безмолвием в келье до смерти моей пребывать». Царь же начал умолять его, чтобы он не обесчестил царский сан и принял подарки, он же повиновался в немногом - взял от трехсот сребреников двадцать пять и, поклонившись по обычаю, ушел от лица царя. Царь же повелел и кожух за ним послать и положить в храмине, где он жил тогда. Феодорит же кожух тот продал и деньги нищим раздал; потом он полюбил жить в монастыре, близ великого града Вологды, который создал святой Дмитрий Прилуцкий^{cclxxii}. А тот город Вологда от Москвы находится за сто миль по пути к порту на Ледовом море. И, забыв ненависть тех нечеловеколюбивых монахов, не ленился из Вологды посещать тот монастырь, который он сам поставил и в дикий край Лопи двукратно ездил при мне. Из Вологды до Холмогор реками плыл двести миль, а от Холмо-гор великой рекой Двиной до моря, а морем - до Печенги другие двести миль, туда, в землю, которая называется Мурманской, где живет лопский народ, там же и Кола, река великая, в море впадает и в устье ее тот монастырь находится, который он поставил. Воистину это удивления достойно: в такой старости и такой неудобный и жестокий путь претерпевал, летом плавая по морю, а зимою на быстроходных оленях ездил по непроходимым пустыням, посещая духовных детей своих - как монахов, так и лопарей, обученных и крещенных им, заботясь о спасении их душ, неверным проповедовал Слово Евангельское, умножая благочестие врученным ему от Бога талантом в народе грубом и глубоко варварском, не щадя ни старости, ни немощного тела, сокрушенного многими годами и великими трудами. Смотрите, христиане, лицемерные и полуверные, разъеденные наслаждениями, какие храбрые старцы, в правоверных догматах воспитанные, еще обретаются в православной христианской земле; чем старше и слабее телом, тем с большей ревностью и храбростью стараются о благочестии, и это приятно для Бога бывает.

А каково бы было удивление, если бы я по порядку описал все добродетельные и дивные дела Феодорита, которые только я один и могу вспомнить. Что же скажу о том, какие он имел дарования от Бога, а именно дары духа: сила исцеления, дар пророчества, дар мудрости, знал, как отвратить грешников от злых, дьявольских дел и направить их на путь покаяния и как приводить от нечестия и от многолетнего древнего неверия в веру Христову языческие народы. А что бы рассказал, если бы смог, о вхождении его в самую обитель небесную и о видениях невысказанных, которыми Бог посетил его? Поскольку еще в тленном теле, по существу своему бестелесном и невещественном, почтен достоинствами и воздухоплавательным хождением. А какую тот муж имея хитрость и многую кротость, а какие дарил нам наставления, полезные и премудрые в гостеваний, предивные и наисладчайшие беседы и апостолоподобные вещания, когда ему случилось беседовать с сынами духовными, и даже некогда и я, недостойный, неоднократно причастен был к тем священным его поучениям!

Еще к тому же немало удивительно: как умел он и как был опытен в искусстве исцеления загнивших старых неизлечимых ран, а именно презлых дел в людях, укоренившихся во многие годы! Как все мудрые говорят, что многолетние обычаи, с молодости утвердившиеся в человеческих душах, в естество обращаются и очень плохо изживаются, но он умел старые гнусности и нечистоты злобы разрушать и искоренять их из душ человеческих, и нечистых и скверных очищать и просвещать и к Господу обращать, многим покаянием и слезами, и самому дьяволу запрещать силой святого Духа, по данной ему от Бога власти священнической, что не дерзнет он (дьявол) и не посмеет осквернить покаившиеся души человеческие. Это я, воистину, не только от достоверных людей слышал, но и своими очами видел над самим собой, испытал благоденствие от его святости,

поскольку он был моим исповедником и любил меня, также и я, многогрешный, по силе моей любовью и службой для него старался. О, муж прекраснейший и крепчайший, мною возлюбленный и наисладчайший, отец мой и родитель духовный! Как горько мне быть разлученным с тобой и не видеть честнейших седин твоих!

Что же такой превосходный муж получил в отечестве своем неблагодарном от того лютого и бесчеловечного царя? Некоторые рассказывают, что старец чем-то напомнил ему обо мне, он же восклохтал, как дикий вепрь, заскрежетал зубами и повелел этого святого мужа в реке утопить. И так принял он мученичества венец и получил второе крещение, коим и Господь наш Иисус Христос после крещения Иоаннова возжелал сам креститься и сказал: «Желаю чашу сию испить и крещением этим креститься!»^{cclxxiii} А некоторые говорят, что, придя из иных земель, он умер тихой и спокойной смертью. А точно не мог я дознаться о его кончине, хотя и старался об этом выведать, но как слышал, так и написал, будучи в чужой стране, в долгой разлуке, изгнанный из любимой земли моего отечества.

И если я не изложил по порядку все о нем, как выше обещал, то только ради краткости истории, написанной для живущих здесь (в Польше. - Н.Э.) людей грубых, душевно неопытных, да к тому же еще и маловерных, но если Бог поможет, что отыщем здесь некоторых духовных мужей, желающих знать о нем, тогда вспомним немного о предивных видениях его и о пророчествах и чудесах, которые духовные люди поведают на пользу духовным. Телесные же, как говорил апостол, не воспринимают пищу духовную, поскольку не вмещают ее затворенные волей утробы их и только глупость видится им, если о духовном с ними говорить, лишь с материальными вещами они имеют дело, а о духовных и знать не хотят.

ⁱ А.М. Курбский перевел шесть бесед Иоанна Златоуста и несколько отрывков из «Истории» Евсевия, Диалог патриарха Геннадия, два отрывка из сочинений Дамаскина, «Историю Флорентийского собора», «Новый Маргарит» Иоанна Златоуста, «Слова и беседы» Иоанна Златоуста, отрывки из «Хроники» Никифора Каплиста, отрывки из произведений Цицерона. (См.: *Ясинский А.Н.* Сочинения князя Курбского как исторический источник. Киев, 1889. С. 16.)

ⁱⁱ См.: *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. СПб, 1883. Т. 1. Предисловие. С. 20.

ⁱⁱⁱ См.: *Ясинский А.М.* Сочинения князя Курбского как исторический источник. С. 17.

^{iv} *Голубинский Е.Е.* История русской церкви... М., 1903; *Виленский С.Г.* Послания старца Артемия. Одесса, 1906; *Никольский Н.М.* История русской церкви. Минск, 1930 и др.

^v *Гладкий А.М.* «История о великом князе Московском» как источник «Скифской истории» А.Л. Лызлова // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1982. Т. 13. С. 43.

^{vi} *Елисеев С.А.* «История о великом князе Московском» А.М. Курбского как памятник русской исторической мысли: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1984.

^{vii} См.: *Уваров К.А.* Князь Андрей Курбский как писатель («История о великом князе Московском»): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1973; *Волкова Г.Ф.* Особенности сюжета о казанском походе в «Истории» Курбского // Труды Отдела древнерусской литературы (далее в тексте — ТОДРЛ). Т. 10. С. 249.

^{viii} См.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. В этом же издании и «Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник» (далее в тексте — Синодик). С. 323—478.

^{ix} См.: *Гладкий А.И.* «История о великом князе Московском» как источник «Скифской истории» А.И. Лызлова. С. 43; *Бычкова М.Е.* Генеалогия в «Истории о великом князе Московском» А.М. Курбского // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 221—224.

^x См.: *Плешаков К.* Дилеммы Курбского // Новое время. 1990. № 36. С. 36—39; *Венцлов Т.* Тщетные усилия. «История» князя Андрея Курбского // Вильнюс. 1993. №3. С. 114—120.

^{xi} *Лихачев Д. С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 210.

^{xii} С.Ф. Курбский (ум. в 1527 г.) — военачальник в период княжений Ивана Ш и Василия Ш, из рода ярославских князей (фамилия происходит от названия родовой отчины — села Курба, находившегося недалеко от Ярославля). Был воеводой в новгородском походе 1495 г., с князем Петром Ушатым возглавлял югорский поход 1499—1500 гг., предпринятый с целью «покорения отдельных народов». (Герберштейн, упоминая о походе, ошибочно приписывает его ко времени княжения Василия Ш. См.: *Герберштейн С. Записки о Московии*. М., 1988. С. 161.)

С. Курбский также участвовал в казанских (1506—1523) и литовских (1507 и 1512—1515) походах, а затем был наместником в Пскове (1510—1515) и в Стародубе (1519). (См.: *Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в.* М., 1988.)

По сведениям Герберштейна, который знал Семена Курбского лично, последний вел подвижническую, аскетическую жизнь, к моменту их встреч это был «человек старый, сильно истощенный крайним воздержанием и самой строгой жизнью, которую вел с молодых лет». (*Герберштейн С. Записки о Московии*. С. 154.)

В последние годы жизни Семен Курбский находился в немилости из-за отрицательного отношения ко второму браку Василия Ш с Еленой Глинской.

^{xiii} *Федоров Б.* Князь Курбский. М., 1995. С. 110; *Плотников Н.С.* Андрей Курбский: Исторический роман. М., 1998. См. также: *Филлюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский: Исторический портрет // *Вопр. истории*. 1999. № 1. С. 89.

^{xiv} Максим Грек (Михаил Триволис) пришел в Россию по приглашению Василия Ш для исправления церковных книг. Во время пребывания в Москве дважды был осужден церковным судом: в 1525 г. якобы за симпатии к Османской империи и в 1531 г. совместно с Вассианом Патрикеевым за нестяжательские взгляды и, в частности, за отрицание вотчинных прав монастырей. Освобожден из заточения в 1548 г. Умер и похоронен в Троице-Сергиевом монастыре в 1556 г., где его могила сохранилась до настоящего времени. Написал большое количество трудов и пользовался в Московском государстве славой ученого старца. Собрание его трудов издано: *Максим Грек*. Творения: В 3 ч. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. (Репр. 1910.)

^{xv} См.: *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. Предисловие; *Ясинский А.Н.* Сочинения князя Курбского как исторический источник. С. 82—83.

^{xvi} Среди идеологических течений того времени, включившихся в полемику, обсуждавшую право монастырей на владение землями, ведущую роль стали играть два направления внутрицерковной политической мысли, вокруг которых и сгруппировалась вся идеологическая борьба, продолжавшаяся более века.

Направление политической мысли, предлагавшее реорганизацию церковной структуры и некоторых форм ее деятельности, связанное с требованием отторжения церковных богатств и лишения церкви, в ее монастырском звене, права на владение землями, населенными крестьянами, и утверждавшее необходимость добывания средств для существования монастыря и монахов в результате их собственного труда («рукоделия»), получило в литературе название *нестяжательства*. Идеологом этого направления был Нил Сорский (1433—1508). О биографии его известно мало. Он поселился в заволжских краях, где и организовал Нило-Сорскую пустынь, в которой реализовал свой идеал скитского монашеского служения. Однако он не был удален от общественной жизни и был человеком известным и почитаемым. Слава его «сияше... яко светило в пустыни на Беле озере», и сам великий князь Иван Ш «держал его в чести велице» (см.: *Житие Нила Сорского*. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1990). Перу мыслителя принадлежат «Предание о скитской жизни» (М., 1991) и несколько Посланий разным лицам (ТОДРЛ. Л., 1974. С. 125—143).

Напротив, приверженцы сохранения существующих форм церковной организации и ее экономического положения стали именоваться *стяжателями*, что соответствовало содержанию занимаемой ими позиции. Основателем этой доктрины был Иосиф Волоцкий (1439—1515), настоятель Иосифо-Волоколамского монастыря, поэтому стяжателей называли *иосифлянами*.

Иосиф родился в семье дворянина. Его мирское имя Иван Санин. Он принял постриг в Пафнутьево-Боровском монастыре, расположенном на землях домена великого князя. В 1479 г. он покинул Панфутьев монастырь и на землях удельного князя Бориса Волоцкого и его иждивением построил Волоколамский монастырь, где игуменствовал до конца своих дней. В 1507 г. Иосиф порывает с удельным князем и переводит свой монастырь под великокняжеский патронат. С этого времени он в своем творчестве поддерживает великокняжескую линию в политике. Он первым в истории русской политической мысли так сформулировал учение о верховной власти, что предоставил возможность критиковать действия венценосца как человека, не задевая сам священный принцип властвования и подчинения. Исходя из данных

теоретических посылок Иосиф обосновал право на сопротивление верховной власти в том случае, если она реализует свои полномочия «мучительским» образом. Наиболее известными его произведениями являются Послания разным лицам (См.: Послания Иосифа Волоцкого. М., 1956) и «Просветитель» (Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. М., 1993).

^{xvii} Биографические сведения о Зиновии Отенском ограничены. Неизвестно, откуда он родом и из какой среды происходил. Почти всю жизнь он провел будучи монахом Огни пустыни. Высказываются предположения, что этот труднодоступный монастырь, расположенный в новгородских пределах, выбран им не добровольно, а стал местом его ссылки в связи с осуждением Максима Грека, об отношениях с которым неоднократно упоминается в сочинениях Зиновия. В маленьком монастыре опальный старец был как бы заживо погребен до конца своих дней. Однако удаленность от тогдашнего цивилизованного мира и общественной деятельности не помешала ему быть в курсе всех государственно-правовых преобразований, а также политических и философских идей века.

На сегодняшний день перу Зиновия Отенского атрибутированы следующие произведения: «Истины показания к вопросившим о Новом учении» (Казань, 1863); «Послание многословное» (М., 1880); «Слово к святому Никите на открытие мощей Ионы Новгородского» (СПб, 1894); «Послания Зиновия Отенского дьяку ЯВ. Шишкину» (ТОДРЛ. Л., 1965. Т. 21. С. 201—224); «Слово похваленое об Ипатии» (ТОДРЛ. Л., 1965. Т. 21. С. 166—168); «Послание Зиновия, старца Огни пустыни, ко мнихом бывшим в заточении в Соловецком острове, Гурию Заболоцкому, Касьяну и брату его Гурию Коровиным»; «Послание Зиновия инокам, вопросившим его о питии» (ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 119—134). См. также: *Калугин Ф. Зиновий инок Отенский.* СПб, 1894.

^{xviii} *Временник Ивана Тимофеева.* М.; Л., 1951. С. 177,179.

^{xix} *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 203.

^{xx} См.: *Ясинский А.Н.* Сочинения князя Курбского как исторический источник. С. 59; *Шмидт С.О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 240; *Рыков Ю.Д.* Князь Курбский и его концепция государственной власти // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 198.

^{xxi} См.: *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1988; *Филошкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский: Исторический портрет. С. 85.

^{xxii} См.: *Шмидт С.О.* Становление российского самодержавства. С. 240.

^{xxiii} См.: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб, 1992.

^{xxiv} По вопросу о том, каково было юридическое положение Соборов и ограничивали ли они власть государя, в науке ведется весьма давний спор. Исследователи, которые считают, что при Иване IV установилась абсолютная монархия как форма правления, как правило, отрицают значение Земских соборов. (См.: *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России; *Винпер Р.Ю.* Иван Грозный. Ташкент, 1945. С. 25; *Лурье Я.С.* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 236,239 и др.) Напротив, ученые, характеризующие форму правления в России XVI в. как сословно-представительную монархию, склонны усматривать в наличии Земских соборов доказательство ограничения царской власти. (См.: *Зильберман И.Б.* Принцип суверенитета государственной власти в русской политической литературе XVI в. // Ученые записки ЛГУ. Сер. Юридические науки. 1958. № 225. Вып. 10; *Золотухина Н.М.* Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985; *Черепнин Л.В.* Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978.)

Соборная форма разрешения государственных дел складывалась в России постепенно (совместные заседания Боярской думы и Освященного собора) и к 1549 г. оформилась в представительную двухпалатную систему европейского типа, которую с юридической точки зрения следует охарактеризовать как сословно-представительную монархию (1549—1653), а опричнина, введенная царем в 1564 г., представляла собой террористический политический режим. Следует отметить, что истории известны случаи, когда политический режим оказывал сильное влияние на форму правления и даже практически подминал ее. Так, у Гитлера при наличии Рейхстага был установлен фашистский режим, а у Сталина при наличии Верховного Совета — авторитарный, но ни в Германии, ни в СССР с точки зрения теории государства и права нельзя говорить о наличии абсолютной формы правления.

В России абсолютная монархия была оформлена только Петром I и с этого времени можно говорить о самодержавии как абсолютной монархии. При Иване IV никаких социальных, экономических и политических предпосылок для создания такой формы правления не существовало.

^{xxv} См.: *Черепнин Л.В.* Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. С. 91.

^{xxvi} См.: *Платонов С.Ф.* К истории опричнины XVI в. // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1987. № 10. С. 261; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. Пг, 1817. С. 179—180; *Платонов С.Ф.* Иван Грозный. Пб, 1923. С. 94—97.

^{xxvii} *Покровский В.С.* История русской политической мысли. М., 1951. С. 85—86.

^{xxviii} *Бахрушин С.В.* Научные труды. М.; Л., 1954. Т. 11. С. 318—324.

^{xxix} *Державина О.А.* Послесловие к «Временнику» И. Тимофеева // *Временник Ивана Тимофеева*. С. 376.

^{xxx} См.: *Лурье Я.С.* Вопросы внешней и внутренней политики в Посланиях Ивана IV // *Послания Ивана IV*. М.; Л., 1951. С. 493—494.

^{xxxi} *Шмидт С.О.* Становление российского самодержавства. С. 308.

^{xxxii} *Nerretreanders B.* The Shaping of Gzardom under Ivan Grozny. Copenhagen, 1964. P. 144.

^{xxxiii} Рыков Ю.Д. «История о великом князе Московском» как источник по истории опричнины: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1972. С. 24; См. также: *Рыков Ю.Д.* Князь Курбский него концепция государственной власти. С. 198.

К сожалению, в наиболее позднем диссертационном исследовании о Курбском (см.: *Уваров К.А.* Князь Андрей Курбский как писатель. С. 11) повторяется традиционная схема оценок.

^{xxxiv} *Черепнин Л.В.* Методология исторического исследования. М, 1981. С. 180—181.

^{xxxv} См.: *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времен Ивана Грозного. М, 1982. С. 69.

^{xxxvi} См.: *Послания Зиновия Отенского дьяку ЯВ. Шишкину.* ТОДРЛ. Л., 1965. Т. 21. С. 201—224.

^{xxxvii} *Письма А.М. Курбского к разным лицам.* СПб, 1913. Стб. 36—37.

^{xxxviii} *Курбский А.М.* История о великом князе Московском. СПб, 1913. Стб. 10.

^{xxxix} См.: *Юшков С.В.* История государства и права СССР. М., 1961. Ч. 1. С. 269.

^{xl} *Курбский А.М.* История о великом князе Московском. Стб. 12—13. Данная здесь положительная характеристика наилучшей формы правления весьма близка к идеальному варианту И.С. Пересветова. Рассуждения же о наградах за службу практически идентичны. Необоснованно было бы в таком случае предполагать, что идеолог, выражающий интересы феодално-вотчинных кругов, направит свой удар против местнической системы, представляющей собой политико-социальную базу этой сословной группы.

^{xli} *Курбский А.М.* История о великом князе Московском. Стб. 65.

^{xlii} Там же. Стб. 116.

^{xliiii} Там же.

^{xliv} Там же.

^{xlv} Курбский, как правило, ведет повествование в третьем лице, но иногда в обличительном пафосе переходит и на второе.

^{xlvi} *Курбский А.М.* История о великом князе Московском. Стб. 111. ' Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 179.

^{xlvii} См. также: *Курбский А.М.* История о великом князе Московском. Стб. 95.

^{xlviii} *Курбский А.М.* Предисловие к «Новому Маргариту». См.: *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. Т. 2. С. 270.

^{xlix} *Курбский А.М.* История о великом князе Московском. Стб. 77.

^l *Курбский А.М.* История о великом князе Московском. Стб. 106.

^{li} Там же. Стб. 111.

^{lii} Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 170. Идея о плохих (злых) советниках и влиянии их совета на верховного правителя подробно разработана Даниилом Заточником. Она тесно связана с другой, также традиционной для русской политической теории темой о необходимости лицу, облеченному высшими властными полномочиями, уметь владеть своими страстями. Курбский вносит в нее некоторые дополнения, показав, что пагубным влияниям мог бы противостоять человек образованный, подготовленный к выполнению своей миссии всей системой воспитания, умеющий властвовать не только над людьми, но и над своими страстями. Здесь явно чувствуется переплетение традиционного материала с влиянием античных мыслителей и, в частности, Платона.

-
- ^{liii} Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 103.
- ^{liv} Там же. Стб. 66.
- ^{lv} Там же. Стб. 54,55.
- ^{lvi} Там же. Стб. 51—52. Уд — одно из значений «часть тела». (См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб, 1903. Т. 3. Стб. 1156.)
- ^{lvii} Там же. Стб. 12.
- ^{lviii} Синклит — слово греческого происхождения, им обозначается высший государственный совет при византийских императорах. Иван Тимофеев, например, под синклитом подразумевал Боярскую думу и всех заседавших в ней бояр, которых он называет синклитиками. См.: Державина О.А. Комментарий к «Временнику» И. Тимофеева // Временник Ивана Тимофеева. С. 457.
- ^{lix} Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 12—13.
- ^{lx} Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 236, 239.
- ^{lxi} См.: Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI—начала XVIIв. М., 1963. С. 318.
- ^{lxii} Сахаров А.Д. Очерки культуры XVI в. М., 1977. С. 146. Эту же точку зрения о предательстве Курбского разделяет и Р.Г. Скрынников. См.: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 200.
- ^{lxiii} Иванушев Н. Жизнь Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849. Т. 1. С. 155.
- ^{lxiv} Флюшкис А.И. Андрей Михайлович Курбский: Исторический портрет. С. 87.
- ^{lxv} См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М, 1961. Т. 3. С. 543.
- ^{lxvi} См.: Ясинский А.Н. Сочинения князя Курбского как исторический источник. С. 71.
- ^{lxvii} См.: Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. Т. 1. Предисловие С. LI; Ясинский А.Н. Сочинения князя Курбского как исторический источник. С. 67.
- ^{lxviii} Эту цитату приводят Н.Г. Устрялов и А.Н. Ясинский, ссылаясь на Записки Казанского университета (1873. № 4. С. 726—729). См. также: Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. (Т. 1—4. М., 1988; Т. 5—12. 1989.) Кн. 3. Т. 9. Стб. 33—34.
- ^{lxix} Григорий Лукьянович (Малюта) Скуратов-Вельский происходил из рода мелких городских детей боярских. Малюта — его прозвище, Скурат — прозвище его отца Лукьяна, а Вельские — их фамильное прозвание. «Он принимал личное участие во многих казнях и, по свидетельству современников, в активе Малюты числится убийство в Тверском Отрочь монастыре сосланного туда митрополита Филиппа». Погиб Малюта на Ливонской войне. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 201—203.) Кстати, впоследствии, уже после побега Курбского, в 1570 г. Малюта отличился особой жестокостью в новгородском походе. С.Б. Веселовский приводит поминальные списки различных монастырей, где перечисляются злодеяния Скуратова. Так, в Московском Богоявленском поминальном списке отмечено: «Да в Ноугородской посылке Малюта отдал 1490 человек. Да ноугородцев же 15 человек. Данила с женой и детьми, а имена их ты сам веси Господи». (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 349.)
- ^{lxx} Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. Т. 1. Предисловие. С. XV.
- ^{lxxi} Флоря Б.Н. Новое о Грозном и Курбском: Документы // Вопр. истории. 1973. № 3. С. 141—145. Хотя и вполне вероятно, что мысль «о погашении жизни Грозного царя» в целях «сокращения его ярости» и занимала современников, как свидетельствует об этом дьяк Иван Тимофеев (см.: Временник Ивана Тимофеева. С. 178), но какая-либо реальная причастность князя А.М. Курбского к этому «заговору» не доказана. Да и в случае ее обнаружения нельзя было бы такие намерения характеризовать как изменнические или антипатриотические, ибо правление Иоанново, как отмечают современники, отличалось крайней «свирепостью», а «ярость» его послужила причиной гибели множества невинных людей. (См. также: Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. Стб. 33.)
- Историк так объясняет причины бегства Курбского: «Начальствуя в Дерпте, сей гордый воевода сносил выговоры, разные оскорбления, слышал угрозы и, наконец, сведал, что ему готовится погибель».
- ^{lxxii} Иван IV не преминул, однако, упрекнуть Курбского в том, что тот пострадал «не во имя Бога» и потому не достоин «мученического венца». См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 123.
- ^{lxxiii} Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 120.

-
- lxxiv Письма АМ. Курбского к разным лицам. Стб. 40,49.
- lxxv *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. Стб. 7. Следует также отметить, что и в этом случае речь может идти только о нарушении вассальных клятв, а не об «измене» родине. Такого состава преступления тогда не существовало, и распространение современной терминологии и современных юридических понятий с обращением их «обратной силы» в столь далекую эпоху представляется неоправданным.
- lxxvi *Лихачев Д.С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского. С. 202.
- lxxvii Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 29. С. 298—299; ПСРЛ. Т. 8. С. 340.
- lxxviii История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 226.
- lxxix Пискаревский летописец//ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 191. Временник Ивана Тимофеева. С. 248.
- lxxx *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. Стб. 87—88. Карамзин ссылается на рукописный текст Московской Летописи из Синодальной библиотеки за № 92.
- lxxxi Временник Ивана Тимофеева. С. 175.
- lxxxii См.: *Плешаков К.* Дилеммы Курбского. С. 36—39.
- lxxxiii Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 172.
- lxxxiv *Венгров Т.* Тщетные усилия. «История» князя Андрея Курбского. С. 114—120.
- lxxxv См.: *Калугин В.В.* «Философ-кирик» в переводе князя Андрея Курбского //Филол. науки. 1995. № 1. С. 39.
- lxxxvi *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. М., 1990. С. 20—21.
- lxxxvii Временник Ивана Тимофеева. С. 263—265.
- lxxxviii Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 171.
- lxxxix Соломония была насильно пострижена в 1526 г. под именем Софьи; вначале она находилась в Каргопольском монастыре, а затем была переведена в Покровский Девичий Суздальский монастырь, где и скончалась в 1542 г.
- xc Значительную роль в разработке социально-политической программы нестяжания сыграл Вассиан Патрикеев (в миру Василий Иванович). Точных сведений о биографии В. Патрикеева не сохранилось. Родословие князей Патрикеевых возводится к великому князю Литовскому Гедимину. Его отец Иван Патрикеев служил наивысшим воеводой при московском дворе, а затем возглавлял судебную колле¹¹¹⁰ в Боярской думе. В.И. Патрикеев (по прозвищу Косой) также выполнял военные и дипломатические обязанности. В 1495 г. он был пожалован чином боярина. В 90-х гг. XV в. он вместе с отцом участвовал в деятельности Судебной коллегии. В 1499 г. князей Патрикеевых постигла опала, в результате которой В.И. Патрикеев был пострижен в монахи под именем Вассиана и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Здесь он увлекся учением Нила Сорского о нестяжании и личном самоусовершенствовании («умном делании»). В открытую публицистическую полемику вступил в 1503 г. В 1505 г. Василий III снимает опалу со старца Вассиана и последний переезжает в Москву и поселяется в столичном Симонове монастыре. В 1517г. завершает главный труд своей жизни — Кормчую книгу (Собрание церковных правил). Затем происходит разрыв отношений с великим князем, поводом к которому послужило несогласие Вассиана с разводом Василия III. В 1531 г. Вассиана судит Соборный суд, якобы за «извращение церковных правил», допущенное им в Кормчей книге. Судное дело Вассиана дошло до нас в неполном списке. Никаких сведений о его дальнейшей судьбе не сохранилось, кроме известия Курбского о том, что он был послан в заточение в Иосифо-Волоколамский монастырь, где его «уморили презлые иосифляне».
- Перу Вассиана атрибутированы следующие произведения: «Собрание некоего старца», «Ответ Кирилловских старцев», «Слово ответно», «Слово о еретиках», «Прение с Иосифом Волоцким». См.: Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.
- lxxci О Семене Курбском см. подробно коммент. 12 к вступительной статье.
- lxxcii О Максиме Греке см. подробно коммент. 14 к вступительной статье.
- lxxciii См.: Прит. 12:10. «Праведный печется о жизни скота своего, сердце же нечестивых жестоко».
- lxxciv Синклит — высший государственный совет при византийских императорах. Под синклитом Курбский, как и другие его современники, понимал высший совет-ный орган при государе, членов которого он называл синклитиками. Иван Тимофеев, например, называл синклитом Боярскую думу; Курбский — правительство царя Ивана IV.

^{xcv} Практически во всех произведениях А.М. Курбский употребляет слово «ласкатели» в значении «льстецы». И.И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» приводит слово «ласкавец» в значении «льстец»; «ласкаво — лъстиво». (См.: Т. 2. Стб. 10.)

^{xcvi} Вельские — выходцы из Литвы. Федор Вельский в 1482 г. перешел на службу к Ивану III. Его сын, Иван, в 1522 г. был пожалован боярским чином. При Василии III был одним из влиятельнейших вельмож. В 1542 г. при Иване IV впал в немилость и был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где и был убит. Отмечен в Синодике. (См.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 359.)

^{xcvii} Князь Андрей Шуйский был убит еще в юные годы Ивана IV. Пискаревский летописец сообщает, что 29 декабря 7052 г. (1543/4) «великий князь Иван Васильевич не мога терпети, что бояре безчиние и самовольства чинят без великого князя веления, своим советом единомысленных своих советников, многие убийства сотвориша своим хотением и многие неправды в земле учиниша в государеве младости, и великий государь повелел поимати первого советника их князя Андрея Шуйского и велел передати его псарям. И псари взяша и убила его, влукше к тюрьмам против ворот Ризположенских в городе». (См.: ПСРЛ. Т. 34.)

^{xcviii} Иван Кубенский, троюродный брат царя Ивана IV, а также князя Федор и Василий Воронцовы были казнены по доносу дьяка Захарова. «И того же лета на Коломне по дьяволову действу оклеветал ложными словесы Василей Григорьев сын Захарова Гнильевой великому князю, и князь великий с великие ярости положил на них свой гнев и опалу по его словесам, что бяше тогда у великого государя в приближении. И vele казнити князь великий Ивана Кубенского, Федора Воронцова Василя Михайлова сына Воронцова же, отсекоша им главы месяца июля в 21, в субботу». (См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 448; Т. 34. С. 180.)

^{xcix} Иван Дорогобужский — потомок великого тверского князя Михаила Яросла-вича. Род Дорогобужских пресекался со смертью князя Ивана. Его отец и дед погибли в боях при взятии Казани. (См.: *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 230.) В Синодике не упоминается. (См.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 378.)

^c Федор Овчина, сын фаворита Елены Глинской Ивана Федоровича Овчины Оболенского, был казнен Иваном IV, о чем имеется упоминание в Родословной книге. (См.: *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 230.) В Синодике не упоминается.

^{ci} Андрей Курбский здесь имеет в виду народы, населявшие Казанское ханство: татар, чувашей, черемисов, вотяков и башкир.

^{cii} Царь удалился тогда в село Воробьево. «А после пожару стоял князь в своем селе Воробьево и с своєю царицею великой княгиней Анастасией) и з братом своим Егорием Васильевичем, и с бояре». (См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 183.)

^{ciii} Сильвестр — священник Благовещенского собора Московского Кремля, духовник молодого царя Ивана IV. В Царственной книге Сильвестру дана следующая характеристика: «В то время был при придворной Благовещенской церкви на сенях некий священник Сильвестр, родом новгородец. Сильвестр был у государя в великом жалованьи и в совете духовном и думном, все мог, все ему повиновались, и никто не смел ни в чем ему противиться из-за царского жалованья, так что он указывал митрополиту, епископам, архимандритам, игуменам, монахам, священникам, боярам, дьякам, приказным людям, воеводам, детям боярским и всяким людям; кратко говоря, всеми делами и властью святительской и царской он распоряжался и никто не осмеливался что-либо сказать или сделать не по его велению. Отправляя святительскую власть, как царь и святитель, он только не имел имени, внешности и престола царского и святительского, а был попом, но всеми всегда почитаем и со своими советниками владел всем». (См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 524.)

В 1553 г. попал в опалу, а в 1560 г. добровольно удалился в Кирилло-Белозерский монастырь; затем в 1560/61 г. был сослан в Соловецкий монастырь, где и умер до 1578 г. (См.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 49.)

^{civ} В другой рукописи — «Антонов огонь».

^{cv} Алексей Федорович Адашев происходил из зажиточного рода костромских Дворян. Многие годы работал в государственном аппарате, сначала был постельничим царя, затем заведовал приемом челобитных. С деятельностью Адашева связаны земские реформы 1540—1550-х гг. Он же возглавил работу по составлению Разрядной книги и Государева родословца, редактировал «Летописец начала царства». В 1555 г. пожалован в околышчи. Руководил также процессом присоединения Казани и Астрахани; вел дипломатические переговоры при подготовке Ливонской войны. Был воеводой Большого полка в походе против крымцев в 1559 г., а в 1560 г. в качестве второго воеводы принимал участие в походе князя А. Курбского.

А.Н. Ясинский приводит документ, из которого видно, что Иван IV возложил Алексея Адашева большие полномочия и надеялся на его справедливость и бескорыстие. «Поручаю тебе, — сказано в этом документе, — принимать челобитные бедных и обиженных. Рассматривая их внимательно, не бойся сильных и славных, похитивших почести и своим насилием губящих бедных и немощных; не смотри на ложные доносы и слезы бедных, клеветующих иногда на богатых, из желания справедливо осудить богатого и выставить себя правыми; но рассматривай все старательно, доводи до нас истину, боясь только суда Божия, назначай судей правых из бояр и вельмож». (См.: Собрание государственных грамот и договоров. Т. 11 № 37. Цит. по: *Ясинский А.Н.* Сочинения князя Курбского как исторический и точник. С. 125.)

В 1560 г. А. Адашева постигла опала в г. Феллине, где он как воевода участвовал в боевых действиях в Ливонской войне вместе с братом Д. Адашевым. Царь обвинил А. Адашева в том, что последний «снял» с него всякую власть и вместе Сильвестром управлял государством. «Адашев был обвинен заочно, без объявления в лицо мотивов опалы, что было противно всем обычаям службы в думных и вообще в высших чинах двора». (См.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 106, 285, 354.) Умер А. Адашев в Юрьеве (ныне Дерпт. — *Н.Э.*) в заточении. (См.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 141.)

^{сvi} Река Куала — более позднее название Кагальник. (См.: *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 239.)

^{сvii} Курбский рассказывает здесь о первом походе на Казань в 1550 г., когда в результате погодных условий поход не увенчался успехом. В Царственной книге это событие отмечено так: «...ино пришло в то время аерное нестроение (аер — воздух, атмосфера. См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб, 1883. Т. 1. Стб. 7), ветры сильные и дожди великие, и мокрота немеренная и вперед ко граду приступать с мокротою не возможно и ис пушек и ис пищалей стреляти не мочно... И великий князь стоял у города 11 дней, а дожди по все дни быша... И царь великий, видя такое нестроение, пошел от града Казани прочь, во вторник на Соборной недели, февраля 25...» (См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 461.)

^{сviii} Летописцы отметили, что в 7059 г. (1551) Иван Васильевич, готовясь к новому походу на «безбожных казанских татар», поставил в устье реки Свияги новый город — Новгород Свияжский, устроив в нем «церкви и христианам жилища». Город покроен на круглой горе «промежь Щучья озера и Свияги-реки». Строился тот город, по свидетельству летописца, четыре недели, частью он был привезен готовым по Волге, а другую часть (половину) «дети боярские своими людьми тотчас сделали». (См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 465-466.)

^{сix} Здесь Курбский описывает события довольно точно. В летописи также отмечено, что как только царь получил известие о походе «крымских людей на Тульские места», то он поручил «идти на Тулу с Коширы правой руке боярину и воеводе князю Петру Михайловичу Щенятеву, да воеводе Андрею Михайловичу Курбскому...». (См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 486.)

^{сx} Река Барыш, другое название — Сарыш.

^{сxi} Предки нынешних мари горных (в отличие от Черемисы Луговой).

^{сxii} Здесь в значении «воеводы».

^{сxiii} Князь Юрий Иванович Пронский-Шемякин из рода князей рязанских от колена Глеба Ростиславича Рязанского. Князь Федор Львов Троскуров из поколения князей ярославских. (См.: *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 240.)

^{сxiv} Шанцы — окопы.

^{сxv} Здесь имеются в виду мортирные орудия.

^{сxvi} Гаковица — слово польское, означающее длинное огнестрельное оружие; ручница — ружье.

^{сxvii} Карачи (тат.) — командиры.

^{сxviii} Пришанцоваться — окопаться.

^{сxix} Гуф (польск.) — отряд.

^{сxx} Князь Александр Борисович Горбатый принадлежал к верхушке правящего боярства. По родословию он восходил к суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу, великому князю Владимирскому. Отец князя Александра был воеводой в Коломне, а затем в Новгороде. Сам князь Александр в воеводах упоминается с 1538 г. В 1544 г. возведен в достоинство боярина. После взятия Казани царь назначил его своим наместником. Казнен в 1565 г. «Тое же зимы (1565) февраля месяца повеле царь и великий князь казнить смертною казнию за великие изменные дела боярина князя Александра Борисовича Горбатого, да сына его князя Петра, да окольничего Петра Петрова сына Головина, да князя Ивана сына Сухово-Кашина, да князя Дмитрия княж Андреева сына Шевырева». (См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 395.) О казни князя Александра Горбатого

имеются сведения и у И. Таубе и Э. Краузе: «Александр Горбатый, коего дочь была за князем Иваном Мстиславским, обезглавлен вместе со своим пятнадцатилетним сыном в 1566 г.». (См.: Послания Иоганна Таубе и Элерта Краузе//Русский исторический журнал. 1922. № 8. С. 31.)

^{сxxi} Гяур — неверный.

^{сxxii} Князь Семен Михайлович Микулинский, потомок великого князя Михаила Александровича Тверского, пожалованный в бояре в 1548 г. Под Казанью был одним из главных героев. (См.: Устрялов КГ. Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 242.) В летописи упоминается в качестве члена Боярской думы. (См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 238.)

^{сxxiii} В Царственной книге история с подкопом описана подробно. Казанцы добывали себе воду из ключа, который достигали с помощью подкопа. Этот подкоп и решено было взорвать с тем, чтобы оставить их без воды. 31 августа «хитрый немец Розмысл» и Алексей Адашев совместно с воеводами стали готовить данную операцию, и 4 сентября она завершилась успешно. Под тайник подвели одиннадцать бочек (у Курбского двенадцать. — Н.Э.) пороха и взорвали его «вместе с людьми казанскими, которые по воду ходили». В результате у татар остался маленький и «смадный поток воды», от которой «болезнь бяше в них, пухли и умираху с нее». (См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 505—506.)

^{сxxiv} Н. Устрялов полагает, что Курбский в данном случае ссылается именно на Царственную книгу, где наиболее подробно дано описание всех казанских походов и непосредственно казанской осады и взятия города.

^{сxxv} Обызы, сеиты, молны — воины, муллы и чиновники.

^{сxxvi} Имипдешы — «сиречь мамичи яж бывает питаеми едином сосцом с царским стронем» — по-видимому, здесь употреблено в значении «молочные братья». (Примечание А.М. Курбского.)

^{сxxvii} Храбрость и мужество Курбского не вызывали сомнения у современников. Летопись многократно отмечала его подвиги, и в частности те события, о которых он здесь рассказывает, также значатся в летописи (Царственной книге): «Князь Андрей Михайлович, выеде из города и вслед на конь и гна по них; они же его с коня сбив и его секоша множеством и поипрша по нем за мертвого многие, но Божьим милосердием последи оздоровел». (См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 513.)

Пискаревский летописец подтверждает это событие: «Князя Андрея Курбского збили с коня, изсекли больно, едва исцеле». (См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 303.)

^{сxxviii} С Вассианом Топорковым беседа состоялась в монастыре на Якроме близ Дмитрова.

^{сxxix} Шурин — брат жены. В данном случае речь идет о братьях царицы Анастасии: Даниле и Никите Романовичах.

^{сxxx} Летопись сообщает, что «в среду третьей недели поста, 1 марта дня (1563) разболелся царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, и бысть болезнь еготяжка зело, и людей звавше, и такс бяше болев, яко многие чаяти: к концу приближается». (ПСРЛ. Т. 13. С. 523.) Государев дьяк Иван Михайлов напомнил царю онеобходимости составления завещания (духовной). Государь ответил, что у него все готово, и потребовал привести всех бояр к крестному целованию «на царевичево Дмитрия имя». Между боярами возникли разногласия, и некоторые из них нехотели целовать крест младенцу Дмитрию («пеленочнику»), так как опасались засилья родственников царицы — Захарьиных. Была выдвинута кандидатура царского двоюродного брата Владимира Андреевича: «хотели его на государство, а царевича князя Дмитрея для младенчества на государство не хотели». Однако какие-то моменты в поведении Владимира Андреевича и его матери Ефросиньи не понравились боярам, и летописец сообщает, что «бояре начата от них беречься и Владимира Андреевича к государю часто не почали поущати». Протопоп Сильвестр в данной ситуации поддерживал князя Владимира Андреевича и «оттоле бысть вражда межи бояр и Силиверстом». По свидетельству летописца, после обвинений Ивана IV своим боярам «а не служити которому государю в пеленицах, тому государю тот и великому не захочет служити», крестное целование младенцу Дмитрию все-таки состоялось. (ПСРЛ. Т. 13. С. 523.)

^{сxxxi} О Максиме Греке подробно см. коммент. 14 к вступительной статье.

^{сxxxii} Израиль по религиозной традиции считался богоизбранной землей, народ которой предпочтен Богом. В русской литературе название этой страны часто употребляется как синоним русского государства — оплота православия, над которым также простирается Божественная десница. Курбский часто пользуется этим приемом, называя в этом смысле Россию Новым Израилем.

^{сxxxiii} Иван IV совершал свой «Кириллов езд» в мае—июне 1553 г., и его в этой поездке в числе приближенных лиц сопровождал и Курбский. Иван IV не послушался совета старца Максима Грека, отговаривавшего от поездки и даже угрожавшего ему гибелью новорожденного младенца Дмитрия.

Царевич Дмитрий действительно погиб из-за небрежности няньки, которая оступилась на сходнях через реку Шексну, и уронила младенца Дмитрия в воду.

^{сxxxiv} Песношский монастырь расположен недалеко от г. Дмитрова на реках Яхроме и Песноше.

^{сxxxv} О Вассиане Топоркове известно, что был он епископом Коломенским. 2 июня 1542 г. митрополит Макарий свел его с престола, поставив на Коломенскую епископию Феодосия, Вассиан был отправлен в Песношский монастырь, где и доживал свои дни. По идеологической ориентации был ярким иосифлянином. На Соборе 1560 г. в числе обвинителей Сильвестра и Адашева, очевидно, был и Вассиан Топорков. (См.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 48—52, 73, 79, 100, 172.)

^{сxxxvi} См.: Ис 14:12-14. «Как упал ты с неба, денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божеских вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему».

^{сxxxvii} Фосфорос (греч.) — Сатана, Люцифер. См.: Русская историческая библиотека.

^{сxxxviii} См 2 Пар 24,1-25. «Гнев Господень опять возгорелся на Израильтян, И возбудил он в них Давида сказать: пойдя, исчисли Израиля и Иуду. И сказал царь Иоаву военачальнику, который был при нем: пойдя по всем коленам Израилевым (и Иудиным) от Дана до Вирсавии, и исчислите народ, чтобы мне знать число народа...и пошел Иоав с военачальниками от царя считать народ Израильский... и обошли всю землю и пришли через девять месяцев и двадцать дней в Иерусалим. И подал Иоав список переписи царю; и оказалось, что Израильтян было восемьсот тысяч мужей сильных, способных к войне, а Иудеян пятьсот тысяч. И вздрогнуло сердце Давидово после того, как он сосчитал народ. И сказал Давид Господу: тяжело согрешил я, поступив так; и ныне молю Тебя, Господи, прости грех раба Твоего, ибо крайне неразумно поступил я. Когда Давид встал на другой день утром, то было слово Господа к Гаду — пророку, прозорливцу Давида: пойдя и скажи Давиду: так говорит Господь: три наказания предлагаю я тебе; выбери себе одно из них, которое свершилось бы над тобою. И пришел Гад к Давиду и возвестил ему и сказал ему: избирай себе, быть ли голоду в стране твоей семь лет, или чтобы ты три месяца бегал от неприятелей твоих и они преследовали тебя, или чтобы в продолжение трех дней была моровая язва в стране твоей? Теперь рассуди и реши, что мне отвечать Пославшему меня. И сказал Давид Гаду: тяжело мне очень; но пусть впаду я в руки Господа, ибо велико милосердие Его; только бы в руки человеческие не впасть мне. [И избрал себе Давид моровую язву во время жатвы пшеницы.] И послал Господь язву на Израильтян от утра до назначенного времени; и началась язва в народе и умерло из народа, от Дана до Вирсавии, семьдесят тысяч человек. И простер Ангел (Божий) руку свою на Иерусалим, чтобы опустошить его; но Господь пожалел о бедствии и сказал Ангелу, пожирившему народ: довольно, теперь опусти руку твою. Ангел же Господень был тогда у гумна Орны Иевусеянина. И сказал Давид Господу, когда увидел Ангела, пожравшего народ, говоря: вот, я согрешил, я, пастырь, поступил незаконно; а эти овцы, что сделали они? Пусть же рука твоя обратится на меня и на дом отца моего. И пришел в тот день Гад к Давиду и сказал: иди, поставь жертвенник Господу на гумне Орны Иевусеянина. И пошел Давид по слову Гада (пророка), как повелел Господь. И взглянул Орна и увидел царя и слуг его, шедших к нему, и вышел Орна и поклонился царю лицом своим до земли. И сказал Орна: зачем пришел господин мой, царь, к рабу своему? Исказал Давид: купить гумно для устроения жертвенника Господу, чтобы прекратилось поражение народа. И сказал Орна Давиду: пусть возьмет и вознесет в жертву господин мой, царь, что ему угодно. Вот волы для всесожжения и повозки и упряжь воловья на дрова. Все это, царь, Орна отдает царю. Еще сказал Орна царю: Господь Бог твой да будет милостив к тебе. Но царь сказал Орне: нет, я заплачу тебе, что стоит, и не вознесу Господу Богу моему жертвы, взятые даром. И купил Давид гумно и волов за пятьдесят сиклей серебра. И соорудил там Давид жертвенник Господу и принес всесожжения и мирные жертвы. И умилился Господь над странною, и прекратилось поражение Израилево».

^{сxxxix} См.: 2 Пар 12:2-7. Ровоам — сын библейского царя Давида, который воцарился после смерти отца. «Когда царство Ровоама утвердилось и он сделался силен, тогда оставил Закон Господень, и весь Израиль с ним». Из-за такого его поведения Израиль едва не погиб от нашествия египтян и был спасен только в результате смирения и покаяния как самого царя, так и его народа. Увидев это, Господь сказал: «Не истреблю их и вскоре дам им избавление и не прольется гнев мой на Иерусалим»

^{cxl} См.: Исх 14:15-16. Здесь Курбский вспоминает библейский рассказ о том, как вывел Моисей израильтян из египетского плена, и, в частности, о том, как Господь помог ему «разделить море»: «И сказал Господь Моисею: что ты вопиешь ко Мне? Скажи сынам Израилевым, чтобы они шли, а ты подними жезл свой и прости руку твою на море, и раздели его, и пройдут сыны Израилевы среди моря по суше...»

^{cxli} См.: 1 Пар 4:40-43. В данном случае Курбский имеет в виду текст, в котором говорится о том, как «во дни Иезекии царя Иудейского перебили кочующих и оседлых... истребили их навсегда и поселились на месте их... сыновья Ишия были во главе их и побили уцелевший там остаток Амаликитян и живут там до сего дня».

^{cxlii} Дионисий Ареопагит — первый афинский епископ, живший в I в. н.э. Емуприписывалось авторство ряда трактатов, но еще в средние века было установлено, что под именем Ареопагита эти трактаты были написаны неизвестным автором (Псевдоареопагитом) значительно позднее, приблизительно во второй половине V в. н.э. В первой половине GX в. Эриугена перевел их на латинский язык. Эти трактаты оказали большое влияние на развитие религиозной и общественно-политической мысли в средние века и эпоху Возрождения.

^{cxliii} О Шереметеве см. подробно коммент. 3 к гл. VII.

^{cxliv} Без ясных дней. Дано пояснение в примечаниях автора по другим спискам, приводимым в разночтениях Н. Устряловым. (См.: *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 60.)

^{cxlv} Сведения Курбского подтверждаются. Река Уржумка впадает в Вятку с правой стороны; Меша, или Мюрша, — в Каму. Разряды свидетельствуют об участии А.М. Курбского в этом походе. (См.: *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 248.)

^{cxlvi} Изюм-Курган — название переезда Северного Донца при устье реки Изюм, под Харьковом. (См.: *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 71.)

^{cxlvii} Великим перевозом называлась переправа на Северном Донце, находившаяся напротив устья реки Бахмут. (См.: *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 71.)

^{cxlviii} Здесь Курбский опять говорит словами Писания, ибо у пророка Исаи (5:8) сказано: «Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так, что другим не останется места, как будто вы одни поселены на земле».

^{cxlix} В 1487—1497, а также 1500—1503 гг. были русско-литовские войны, причины которых заключались в переходе черниговско-северских князей со своими владениями к князю Московскому. В те годы к Русскому государству отошел целый ряд городов с прилегающими к ним землями: Чернигов, Новгород-Северский, Гомель, Брянск и др. Воспользовавшись ситуацией, в 1500 г. литовские войска вторглись в псковские земли, однако потерпели сокрушительное поражение вблизи г. Юрьева (Дерпта). В 1503 г. Иван III заключил шестилетнее перемирие с великим князем Литовским, по которому союзник Литвы — Ливонский орден — обязывался в дальнейшем не чинить препятствий торговле России с Западом и за владение Юрьевской землей, принадлежавшей ранее киевским князьям (Юрьев был построен Ярославом Мудрым в 1030 г. и назван в честь его христианского имени), платить Московскому государству вечную дань. Поводом объявления войны Иван IV посчитал именно несоблюдение условий договора 1503 г. Литовские власти препятствовали западноевропейской торговле Русского государства, всячески задерживая проезд через их территорию приглашенных в Москву мастеров и купцов. Переговоры Ивана IV об уплате дани (она называлась юрьевской данью) успеха не имели. Ливонские представители явились в Москву без дани и не обнаружили намерения ни погашать долг, ни уплачивать его в дальнейшем. Иван IV посчитал последующие переговоры бесполезными и, воспользовавшись ситуацией, объявил войну. В январе 1558 г. русские войска перешли границу и началась длительная Ливонская война (1558—1583). Военные действия открылись с захвата территорий государств Ливонской конфедерации (Ливонский орден, Рижское архиепископство, Дерптское, Эзельское, Вискское и Курляндское епископства). С 1558 г. Российское государство воюет с Ливонией, с 1561 г. с Польско-Литовским государством и Швецией (земли Ливонии представляли большой интерес для всех соседей этих территорий). В 1558 г. русские войска захватили Нарву и Дерпт. В 1559 г. по настоянию А.Ф. Адашева было достигнуто перемирие, во время которого Ливония заключила соглашение с польским королем Сигизмундом III. По этому соглашению Ливонский орден и Рижское архиепископство попали под протекторат Польши (1559). В том же году магистр Ордена (В. Фюрстенберг) был смещен и заменен новым магистром пропольской ориентации Т. Кетлером (он впоследствии перешел в лютеранство и стал первым герцогом Курляндского герцогства). В 1560 г. русские войска одержали ряд крупных побед, были взяты г. Мариенбург (Алускне), Феллин, где хранилась казна Ордена. Препреждавшая путь к Феллину орденская армия была разбита под Эрмесом (Эргемс), а бывший магистр Фюрстенберг пленен. Орден прекратил существование (1560), часть его земель (северная Эстония) отошла Швеции, остальные земли — Польше (Виленский договор 28.11.1561).

В 1563 г. русские войска взяли Полоцк, а в следующем году князь Курбский бежал в Литву (апрель 1564 г.). В 1569 г. произошло объединение Королевства Польского и Великого княжества Литовского в Речь Посполитую (по Люблинской унии). В период с 1573 по 1577 г. русские войска одержали ряд крупных побед, ими были взяты г. Вейсенштейн (Пайду), крепость Пернов (Пярну), сильно укрепленный замок Венден (Цесис) — бывшая резиденция магистра Ливонского ордена.

Однако далее ситуация для России сложилась крайне неблагоприятно, особенно с приходом к власти в Польше нового короля Стефана Батория (1576). Уже в 1579 г. его агрессивная политика по отношению к России проявилась в полной мере — им были захвачены ряд исконно русских городов (Полоцк, Великие Луки и т.д.). В 1581—1582 гг. Баторий предпринял попытку взять Псков, но неудачно.

В этот же период активизировала свою деятельность Швеция — ей удалось захватить Нарву и Корелу. Московское государство, переживавшее опричнину, что сильно сказалось на его обороноспособности, не смогло организовать достойный отпор, и правительство сочло необходимым прекратить войну.

Были подписаны перемирия на крайне невыгодных условиях: в 1582 г. — перемирие в Яме Запольском с Польшей, по которому Россия признавала Полоцк и все ливонские земли за Польшей; в 1583 г. — Плюсское перемирие со Швецией, по которому г. Ям, Копорье, Нарва, Ивангород отходили Швеции. Россия потеряла эти территории на много десятилетий. Ливонская война закончилась полным ее военным поражением.

^{cl} Летопись свидетельствует, что князь Андрей действительно с первых дней войны был на театре военных действий. Так, в начале войны Иван IV поручил «воеводам Шуйским и князю Ондрею Михайловичу Курбскому промыслять над иными немецкими городами» и затем более подробно: князю Петру Ивановичу Шуйскому и боярину Василию Семеновичу Серебряному «велел быти на пять полков: в большом полку князь Иван Петрович Шуйский, да воевода князь Федор Иванович Троекуров, да в большом полку с князем Петром Ивановичем воевода Ондрей Иванович Шеин; в передовом полку боярин князь Ондрей Михайлович Курбский да воевода Данило Федорович Адашев...» Так что здесь сведения Курбского документально точны. (См.: ПСРЛ. Т. 7. С. 299—300.)

^{cli} «В лето 7085 года (1577) ходи государь и великий князь Иван Васильевич всяя Руси со мною силою в Немецкую землю и взял по Двине многие города Кукноси Кесь и Владимирец, и иные города многие... (См.: ПСРЛ. Т. 7. С. 302.)

^{clii} Антипат — наместник магистра.

^{cliii} Административно-территориальное устройство Новгородской республики и управление Новгородом и его землями было построено таким образом: рекой Волховом город делится на две половины — Софийскую и Торговую (Ярославово дворище), а вся его территория на пять концов (Плотницкий, Словенский, Загородский, Неревский и Гончарный). Концы делились на сотни, сотни на улицы. Каждый конец выбирал свое кончанское вече с кончанским старостой во главе. Другие административные единицы также имели свое выборное самоуправление. В свою очередь вся территория Новгородской республики делилась на пять пятин, каждая из которых управлялась одним из пяти концов города.

^{cliv} Южики — родственники. (См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Стб. 1626.)

^{clv} Икономах — иконоборец.

^{clvi} Эти события также нашли отражение в летописи. Сыренск пал 6 июня 1558 г. В мае под Сыренск «пришли воеводы: Данило Федорович Адашев, да Павел Петрович Заболоцкий, да Иван Шарапов Замыцкий, да дьяк Шестак Воронин с нарядом... пришли к Данилу с товарищи голова из Новгорода с людьми Борис Колычев, да Василий Розладин Кваشین». 6 июня «...князец сыренский воеводам добил челом и из города выпросился не со многими людьми». (См.: ПСРЛ. Т. 7. С. 297—298.)

^{clvii} Кесь — название г. Цесис (до 1917 г. — Венден).

^{clviii} Эти сведения также полностью подтверждаются. Летописец подробно описал указанное событие. Всего на Русь, пишет он, двинулось «всех крымских людей и ногайских сто тысяч. И приказал Крымский царь сыну своему и всем с ним князьями мурзам ига таяси от станичников и от сторожей. И через Донец перевезлися низко да х Дону пришли, да шли Доном вверх, и прити было царевичу на Рязань, А к магомютю-улану на Тулу, а Ногайским мурзам и Ширинским князем на Коширу, и воевати разделяся. И как пришли на речку на Мечю за два дня да украйни и тут поймали рыболовей пяти человек и те рыболови сказали, что царь и великий князь на Москве, а в немцы послал. И спрашивал царевич о Вышневецком князе да о Иване Шереметеве в немцах ли, и рыболове сказали Ивана на Рязани, а Вышневецкого на Туле, а князя Михаила Воротынского в Колуге. И Божьим милосердием и Пречистые его Богоматери и великих чудотворцев молитвами приде в них страх и трепет, вскоре воротятся назад на бегство устремится». (См.: ПСРЛ. Т. 8. С. 314—315.)

^{clix} Летопись подтверждает, что в марте месяце 1558 г. царь Иван IV получил известие от своих бояр и воевод «из немец, что ходили в Немецкую землю воевать поего государскому приказу к Риге. И шли в Немецкую землю к Альсту немецкому городку и к Глотину и к Чесвину и воевали попереk верстах на семьдесят, инде насто...» (См.: ПСРЛ. Т. 8. С. 317.)

^{clx} Прешение — запрещение.

^{clxi} Мартин Лютер (1483—1546) — теоретик немецкого протестантизма. Настаивал на реформации католической церкви. Основные положения своего учения изложил в 95 тезисах, которые прибил на дверях церкви в Виттенберге. Отвергал претензии католической церкви на господствующее положение в христианском мире утверждая, что церковь не является посредником между Богом и людьми, а спасение

каждого человека индивидуально достигается при помощи веры и личного общения с Богом (идея о «всеобщем священстве»). Лютер отвергал также авторитет папских посланий, декретов и т.д., противопоставляя им авторитет Священного Писания. Проповедь Мартина Лютера вдохновила общественное движение против католической церкви, в котором приняли участие широкие слои населения. Папской буллой Лютер был отлучен от церкви. Основные положения его учения изложены в трактатах «К христианскому дворянству немецкой нации» (1520), «О рабской воле» (1525), «О светской власти» (1523). Реформатор перевел также Библию на немецкий язык.

^{clxii} Здесь имеется в виду, вероятнее всего, побросали в воду. У Курбского: «а других пометали».

^{clxiii} Константин Константинович Острожский, сын князя Константина Ивановича Острожского. Оба князя прославили себя в воинском искусстве и были известны как непобедимые полководцы. Князь К.К. Острожский был воеводой в Киеве. В г. Остроге он открыл славянскую типографию, в которой работал первопечатник Иван Федоров. В 1581 г. там была напечатана Библия на славянском языке, известная как Острожская Библия. Константин Острожский был очень богат, он владел 100 городами и замками, одной тысячей тремястами деревень. Ежегодный доход его составлял свыше одного миллиона злотых. (См.: История южных и западных славян. М., 1979. С. 157.)

^{clxiv} См.: Мф 18:20. «Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я среди них».

^{clxv} Оглашенные — объявленные в храме идолопоклонники, принимающие христианство. «Оглашенные, изыдите!» — возгласение священника во время литургии; нехристиане обязаны на это время покидать храм. (См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 2. С. 643.)

^{clxvi} Клирик — всякий священно- и церковнослужитель. (Там же. Т. 2. С. 119.)

^{clxvii} Феллин — официальное название г. Вильянди (до 1917 г.), где хранилась вся казна Ливонского ордена.

^{clxviii} См.: ПСРЛ. Т. 8. С. 330. См. также: Древняя российская вивлиофика. Т. 13. С. 310. Разряд 7068 года (1560). «Посланы были под Феллин воеводы: В Большом полку Иван Федорович Мстиславский, Михаиле Яковлевич Морозов, А. Адашев; в правой руке князь Петр Иванович Шуйский и Алексей Данилович Басманов; в Передовом полку князь Андрей Михайлович Курбский и князь Петр Иванович Горенский-Оболенский; в Сторожевом полку князь Андрей Иванович Ногтев-Суздальский и Бутурлин; в левой руке Боярин Яковля Хирон и Мещерский; а также Данило Федорович Адашев». (См. также: *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 255.)

^{clxix} Кнехт (нем.) — вооруженный солдат, подчиненный члену Ордена.

^{clxx} Лк 12:7. «А у вас и волосы все на голове сочтены...»; Мф 10:30. «У вас же и волосы все на голове сочтены».

^{clxxi} Гапсал (Гапсаль) — официальное название г. Хаапсалу до 1917 г., к России был присоединен в 1710 г.

^{clxxii} Ландмаршал — военачальник.

^{clxxiii} Рейтар (от нем. Reiter — всадник) — вид тяжелой кавалерии в европейских армиях в XVI—XVII вв., состоявший преимущественно из наемников-немцев.

^{clxxiv} Курбский имеет в виду направление походов войск крестоносцев — на юг и на север, следуя традиции греческих историков называть полуночными землями европейскую, а также азиатскую часть России, т.е. северные территории, а полуденными — южные земли (греки использовали общее собирательное название — Эфиопия). Из русских историков на это впервые обратил внимание еще Н.М. Карамзин. (См.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. С. 5.)

^{clxxv} Речь идет о вторжении войск крестоносцев в Прибалтику в конце XII—начале XIII в. В 1184 г. бременский архиепископ Гартвик II попытался учредить на прибалтийских землях архиепископство. Однако местные жители (ливы, куры, эсты) отказались от крещения, и тогда папа Целестин III провозгласил крестовый поход, «дав отпущение грехов тем, кто пойдет на восстановление первой церкви в Ливонии». Его инициативу поддержали германский император и датский король, однако истинным вдохновителем крестового похода на восток стал новый папа Иннокентий III (Innocentius) (1161—1216, папа с 1198). Обладая сильным желанием расширить свое влияние и практически установив теократию в Европе, заставив английского короля и некоторых других монархов признать себя вассалами Святой Церкви, папа организовал мощный поход на Прибалтику в 1200 г. Его возглавил бременский каноник, будущий епископ Рижский Альберт I фон Буксгевен. (См.: *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 332, 490.)

^{clxxvi} Сарацины — у античных писателей так называлось арабское население северозападной Аравии; в средневековой Европе это название распространилось на всех арабов и некоторые другие народы Ближнего Востока. (См.: Словарь иностранных слов. М., 1982. С. 44-2.)

clxxvii Рига основана в 1201 г. (по некоторым данным, есть упоминания начиная с 1198 г.) епископом Альбертом I фон Буксгевеном.

clxxviii Ревель — современный Таллин — основан после датского завоевания северной Эстонии ок. 1219г.

clxxix В 1409 г. началась Великая война Королевства Польского и Великого княжества Литовского против Тевтонского ордена. Решающая битва произошла 15 июля 1410г. возле селения Грюнвальд на севере Польши. С двух сторон в сражении участвовало около 60 тысяч человек. Польскую часть войска возглавлял Владислав Ягайло, осуществлявший общее командование. Предводителем литовско-русских войск был Витовт, в состав рати которого входили и смоленские полки, сыгравшие важную роль в битве. Силы Ордена были разгромлены, большинство рыцарей погибли либо попали в плен. В числе убитых был великий магистр фон Юнинген. (См.: *Павленко Н.И., Кобрин В.Б.* История СССР с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 113—114.)

clxxx Полководец Даниил Щеня проиграл битву в сражении под Псковом 13 сентября 1502 г. Победу одержало войско под командованием магистра Ливонского ордена Плеттенберга. (См.: *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 257.)

clxxxi В Псковском летописце сказано, что «царь приказал отсечь ему голову за противное слово». (См.: *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 257.)

clxxxii Жалнер (фр.) — солдат. (См.: *Словарь иностранных слов.* М., 1982. С. 179.)

clxxxiii Это событие получило подробное освещение в летописи: "Тогда же лета (1560) августа в 7 день, в среду на память святого мученика Деомида в пять часов дни, преставися благоверного царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси царица и великая княгиня Анастасия и погребена бысть в Девичьем монастыре у Вознесения Христова в городе у Фроловских ворот. Та бысть первая царица Московского государства, а жила за царем и великим князем полчетвертанадцата году, а остались у царя и великого князя от нее два сына: царевич Иван семь лет, а царевич Федор на четвертом году. Бе же на погребение ее Макарий митрополит всея Руси и Матфей, епископ Крутицкий и архимандриты и игумены и весь Освященный собор, со царем и великим князем братом его князь Юрий Васильевич и князь Володимер Андреевич и царь Александр Сафа-Киреевич и бояре и вельможи. И не токмо множество народу, но и все нищие и все убозии со всего города приидоша на погребение не для милости, но с плачем и рыданиями велием провожающе; и от множества народа на улицах едва могли тело ее отнести в монастырь. Царя и великого князя от великого стенания и от жалости сердца едва под руку ведяху. И роздаде по ней милостыню по церквам и монастырям в митрополии и в архиепископствах и во всех епископиях не токмо по градским церквам, но и по всем уездам много тысяч рублей; и во Царьград и во Ерусалим и во Святую гору и иные тамошние страны и во многие монастыри многую милостыню посла. Бяша по ней плач не мал бе бо милостива и беззлоблива ко всем". (См.: ПСРЛ. Т. 8. С. 328.)

clxxxiv Митрополитом Московским был Макарий с 1542 г. по день смерти в 1563 г. Он родился в 1481 г., рано постригся в монахи, некоторое время был преемником Иосифа Волоцкого на игуменской кафедре в Волоколамском монастыре. В 1526 г. возведен на архиепископскую кафедру в Новгороде. С 1542 г. митрополит, имея большое влияние на великого князя Московского, часто заступался за опальных. В вопросах, касающихся монастырского вотчинновладения, придерживался стяжательской ориентации, утверждая, что все церковные и монастырские имущества «вложены Богови и Пречистой Богородицей и Великими Чудотворцами вданы». (См.: *Николький Н.М.* История русской церкви. М., 1983. С. 74.) Ратовал за строгость и чистоту церковной и монашеской жизни. Под руководством Макария было проведено несколько Освященных соборов: в 1547 и 1549 гг., где были канонизированы около 50 местных святых; Стоглавый собор 1551 г. (о церковном и государственном устройении) и Соборы 1553 и 1554 гг., осудившие ереси Косого и Матвея Башкина.

Известна и большая литературная деятельность Макария: он собирал и редактировал Великие Макарьевские Четьи-Минеи (помесячное чтение житий святых), написал несколько Посланий (царю и войску), составил чин венчания на царство Ивана IV, был также инициатором создания Степенной книги и Царского родословия. С именем Макария связывают и возникновение нового литературного стиля, утвердившегося в Московском государстве в XVI в., - «плетение словес», который стали называть макарьевским стилем.

Макарий умер в 1563 г. «Его смерть была большой потерей как для царя Ивана, так и для всего его дворового окружения. Безупречный в личной жизни, всегда и ко всем доброжелательный, образованнейший книжник своего времени, много сделавший для успехов церковной и летописной литературы, Макарий принадлежал к тем немногим избранным натурам, которые одним своим присутствием облагораживают и поднимают окружающих их людей и своим молчаливым упреком действуют сильнее, чем резким осуждением.

Для борьбы он был слишком мягким человеком, но влияние его на царя долгое время было очень велико. Когда после смерти царицы Анастасии царь утратил душевное равновесие и, по выражению Курбского, «воскурилось гонение великое», Макарий стал терять свое влияние на царя. На Соборе 1560 г. он один решился поднять голос, не столько за Сильвестра и Адашева, сколько за соблюдение обычаев «правого суда» и против заочного осуждения обвиняемых. Боярство не поддержало выступления Макария. Тем не менее последующие годы Макарий старался по возможности ходатайствовать за опальных и вносить примирение в конфликты царя с его дворянами. После Собора 1551 г. Макарий испросил прощение Максиму Греку и разрешение преподавать ему святое причастие. В 1561 г. он выступил ходатаем и поручителем за князя В.М. Глинского, в 1562 г. - за князя Вельского, а в 1563 г. по приглашению самого царя улаживал его столкновение со старицкими князьями». (Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 115-116.)

^{clxxxv} Иоанн Златоуст (345-407) был одним из виднейших деятелей Византийской церкви. (Византия существовала с 392 по 1453 г.) В данном случае Курбский упоминает о критических высказываниях Иоанна Златоуста в адрес императора Аркадия, его жены Евдоксии и всесильного временщика-евнуха Евтропия. Златоуст закончил свою жизнь в изгнании, заглазно обвиненный Собором в Дубе «в возмущении народа против властей».

А.М. Курбский был хорошо знаком с творчеством Златоуста и оно оказало большое влияние на формирование его собственных взглядов, поэтому считаем необходимым кратко изложить основные положения социально-политической доктрины Иоанна Златоуста.

Государство Златоуст рассматривал как единый организм, подчиненный общим задачам и целям, сравнивая его с человеческим телом. Подобно гармонии в человеческом организме должна быть установлена и гармония в обществе. Так, богатых и бедных он рассматривал как две необходимые части, взаимно обслуживающие друг друга: «Как для желудка было бы пороком удерживать у себя пищу, а не распределять ее по всему организму, потому что это бы повредило всему телу, так и для богатых порок удерживать все имущество у себя, потому что это погубит их самих и других людей». Невозможно допустить существование двух градусов: бедных и богатых, поскольку, несвязанные взаимностью, они погибнут. Вначале Златоуст полагал, что альтруизм богатых не позволит им допустить гибели всего общества, но затем разочаровался в их «благих намерениях» и пришел к выводу, что гармония достижима только в результате установления общности имущества. «Там где богатство, там и хищничество, там виден волк, там свирепость, там виден лев, а не человек». Богатые способны выливать целые бочки вина, «не дав бедным ни одного стакана и ни одной монетки и ни одного кусочка хлеба, а целые житницы выбрасывать в реку». Господство общей собственности представляется ему обществом со всеобщей бедностью и всеобщим равенством. Златоуст - сторонник суровой регламентации социальной жизни и ограничений (отрицает театральные действия, спортивные состязания и прочие удовольствия).

Воплощение своего идеала он усматривает в общежитийной монастырской организации, где труд является обязательным и справедливо оплачиваемым. Наиболее почетными и ответственными видами труда епископ Константинопольский считал управленческую деятельность (мысль о том, что политика есть высшее искусство, не чужда ему) и земледелие, обеспечивающее пропитание всего общества. В отличие от Платона Златоуст требует равного уважения к философу, дровосеку, земледельцу и любому другому работнику.

По своим политическим взглядам Златоуст являлся сторонником монархической формы правления, проповедуя традиционно евангельское отношение к власти, подчеркивая ее Божественный характер и назначение в обществе.

Цель власти заключается в поддержании порядка, пресечении зла и вознаграждении добра. «Бог является заступником за власть, когда ей оказывают непокорность». Златоуст осуждает безвластие, считая политическое общество (государство) высшей формой человеческого общежития.

К носителю верховной власти он предъявляет высокие нравственные требования. «Истинный царь тот, кто, властвуя над людьми, умеет властвовать над гневом, завистью, страстью к наслаждениям, кто все в своей деятельности может подчинять Закону Божьему, кто сохраняет свободный разум, кто не позволяет страстям властвовать над ним самим». Такими качествами должны обладать властитель и его чиновники, на которых Златоуст возлагал труд по управлению делами всего общества. Этот идеал Златоуста практически стал формулой в сочинениях средневековых авторов, моделирующих образ правителя христианского типа, и получил большое распространение в трудах русских мыслителей.

Само понятие власть Златоуст расчленил на три элемента: сущность (всегда Божественна), происхождение и употребление. Для сохранения властью Божественного предназначения ее возникновение и употребление (реализация) должны быть законными. Оценка верховной власти подчинена двум критериям: нравственному и юридическому. Правитель и его слуги обязаны реализовать свою власть только на основе закона. Законной реализации власти Златоуст уделяет большое внимание. Будучи юристом по своему

образованию, он подвергает критике судопроизводство в Византии, отмечая взяточничество и продажность чиновнического аппарата; жестокость санкций; несоответствие тяжести преступления суровости наказания и т.п.

Решая вопрос о соотношении властей, Златоуст придерживается традиционного учения о симфонии властей («не слиянно, но и не раздельно»), согласно которому власти, действуя совместно, имеют тем не менее каждая свою сферу приложения сил. Так, светская власть не имеет права вторгаться во внутренний мир человека. Душа недоступна царским повелениям и подчиняется только наместникам Бога на земле. Исходя из этих положений Златоуст категорически возражал против любых политических форм преследования еретиков. Будучи сторонником признания за человеком свободной воли и права на ее самостоятельную реализацию, он возражал против искоренения любых заблуждений насилем, полагая возможным воздействовать на заблуждающихся только советом и наставлением. Всегда лучше самому претерпеть гонения, говорил епископ (в действительности сам неоднократно им подвергавшийся), нежели преследовать других.

Вполне прогрессивными были и его внешнеполитические взгляды. Категорически возражая против кровопролитных войн, он высказал предположение о возможности наступления такого времени, когда все страны и народы будут пребывать во всеобщем мире и только по слухам знать о минувших войнах.

Социально-политическое учение Иоанна Златоуста оказало большое влияние на развитие политической и социальной мысли. Причем если к его социальным взглядам обращались в основном революционные преобразователи общества и особенно коммунисты-утописты, то его учение о верховной власти (три элемента и их назначение), нравственных и юридических характеристиках ее носителя сыграли большую роль в становлении политических взглядов мыслителей как католической, так и православной конфессий в христианской цивилизации.

В России труды Златоуста получили большое распространение. Произведения Златоуста были известны еще в Киевской Руси. В средние века они служили настольной книгой, к которой обращались как еретики (Феодосии Косой, например), так и ортодоксальные мыслители (Максим Грек, Иосиф Волоцкий, Зиновий Отенский, Андрей Курбский, Федор Карпов и др.). В Московском государстве трудно назвать мыслителя, которой в схеме своих аргументаций не ссылался бы на творения Златоуста. Известны даже случаи, когда мыслители использовали цитаты из произведений других авторов, но приписывали их Златоусту как бесспорно почитаемому и убедительному авторитету.¹

^{clxxxvi} Аполлон - бог света, рожденный на острове Делос, сын громовержца Зевса и Латоны. «По всей Греции чтити бога Аполлона. Греки почитали его как бога света, очищающего человека от скверны пролитой крови, как бога, прорицающего волей отца своего Зевса, бога карающего, насылающего болезни и исцеляющего их. Его почитали юноши-греки как своего покровителя».

Аполлон - покровитель мореходства, он помогает основанию новых колоний и городов. Художники, поэты, певцы и музыканты стоят под особым покровительством предводителя хора муз Аполлона-кифареда. Аполлон равен самому Зевсу-громовержцу по тому поклонению, которое воздавали ему греки. (См.: Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1954. С. 32-40.)

^{clxxxvii} Левкий - архимандрит Чудовского монастыря (Чудо архангела Михаила в Хонех) в 1554-1558 гг. Входил вместе с Пименом, архиепископом Новгородским и Псковским, в состав делегации, посланной митрополитом Афанасием к царю в Александрову слободу в 7073 (1565) г. «Митрополит Афанасий... послал к благочестивому царю и великому князю в Александровскую слободу того же дни, Генваря 3 день, Пимена архиепископа Великого Новграда и Пскова, да Михайлова Чюда архимандрита Левкия молити и бити челом, чтобы царь и великий князь над ним, своим отцом и богомольцем и над своими богомольцами, над архиепископы и епископы, и на всем Освященном соборе милость показал и гнев свой отложил... и опалу с них сложил, и на государстве бы был и своим бы государством владел и правил, как ему государю годно: и хто будет ему, государю, и его государству изменники и лиходеи, и над теми в животе и в казни (наказании. - Н.З.) его государская воля». (См.: ПСРЛ. Т. 8. С. 393.) По-видимому, Левкий пользовался доверием царя.

^{clxxxviii} В данном случае игра слов: опричь — кроме, особо, отдельно. Но в значении «кромешный» у И.И. Срезневского есть и иные оттенки: «дьявол... в тьме кромешной и огне негасимом». (См.: *Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 2. Стб. 693, 1329.) Видимо, Курбский использовал оба эти значения и сам создал новый термин — «кромешник».

^{clxxxix} Манассия царствовал в Иерусалиме пятьдесят пять лет «и делал неуютное в очах Господних», за что Господь наказал его нашествием ассирийского царя, и Манассия был закован в кандалы и отведен в Вавилон. Он поклонился Господу и молил его о спасении. И «Бог... услышал его моления и возвратил его в Иерусалим на царство его». (См.: 2 Пар 33:10-13.)

^{сxc} Аксамит — бархат. (См.: *Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1. С. 8.)

^{схсі} Закхей - «начальник мытарей и человек богатый» - обещал Иисусу Христу отдать нищим половину имущества и воздать обиженным от него вчетверо. (См.: Лк 19:2-10.)

^{схсіі} Иван Федорович Шишкин служил в низших чинах государева двора, в Синодике упомянут. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 110,472.)

^{схсііі} Даниил Федорович Адашев - младший брат Алексея Адашева. Служил на ратном поприще. За успешную службу в 1559 г. пожалован в окольных чинах. Был казнен вместе с единственным сыном Тархом в 1562 или 1563 г. В Синодике не упоминается. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 111, 354, 355.)

Петр Иванович Туров - тесть Д.Ф. Адашева, служил в государевом дворе. Казнен в 1560 г. в связи с падением Алексея Адашева. В Синодике не упоминается. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 110, 111, 458.)

Что же касается Сатиных, то, как отмечал Веселовский, Курбский называет только трех из них, тогда как «в частной записи рода Сатиных в Синодике Чудова монастыря показаны «убиенными» еще Варвара, Иван, Макарий и Неронтий». В Синодике опальных царя Ивана Грозного они не упоминаются. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 110, 111, 442.) Курбский связывает эти казни с родством Сатиных с Алексеем Адашевым.

^{схсіііі} О Дмитрие Овчине (Овчине Телепневе Оболенском) упоминания в Синодике нет. Его отец, князь Федор Васильевич Овчина Телепнев, участвуя в военных действиях, попал в плен и умер в Литве в 1534 г. Видимо, этот факт имеет в вину Курбский, когда пишет о том, что верной службой он не выслужил сыну достойной участи.

Известие о смерти Дмитрия Овчины подтверждает Альберт Шлихтинг, который рассказывает о ссоре Дмитрия с царским фаворитом Федором Басмановым, которого он обвинил в предосудительных взаимоотношениях с царем (педерастии). Федор пожаловался царю, и расправа не замедлила последовать, причем в самой коварной форме. Юношу заманили в винный погреб и там его, по приказанию царя, задушили псари. (См.: Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 50-51.)

С.Б. Веселовский считает, что Курбский неточно указывает время смерти Дмитрия Овчины, полагая, что она произошла еще до учреждения опричнины. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 421.) Но сам факт не оспаривает.

^{схсііііі} В Синодике упомянут только Иван Кашин, который «был казнен одновременно с князем Александром Борисовичем Горбатым, П.П. Головиным и князем Дмитрием Андреевичем Шевыревым». (См.: Веселовский С.Б. Список казненных по Синодику и другим источникам // Исследования по истории опричнины. С. 379.)

^{схсіііііі} Князь Дмитрий Иванович Курлятев по обвинению в измене был принудительно пострижен в монахи вместе со всей семьей: женой, сыном Иваном и двумя дочерьми. Курлятев с сыном были сосланы в Коневецкий монастырь, а дочери в Челмогорский (вблизи Каргополя), где они вскоре были умерщвлены. По сведениям Веселовского, князь Д.И. Курлятев пострижен в 1562 г., сослан в Белозерск, где и умер. Иван IV обвинил Д.И. Курлятева в том, что во время его болезни Д.И. Курлятев якобы не хотел присягать младенцу Дмитрию, а «хотел на государство князя Владимира Андреевича». (См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 344, 523.)

В Послании к Курбскому царь назвал князя Д.И. Курлятева «единомысленником» Сильвестра и Адашева (См.: Первое послание Грозного // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 141.) Во втором Послании Курбскому царь обличает Д.И. Курлятева за то, что его дочери одеты и украшены лучше чем царские. (См.: Там же. С. 166. См. также: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 113,404.)

^{схсііііііі} Князь Петр Семенович Серебряный «в списке думных людей показан выбывшим в 1571 г.» В Синодике значится. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 443.) Послужной список князя Петра довольно значителен: воевода в Зарайске, участник тульского, казанского и астраханского походов, воевода в Одоеве, Коломне, Туле, Михайлове, Калуге, Серпухове, Чебоксарах, участник ливонского и полоцкого походов, отмечен в походах в Озерище и в Смоленск. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 443-444.) Устрялов приводит небезынтересный рассказ некоего Гваньини. «Того же вышереченного лета 1570, на празднике Святого Пророка Или, в день той во время обеда сидяше (царь) за столом и едва егда вторую ядь пред его принесоша, тогда ничим возбужденный, вскочи от трапезы и сице к опричникам и слугам своим, яже у него бяху, рече: «идите за мною». Бяше у него тогда единых стрельцов полторы тысячи, иже во время обеда, за двором его в Александровой Слободе стояху. Егда же до града стольного Москвы приидоша, повелел опричникам своим в устроении стать. Близь града того дом мужа избранного, роду древнего, в делах воинских знаменитого и смысла великого, именем князя Петра Серебряного: на той дом повеле оному сонмищу пленничим образом наскочити, самого же князя Петра себе

представити; и токмо едва изрече сице, а тии уже повеление его совершают: понимавше бо его, на предградие извлекоша и Царевы представиша, иде же, кроме всякого достоинства и без оклеветания, ни за что, ни за ово, единому от сотников, Сватору некоему, секирою вскоре главу отсеци повелел ему; потом прочее по воле своей творяще: прежде сам избранные сокровища онного убиенного к своему сокровищу присовокупи, а останки сонмищу онному разграбити повелел; еще же, дабы ничто от движимых не осталось и память его погибла, повелел и дом его дымом на воздух разлить, и сие совершив, на иную страну (сторону. - Н.Э.) града того обратился». (См.: Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. Т. 2.)

^{схcviii} Подскарбий земский (польск.) - казначей. (См.: История южных и западных славян. М., 1969. С. 99.)

^{схсiх} В Синодике упомянуты князья Горбатые Александр и Петр. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 374.) Есть и летописное подтверждение этого факта: «Тое же зимы (1565) февраля месяца повеле царь и великий князь казнити смертной казнию за великие изменные дела боярина князя Александра Горбатого, да сына его князя Петра, да окольничего Петра Петрова сына Головина, да князя Ивана сына Кашина, да князя Дмитрея княж Ондреева сына Шевырева». (См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 395.) С.Б. Веселовский полагает, что даты смерти Ховриных Головиных (1564-1565) также косвенно подтверждают известия Курбского, хотя эти последние в Синодике не значатся.

^{сх} Дмитрий Иванович Хилков-Ряполовский, сын Ивана Хилка-Ряполовского имеет весьма солидный послужной список: в 1543 г. - воевода в Гороховце; в 1546 г. - наместник в Рязани; в 1547 г. -- воевода во Василегороде; в 1550 г. - зачислен в тысячники в Мещере и Свяжске; в 1552 г. - в Коломне, затем в казанском походе; в 1553 г. опять в Коломне; в 1558 г. - в Чебоксарах. Пожалован в бояре. В 1560-1562 гг. - воевода в г. Юрьеве. По новиковскому списку из думных людей выбыл в 1563/64 гг. В Синодике не упоминается. Анализ этого послужного списка и отсутствие упоминаний о Д.И. Ряполовском после 1564 г. представляет возможность с доверием отнестись к сведениям, сообщаемым Курбским. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 438, 468.)

^{схi} С.Б. Веселовский считает, что «в Синодиках не полный список казненных ростовских князей. В разных местах записаны следующие лица: Андрей Катырев, Василий Темкин с сыном Иваном, Ефросинья, жена Никиты Лобанова; Андрей Бычков с матерью, женой, сыном и дочерью; Василий Волк Ростовский; Федор, Осип и Григорий Хилковы...» Веселовский полагает, что и у Курбского неполные сведения о казнях ростовских князей. О казни же Василия Темкина, по свидетельству Штадена, известно, что он был утоплен. (См.: Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 97. См. также Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 434.) У другого современника, Альберта Шлихтинга, о казни ростовских князей написано следующее: «Вслед за тем он умертвил весь род ростовских бояр, более 50 человек. Везде, где только он мог выловить свойственника или родственника его, он тотчас после самого тщательного розыска приказывал убить их. Из семейства ростовских было приблизительно 60 человек, которых всех он уничтожил до полного истребления». (См.: Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного.)

^{схii} Петр Михайлович Щенятев в Синодике не упоминается. «Василий и Петр Щенятевы происходили из одного из знатнейших боярских родов. Сестра Щенятевых была замужем за боярином И.Ф. Бельским. Василий умер в 1549 г. Петр, как родовитый человек, был пожалован сразу в бояре в 1549 г. и при учреждении опричнины царем Иоанном оставлен при себе, в Слободе». (См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 394. См. также: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 473.)

О казни Петра Щенятева пишет Н.М. Карамзин: «Князь Петр Щенятев, знаменитый полководец, думал укрыться от смерти в монастыре: отказался от света, от имения, от супруги и детей; но убийцы нашли его в келий и замучили: жгли на сковороде, вбивали ему иглы под ногти». (См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. Стб. 59.)

Интересные сведения о гибели Щенятева приводит и Н. Устрялов: «Известие Курбского о пострижении Щенятева подтверждается Обиходником Кириллова монастыря; там сказано: «того же месяца (августа) в 24 день по князе Петре Михайловиче Щенятеве, в иноцех Пимен». В Синодике есть имя «кинока Пимена Нероцкого монастыря». По списку бояр, князь Петр Михайлович Щенятев умер в 1568 г. Тау-бе и Краузе также подтверждают его смерть, сообщая, что его засеки. (См.: Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 268-269.)

^{схiii} Устрялов приводит подробное родословие князя Федора Ростиславича: «Федор Ростиславович Ярославский, сын Ростислава Смоленского, внук Мстислава Давидовича, правнук Давида Ростиславовича, праправнук Ростислава Мстиславского, сына Мстислава Великого, в шестом колене потомок Мономахов, до конца XIII столетия княжил в Можайске, был устранен братьями своими от престола смоленского». (См.: ПСРЛ. Т. 4. С. 62.) Около 1294 г. он получил Ярославль, сочетавшись браком с Марией, дочерью и наследницей Василия Всеволодовича, князя ярославского. Бывши однажды в Орде, рассказывают позднейшие летописцы, Федор понравился царице монгольской так, что при виде «святолепного благородия

лица его уязвилось сердце ее». Ему предлагали руку ханской дочери, но он отказался и возвратился в отечество. Между тем Мария умерла; народ объявил ее сына Михаила владетельным князем; Федора же не хотели принять и осыпали упреками («нелепые словеса глаголаша женским умышлением»); тогда он согласился быть зятем хану, который дозволил своей дочери креститься, построил для Федора великолепные палаты в Сарае и дал ему множество городов: Чернигов, Херсон, Булгары, Казань; по смерти же Михаила, возвел его (Федора) на престол ярославский. (См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. Прим. 138.) В 1463 г. обретены его мощи в Ярославле. Церковь чтит его память 19 сентября. (См.: Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 269-279.)

^{cciv} С. Герберштейн в своих «Записках о Московии» пишет: «Михаил по исключительному прямодушию своему и долгу чести неоднократно наставлял ее (Елену Глинскую. - Н.Э.) жить честно и целомудренно; она же отнеслась к его наставлениям с таким негодованием и нетерпимостью, что вскоре стала подумывать, как бы погубить его. Предлог был найден: как говорят, Михаил через некоторое время был обвинен в измене, снова ввергнут в темницу и погиб жалкой смертью». (См.: Герберштейн С. Записки о Московии. С. 88.)

^{ccv} Исследуя эти обстоятельства, С.Б. Веселовский пришел к выводу, что здесь Курбский, по-видимому, упоминает о полоцком походе 1563 г. Однако «неполнота родословия Шаховских и большое количество Иванов в их роде не дают возможности выяснить, о каком Иване говорит Курбский». (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 469.)

Что же касается упомянутых Курбским князей Прозоровских: Василия, Александра и Михаила, то Веселовский отмечает, что в Синодике они не значатся, но по родословицам известны как тысяцкие и воеводы, состоящие на государевой службе. Последнее упоминание о Василии как раз приходится на 1567 г., когда он был на службе в Полоцке, об Александре - на 1566 г. - воевода в Серпухове; Михаиле - на 1565 г. - воевода в Свяжске. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 430-431.)

Что же касается князей Ушатых, то в Синодике упоминается один из них - Даниил Васильевич. «Неполнота родословия Ушатых не дает возможности выяснить, кто из них был еще казнен». (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 154.)

^{ccvi} Князья пронские - Иван Иванович Турунтай и Василий Федорович Рыбин - в Синодике не упоминаются. Но сведения, приведенные Курбским относительно этих лиц, подтверждаются свидетельством И. Таубе и Э. Краузе, которые сообщают, что Турунтай Пронский был забит до смерти палками, а Василий Пронский обезглавлен. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 431. См. также: Послания Иоганна Таубе и Элерта Краузе. С. 41-43.)

^{ccvii} О факте отравления двоюродного брата царя, князя Владимира Андреевича Старицкого, говорится в ряде источников. Подробно об этом сообщают Таубе и Краузе. (См.: Послания Иоганна Таубе и Элерта Краузе. С. 57.) Эти же сведения содержатся и во «Временнике» Ивана Тимофеева: «У царя был двоюродный брат по плоти, сидевший на своем уделе, и он был оклеветан своими рабами, которые уверили царя, что Владимир желал сам получить братний великий жребий - т.е. сесть на царство. Царь, не проверив этих сведений, поверил им и, разжегшись яростью на брата своего, ничего не разбирая на пути своем, набросился на него и отравил его, напоив ядом вместе с женой - все они принуждены были выпить яда смертную чашу по повелению царя. Царь же, сделав это, как будто бы завершив удачную охоту вместе с убийцами, потряс воздух громким криком. Всех слуг его дома, кроме клеветников, замучил различными муками, а над женщинами срамно надругался, что постыдно не только творить, но даже и говорить об этом непристойно. И я не смею открыто обнажать весь стыд венца его, но немного в прикровении словес все же расскажу». И далее Тимофеев свидетельствует, что вместе с Владимиром Андреевичем были убиты его сын и жена, а их имение было присоединено к великокняжеским владениям. (См.: Временник Ивана Тимофеева. С. 23.)

Смерть матери Владимира Старицкого, княгини Ефросиньи, в иночестве Евдокии, подтверждается Синодиком Кирилловского монастыря, в котором сказано: «княгиню иноку Евдокею (оудельная), иноку Марию, иноку Александру... потоплены в Горах в Шексне повелением царя Ивана».

Инока Евдокия - княгиня Ефросинья Старицкая; инока Мария - неизвестная; инока Александра - вдова родного брата царя, князя Юрия Васильевича. (См.: Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. Т. 2. С. 276-277.)

^{ccviii} В рукописи на полях против этого текста значится следующая сентенция: «Трагедия есть игра плачевная, радостью начинается и очень многими бедами и скорбями заканчивается».

^{ccix} В рассказе о М.И. Воротынском сведения Курбского не точны. М.И. Воротынский начинал свою многолетнюю и беспорочную службу в 1543 г. Его послужной список выглядел весьма внушительно. Он дважды ходил на Казань, отличился при казанском взятии, участвовал в ливонских походах. В 1562 г. он подвергся опале и вместе с женой был сослан на Белоозеро в тюрьму. Причину опалы летописец излагает следующим образом: «за изменные дела» царь положил опалу на Воротынских (Михаила и Александра) и

взял на себя их вотчины. В ссылке Михаил Иванович Воротынский пробыл три с половиной года и в апреле 1566 г. был помилован, восстановлен в чинах и получил часть своих владений.

Летом 1571 г. при набеге крымского хана Девлет-Гирея опричное войско показало свою неспособность к отражению врага, и Девлет подошел к Москве и пожег посады; огонь перекинулся через стены и в результате Кремль и Китай-город выгорели. На следующий 1572 год Девлет повторил набег. Иван IV во главе войск поставил М.И. Воротынского, подчинив ему опричное и земское войска. М.И. Воротынский у села Милоди на Серпуховской дороге разбил превосходящее почти в два раза войско Девлет-Гирея. Осенью 1572 г. царь отменил опричнину и запретил даже произносить это слово. Но террор не прекратился и казни продолжались.

В 1573 г., будучи на береговой службе в Серпухове, М.И. Воротынский вызвал чем-то гнев царя, «и царь и великий князь положил опалу на бояр и воевод, на князя Михаила Ивановича Воротынского, да на князя Никиту Романовича Одоевского (из опричных воевод), да на Михаила Яковлевича Морозова, велел их казнить смертной казнью». (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 33, 55, 63-64, ИЗ, 129.)

Никита Романович Одоевский служил в опричном дворе и был казнен в 1573 г. Его сестра - вторая жена князя Владимира Андреевича Старицкого - была казнена вместе с ним. В свое время князь Никита Романович отличился в битве при отражении первого набега Девлета, за что, по-видимому, он и был пожалован в бояре. В Синодике князь Никита Романович Одоевский не упоминается. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 33, 131, 222,422.)

^{схх} Здесь Курбский воспроизводит по памяти тексты Ветхого Завета. (См.: Исх 20:4-6. «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня, соблюдающим Заповеди Мои».)

^{схxi} К текстам Ветхого Завета автор присовокупляет и тексты Нового Завета. (См.: Мф 10:33. «А кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я перед Отцом Моим Небесным».)

^{схxii} См.: Мф 6:13. «И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого: ибо Твое есть царство и сила и слава во веки. Аминь».

^{схxiii} Сведения А.М. Курбского о казни И.П. Федорова-Челяднина подтверждаются другими источниками.

Иван Петрович Федоров-Челяднин принадлежал к одной из самых могущественных боярских фамилий, прямые предки его в течение двух веков были боярами. Современник событий, немец-опричник Генрих Штаден пишет, что «Иван Петрович Федоров-Челяднин был первым боярином и судьей на Москве в отсутствие великого князя. Он один имел обыкновение судить праведно, почему простой люд был к нему расположен». (См.: Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. С. 79.) Штаден подробно рассказывает об издевательствах над Иваном Петровичем перед казнью и надругательстве над его трупом, а также об убийстве его слуг и разгроме многочисленных имений, производимых с личным участием царя почти в течение года. Эти сведения подтверждает и другой современник - А. Шлихтинг. (См.: Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного.)

В Синодике И.П. Федоров-Челяднин упомянут. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 398, 462.)

^{схxiv} См. коммент. 10 к гл. I.

^{схxv} Боярин Иван Васильевич Шереметев Большой прославился своими победами над татарами. С 1563 г. был в опале, так как царь подозревал его в намерении бежать в Литву. (См.: Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 281.) Шереметев постригся (или был пострижен) в Кирилло-Белозерском монастыре, где и умер. В этом же монастыре был похоронен вместе с сыном своим Еремеем. Иван Грозный в своем Послании в Белозерский монастырь выражает явное недовольство тем, что монахи почитали и уважали князя Ивана, полагая даже, что они ради него переменяли «уставы иноческой жизни, необходимые для спасения души», и особенно негодовал на то, что Шереметев, как ему казалось, пришел в знаменитый монастырь со своим уставом, «который стал для монахов крепче, чем Кириллов». (См.: Послания Ивана Грозного. М., 1950. С. 356-357.)

^{схxvi} Н. Устрялов высказывает предположение, что в данном случае упоминается с некоторой путаницей в отчестве (Семен Васильевич Яковля) внучатый племянник царицы Анастасии. (См.: Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 282.)

^{схxvii} Хозяин Юрьевич Тютин упоминается в Синодике. Эти сведения находят подтверждение у Таубе и Краузе, которые сообщают, что брат Марии Темрюковны -• жены Ивана IV - «рассек Тютина, его жену и

сыновей от пяти до шести лет и двух дочерей на мелкие части». (См.: Послания Иоганна Таубе и Элгерта Краузе. С. 206.)

^{ссxviii} Иван Иванович Хабаров, сын Ивана Васильевича Хабарова - потомок Константина Добрынского (жившего во второй половине XIV в.), действительно был очень богат, так как «наследовал вотчинное богатство Федора Симского и Василия Образца... нераздельно». Благодаря матримониальным связям «породнился с такими первостепенными боярами, как князь Иван Дмитриевич Пронский и князь Иван Юрьевич Патрикеев... Словом, у Ивана Хабарова было все, что открывало блестящую карьеру: служба отца и деда, богатство, блестящие родственные связи». Князь Иван (отец) участвовал в ряде военных походов, был наместником в Рязани, оказав большую услугу (дипломатического характера) Василию III во время «нахождения» на Москву хана Магмет-Гирея, затем был воеводой в Коломне и впоследствии в Ростиславле. За участие в казанском походе пожалован боярством. Позже значился на воеводстве в Вязьме и Кашире. Его сын Иван Иванович Хабаров, упомянутый Курбским, стал единственным наследником огромного богатства всех своих предков. Службу начал в стратилатских чинах воеводой в Коломне, затем в Нижнем, Серпухове и опять в Нижнем. В декабре 1552 г. князь Ивана Хабарова «царь и великий князь пожаловал Смоленском...». В 1554 г. Смоленск горел, и этот пожар был поставлен в вину князю Хабарову. «Мало того, эта вина осложнилась какимито обстоятельствами, вследствие которых царь Иван навсегда лишил Ивана Ивановича своих милостей и, не решаясь по каким-то соображениям покончить с ним сразу, обрек его на преследование, которое заставило Ивана Ивановича постричься и в конце концов свело в могилу». (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 320.) В Послании в Кирилло-Белозерский монастырь Иван IV высказывает явно отрицательное отношение к Хабарову. Шереметева и Хабарова он сравнивает с Анной и Каиафой (члены Синаедриона в Иерусалиме, настаивавшие на казни Иисуса Христа), а монахов упрекает за то, что ради этих вельмож, постригшихся в монахи, нарушался монастырский устав св. Кирилла: «Разве же вы не видите, что послабление в иноческой жизни достойно плача и скорби? Вы же ради Шереметева и Хабарова преступили заветы чудотворца и совершили такое послабление. А если мы по Божьему изволению решим у вас постричься, тогда к вам весь царский двор перейдет, а монастыря у вас не будет. Зачем тогда и монашество?...» (См.: Послания Ивана Грозного, С. 356.)

^{ссxix} Родословие Лыковых неизвестно, что же касается упомянутого А. Курбским Михаила Матвеевича Лыкова, то о нем Веселовский приводит такие сведения: Михаил Матвеевич Лыков - сын Матвея Никитича Лыкова, наместника города Радонежа, погибшего при его осаде литовцами. В 1550 г. был взят в избранную тысячу, в 1564 г. пожалован в окольник, в 1570 г. умер. В Синодике не значится. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 459.)

^{ссxx} Стратилат - слово греческого происхождения. Здесь употребляется в значении «военачальник».

^{ссxxi} Подробнее о поставлении и низложении митрополита Филиппа см. коммент. 5 к гл. V

^{ссxxii} В.В. Разладив (Квашнин) был весьма крупным представителем рода Квашниных. В Разрядах он упоминается в 1558 г. вторым воеводой левого полка в ливонском походе, а в 1561 г. - воеводой в Раковоре. На Земском соборе 1556 г. записан «в дворянах первой статьи». Веселовский приводит документальное подтверждение казни Василия Разладина. «Василий Квашнин в местническом деле с Фомой Бугурлиным говорил в 1587 г., что в государстве не стало многих из этого рода и в том числе Василия Васильевича Разладина». В отношении матери Василия Разладина точных сведений нет, но Курбский тоже касательно этих сведений ссылается на слухи и прямо этот факт не подтверждает. Однако несомненно, считает Веселовский, «что опале подвергся весь род Квашниных и буря опричнины и террора разразилась и над ними». Сам В.В. Квашнин-Разладин казнен в Новгороде, а жена его принудительно пострижена. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 276-277.)

^{ссxxiii} В Синодике Дмитрий Пушкин не значится. Там названы Никифор и Докучай. Обстоятельства смерти Пушкиных не выяснены. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 432.)

^{ссxxiv} Крик Тыртов - близкий родственник московского тиуна Г.Н. Тыртова, других сведений о его казни, кроме тех, о которых сообщает А.М. Курбский, нет. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 204.)

^{ссxxv} «Карьера Шейных... сыновей Ивана Дмитриевича была испорчена опалой и казнью Андрея, старшего сына Ивана Дмитриевича». (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 204.) Так что и здесь сведения князя Андрея оказались верными.

^{ссxxvi} «Лев Андреевич Салтыков сделал блестящую карьеру, которая окончилась... насильственной смертью. В 1548-1549 гг. он был пожалован в оружничие и участвовал в казанском походе. В 1552-1553 гг. он получил сан окольного, оставаясь оружничим, а в 1562-1563 гг. стал боярином». Уже в 1564-1565 гг. его сыновья - Михаил и Иван - были в чем-то заподозрены, дали на себя поручные записи в неотезде, а в 1571-1572 гг. их постигла опала. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 441.) У Таубе и

Краузе о Салтыковых сказано: «Льва Салтыкова, ближайшего советника, послал он в Троицкий монастырь, а затем приказал казнить. Федора Салтыкова, своего кравчего, он приказал избить кнутом и держать его до самой смерти в тюрьме». (См.: Послания Иоганна Таубе и Элрета Краузе. С. 54.)

^{ссxxvii} Богдан и Федот Заболоцкие значатся в Синодике.

^{ссxxviii} В Синодике значатся Бутурлины: Иван с сыном и дочерью, Леонтий и Стефан.

^{ссxxix} Федор Семенович Воронцов упоминается в Разрядах 1552 г. как воевода. «В 1538 г. он был углецким дворецким и воеводой на Угре. В 1554 г. он получил боярство и через два года «выбыл», как говорит никоновский список, т.е. был казнен. Сообщение князя Курбского о том, что Федор Семенович был убит по приказанию царя собственным сыном Иваном, который тоже после был казнен, очень сомнительно». (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 224.)

^{ссxxx} «При учреждении опричнины царь Иван взял к себе Сабурова Замятию Кривого, сына окольного Ивана Юрьевича и родного племянника Соломонии» (жены Василия Ш). В опричнине Замятия ничем не отличался и был казнен летом 1571 г. в Новгороде, когда, по свидетельству летописи, царь Иван многих детей боярских «метал» в Волхов. Один частный родословец сообщает: «Замятия бездетен: казнил его царь... в 7079 (1571) г., посадил его в Волхов». (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 232. См. также: Карамзин ИМ. История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. Стб. 87-89.)

^{ссxxxii} Азарий и Андрей Кашкаровы в Синодике не упоминаются. Однако С.Б. Веселовский считает, что такое предположение вполне возможно, поскольку в 1573 г. поместье Азария и Андрея Кашкаровых в Водской пятине отдано Ивану Мотякину и князю П. Ростовскому, когда Азарий был еще жив. Азарий упоминается как послух в одном из актов Троице-Сергиева монастыря. Веселовский полагает, что казнь Кашкаровых следует отнести к 1566 г. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 393-394.)

^{ссxxxiii} Тетерины происходили из старого нижегородско-суздальского рода. В Синодике записаны семнадцать человек Тетериных, в их числе и упомянутые Курбским Василий и Григорий. С.Б. Веселовский сообщает, что «при обзоре карьеры Тетериных обращает на себя внимание, что она обрывается рано, приблизительно в 1550-х гг.» Во всяком случае, гибель Тетериных связана с побегом в Литву Тимохи Пухова Тетерина, племянника Василия. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 454-455.)

^{ссxxxiiii} Данила Григорьевич Чулков в Синодике не упоминается. Иван Иванович Чулков подвергся опале в конце 1570-х гг., но получил разрешение постричься в Ростовский Борисоглебский монастырь. Умер в схиме под именем Ионы. Данила Григорьевич Чулков происходил из старого рода рязанских бояр СидоровыхКовылиных. Многократно принимал участие в военных походах: в Астрахани, в Крыму и на Дону. Сведений о его казни, кроме упоминания Курбского, нигде не содержится. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 467-468.)

^{ссxxxv} Басмановы принадлежали к одной из старейших ветвей рода Плещеевых. Родоначальником их был Данила Андреевич Басманов. Алексей был выдающимся воеводой своего времени, в 1555 г. он пожалован в бояре. Алексей Басманов упоминается в числе «тех злых людей», по совету которых была учреждена опричнина. Федор Басманов, его сын, начал служить около 1563 г., был зачислен в Опричный двор, а в 1568 г. пожалован в кравчие, участвовал в ливонском походе. В 1569 г. был воеводой от опричнины в Калуге. Федор пользовался у царя особой милостью и «обычно подводил всех под гнев тирана». Так, за ссору с Федором был убит царем Дмитрий Федорович Овчина. (См.: Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 51.) В 1565 г. Федор был пожалован боярским чином. Опричник Генрих Штаден свидетельствует о близости к царю обоих Басмановых. «Алексей Басманов и его сын Федор, с которым царь обычно предавался разврату, были убиты». (См.: Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немцаопричника. С. 19.) Был ли действительно Алексей убит своим сыном Федором, неизвестно. «Конец Басмановых загадочен, - пишет С.Б. Веселовский, - в новиковском списке думных людей Алексей Басманов показан выжившим в 1568/69 гг. В Синодике упоминается Алексей Басманов и его младший сын Петр, но был ли Алексей Данилович Басманов убит по приказанию царя сыном Федором, это неизвестно». (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 227.) А.З. Горский сообщает, что «Басманов Алексей по одним известиям умер в ссылке на Белоозере, а по другим - был убит по приказанию царя собственным сыном Федором, который через год, в свою очередь, погиб загадочной смертью». Царь Иван сделал персональные и весьма солидные вклады на помин души Алексея Даниловича Басманова и его сыновей - Федора и Петра. (См.: Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкие Сергеевы Лавры. [Б.г.] Ч. 2. С.61.)

^{ссxxxvi} Курлятевы - ветвь рода Оболенских, зарекомендовавших себя верностью великому князю Василию II в феодальной войне с Д. Шемякой. Из рода Курлятевых первым пострадал князь Дмитрий Иванович, на которого вскоре после ссылки Воротынского «опалился» Иван Г/, как сообщает летопись, якобы «за его великие изменные дела». Князь Дмитрий с женой и детьми были пострижены и сосланы в монастыри: в Коневецкий (мужской) и Челмогорский (женский). (См.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 344.) Упоминаемый Курбским

Владимир Курлятев, казненный около 1569 г., был племянником князя Дмитрия. Владимир Курлятев последний раз упоминается в разрядных списках в ливонском походе, в качестве воеводы левого полка, стоящего в г. Торопце. В Синодике упомянуты, но время их казни неизвестно. С.Б. Веселовский подтверждает сведения Курбского «о погублении» всего рода Курлятевых. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины С. 114,403-404.)

^{сеххvvi} Князя Григорий и Дмитрий Сидоровы происходили из боярского рода рязанских князей и занимали ответственные военные должности в Московском государстве. Сын Дмитрия Иван в 1571 г. был сыном боярским царицына чина на свадьбе Ивана IV. Об их смерти Веселовский сведений не приводит. В Синодике означены имена Сидоровых Третьяка и Юрия, но Веселовский полагает, что с рязанскими Сидоровыми поименованные Третьяк и Юрий никакой связи не имеют. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 441,444.)

^{сеххvvi} Родословие Сабуровых-Долгово, как сообщает С.Б. Веселовский, недостоверно и нет возможности выяснить, кто из этого рода жил в третьей четверти XVI века и в каких родственных отношениях находились упоминаемые по актам и большей частью не упоминаемые в родословии лица. Родовые вотчины Сабуровых-Долгово находились в Костроме и Ярославле. С.Б. Веселовский приводит сведения о переселении этих родов при взятии в опричнину Ярославля. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 440.)

^{сеххviii} Сарыхозины в Синодике не упоминаются, но Марк Сарыхозин бежал в Литву, вполне возможно, что в связи с этим Сарыхозины и были «погублены всем родом», как утверждает А.М. Курбский. Сарыхозины выехали из Орды в Москву, приняли крещение и получили крупные поместья в XV в. В XVI в. в Писцовой книге Бежецкого уезда упоминаются бывшие поместья Сарыхозиных. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 442.)

^{сеххxix} Казариновы упомянуты в Синодике: «Помяни, Господи, Казарина и двух сынов его да десять человек тех, которые приходили на пособь. Федора-Казаринова, инока Никигу-Казаринова». (См.: Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 286.)

^{сехl} Михаил Яковлевич Морозов - выдающийся дипломат, с 1548 г. - окольничий, с 1549 г. - боярин и дворецкий. Казнен в 1575 г. С.Б. Веселовский полагает, что «М.М. Воротынский, Н.Р. Одоевский и М.Я. Морозов входили в число трех главных воевод береговой охраны. Казнь их загадочна». (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 370.) В числе посланных царем поминальных вкладов в Троице-Сергиев монастырь значится и персональный поминальный вклад на имя Михаила Яковлевича Морозова (100 рублей). (См.: Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы Лавры. Ч. 2. С. 61.)

^{сехli} Нехиротонисанные - не рукоположенные в священнический чин. (См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Стб. 193.)

^{сехliii} Афанасий - бывший протоиерей Благовещенского собора и духовник царя. В 1564 г. был по смерти митрополита Макария поставлен на митрополию. Первосвятителем был около двух лет. За это время сделал несколько попыток воздействовать на царя, ходатайствуя о примирении его с опальными боярами, но успеха не имел. При отъезде царя в Александрову слободу митрополит Афанасий возглавил поездку к царю с целью просить о его возвращении в Москву. (См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 393.) Царь условием своего возвращения поставил требование «учинить опричнину» и всех «своих изменников, которые ему государю были непослушны, на тех опалы свои класти, а иных казнити и животы их и статки имати...» (Там же. С. 394.) Митрополит Афанасий не захотел связывать себя поддержкой царя и оставил место главы церкви «по болезни» «за немощью велию». (См.: История СССР с древнейших времен до конца XVII века. С. 191.)

^{сехliiii} См.: 2 Тим 4:2. «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием».

^{сехliv} Агаряне - от имени Агари-египтянки, служанки Сары, по воле которой она родила от ее мужа Авраама Измаила, являющегося по библейскому преданию родоначальником измаильян - восточных народов. (См.: Быт 16:1-3, 8,15.)

^{сехlv} Экзарх (греч.) - архиепископ, управляющий церквами отдельной области. (См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 663.)

^{сехlvi} Действительно, такой случай имел место в начале XIV в. Митрополит Петр был оклеветан тверским епископом Андреем. Патриарх прислал экзарха, который рассмотрел дело и обличил клеветника. (См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. Т.4. Стб. 191.)

^{ccxlvii} На полях рукописи автор, сам комментируя этот случай, написал: «Яко святой Герасим свидетельствует о святой первомученице Фекле, тому подобно звери лютые, медведи, устыдились и стали почитать ее, обратившись через естество в кротость и прочее».

^{ccxlviii} В 1566 г. был поставлен в митрополиты, по просьбе царя, игумен Соловецкого монастыря Филипп (в миру Федор Колычев). Еще при переговорах с царем он ставил условием своего согласия отмену опричнины: «Повинуясь воле твоей, да не будет опричнины, да будет только единая Россия». Однако царь и высшее духовенство уговаривали Филиппа принять сан митрополита, обязуясь при этом «не вступаться в опричнину». 1566-1567 гг. были страшными годами опричнины. Бояре просили у Филиппа заступничества за невинных. Митрополит во время службы в Успенском соборе обратился к царю с просьбой «прекратить проливать кровь христианскую». Царь гневно отвечал митрополиту, усилив на следующий день опричные казни. Затем последовала грозная отповедь Ивана IV митрополиту во время службы в Новодевичьем монастыре, когда царь назвал Филиппа лжецом, изменником и злодеем, а 8 ноября 1568 г. во время службы в храме Успения в Кремле Федор Басманов объявил о лишении митрополита сана. Опричники сорвали с Филиппа одежду, одели в бедное рубище, «изгнаша его из церкви, яко злодея и посадиша его на дровни везуща вне города (Кремля), ругающе и метлами биюще... привезо-ша его в ветошный торг, в монастырь Богоявления. Народ же провожаху его плачуще...». Филиппу был объявлен «судный приговор», обличавший его в тяжких «изменных винах» и приговаривающий его к пожизненному заключению. Затем он был посажен в темницу, куда Иоанн повелел прислать ему зашитую в кожаный мешок голову его племянника (или двоюродного брата) Ивана Борисовича Колычева. В дальнейшем, опасаясь народного заступничества за митрополита, царь приказал отправить его в Тверской От-рочь монастырь, по дороге в которой Филипп претерпел «многу пакость и унижения». (Рукописное «Житие митрополита Филиппа» циг. по: Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. Стб. 63; Примечания. Стб. 43-^14.) В декабре 1569 г. во время новгородского похода Ивана IV царский палач Малюта Скуратов задушил митрополита Филиппа в келье Тверского Строчь монастыря, о чем имеется упоминание в «Житии митрополита Филиппа». (См.: Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. Т. 1. С. 188.) Одновременно подвергались опале и другие Колычевы.

^{ccxlix} На полях рукописи против слова «блзнии» - блзны (обман, соблазн, оболщание. См.: Срезневский ИМ. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. Стб. 112) - поставлено: шуты.

^{cc} В «Истории российских иерархов» указано, что архиепископ Герман (Полев) умер в Москве в 1567 г. от моровой язвы. С.Б. Веселовский сообщает, что Герман не был митрополитом, а поставлен в казанские архиепископы 12 марта 1564 г. Умер в Москве в ноябре 1567 г. от эпидемии. В Синодике не упомянут. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 372.)

^{ccli} Здесь сведения А. Курбского расходятся с имеющимися источниками. Архиепископ Пимен действительно подвергся гонениям, но об утоплении его в реке Волхов ничего не говорится. Во время новгородского погрома, учиненного царем Иваном Г/, на архиепископа Пимена были направлены первые и самые тяжкие удары. Псковская летопись сообщает, что «первое архиепископа Пимена взял в заточение и посла в Тулу, и святую Софию соборскую церковь пограбил...» (Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 115.) За «изменное дело» новгородского владыки Пимена было перебито «без пощажения» и «рассуждения» большое количество новгородских помещиков. (См.: Самоквасов Д.Я. Архивный материал. М., 1909. Т. 2. С. 233-300.) А Шлихтинг считает, что по делу новгородского архиепископа Пимена было казнено 116 человек. (См.: Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 80-83.) В Синодике опальных новгородский архиепископ Пимен не упоминается. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 427.)

^{cclii} Этим сведениям С.Б. Веселовский находит подтверждение в известиях о том, что Андрея Тулупова «не стало в государственной опале», а поместье его в 1571 г. отдано Назимовым. (См.: Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Т. 1.4. 2. С. 35.)

^{ccliiii} С.Б. Веселовский пишет, что «во главе жертв новгородского погрома стояли софьяне - двор владыки Пимена, который в это время возглавляли Цыплятевы-Монастыревы, старинные белозерские помещики». (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 174, 414.) Поскольку все окружение Пимена было разгромлено и многие казнены, то вряд ли стоит сомневаться в сведениях А. Курбского относительно Цыплятева, тем паче что Никита Цыплятев был дворецким владыки Пимена.

^{ccliv} На место Пимена 6 декабря 1571 г. был хиротонисан архимандрит Чудова монастыря Леонид. Он пробыл в Новгороде два года. В 1573 г. приехал на Собор и по приказу царя «удавлен бысть казнию у Пречистой на площади». В Синодике не значится. (См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 407.)

^{cclv} Корнилий- игумен Псково-Печерского монастыря с 1529 г. по 20 февраля 1570 г. В Синодике не значится, но сведения А. Курбского подтверждает летопись. В Пискаревском летописце сказано, что царь и

великий князь Иван Васильевич «многих людей Новгородския области казнил любыми различными казнями: мечем, огнем и водою... И оттоле пошел во Псков и хотел тоже творити, казнити и грабить. И единого уби игумена Корнилия Печерского да келаря». (См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 191.) Курбский пишет о том, что вместе с Корнилием был убит и его ученик Василий Муромцев и их тела были погребены вместе. Возможно, именно о нем пишет летописец, называя его келарем Корнилия.

^{ccclvi} См.: Исх 20:7. «Не произноси имени Господа твоего напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно». Мф 5:34-36. «Я говорю вам: не клянитесь вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий, ни землей, потому что она подножие ног Его, ни Иерусалимом, потому что он город великого царя; ни головою твоей не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным». Иак 5:12. «Прежде всего, братия мои, не клянитесь ни небом, ни землею и никакой другой клятвой; но да будет у вас «да, да» и «нет, нет», дабы вам не подпасть осуждению».

^{ccclvii} Феодорит - духовник князя А.М. Курбского, приверженец нестяжательской ориентации в организации монастырской жизни. Он написал Устав нестяжательского жития, призывая монахов добывать пропитание трудами рук своих. Приблизительно в 1551-1556 гг. был настоятелем Спасо-Евфимьевского монастыря в Суздале, затем был отправлен в Кириллов монастырь, где был архимандритом четыре или пять лет.

Современный исследователь А.И. Гладкий полагает, что именно глава, в которой Курбский повествует о своем духовнике, человеке, с которым он был связан лично, наиболее очевидно доказывает подлинность его «Истории», оспариваемую Эдвардом Кинаном. (См: Keenan KL. Grozny! Apocrypha. The Seventeenth Century Genesis of the «correspondence», attributed to Prince AM. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass, 1917. P. 62-63, 212.) «Трудно предположить, - пишет АИ Гладкий, - чтобы какой-нибудь писатель XVII в. с такой точностью восстановил биографию не слишком заметного деятеля, выяснив даже продолжительность поездки в Константинополь (примерно один год) и архимандритства в Суздале (четыре-пять лет)». К тому же А.И. Гладкий установил, что все описанные факты биографии Феодорита сходятся с источниками.

В 1547 г. Иван IV короновался на царство и добивался утверждения царского титула у вселенского патриарха. Курбский сообщает, что с этой миссией в Константинополь был отправлен Феодорит, который и привез Соборное Послание. Подтверждение этому факту содержится в летописи. (См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 278.) Этот факт обнаружил и С.О. Шмидт в Описи царского архива и Посольского приказа 1614 г. (См. подробно: Гладкий А.И. К вопросу о подлинности «Истории о великом князе Московском» А.М. Курбского. (Житие Феодорита) // ТОДРЛ. Л., 1981. С. 239-241; Гладкий А.И. «История о великом князе Московском» как источник «Скифской истории» А.И. Лызлова. С. 43-50.)

^{ccclviii} Преподобный Александр Свирский - основатель Свирского монастыря на реке Свири. Умер в 1533 г.

^{ccclix} Здесь имеется в виду второй брак Ивана III с греческой принцессой Софьей (Зоей) Палеолог.

^{ccclx} См.: Мф 18:23-35. «Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитать с рабами своими. Когда начал он считать, приведен был к нему некто, который должен был ему десять талантов; а как он не имел чем заплатить, то государь приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить. Тот раб пал и, кланяясь ему, говорил: «Государь, потерпи на мне... Я все тебе заплачу». Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг его простил ему. Раб же тот, вышед, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: «Отдай мне, что должен». Тогда товарищ его пал к ногам его, умоляя, и говорил: «Потерпи на мне и все отдам тебе». Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, видя происшедшее, очень огорчились и, пришедше, рассказали государю своему все бывшее. Тогда государь призывает его и говорит: «Злой раб! Ведь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?» И, разгневавшись, государь отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешение его».

^{ccclxi} Динарии и таланты - деньги в Древнем Риме

^{ccclxii} См.: Мф 10:14. «И если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших...»

^{ccclxiii} См.: Деян 16:27-28. «Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя, думая, что узники бежали. Но Павел провозгласил громким голосом: «Не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь»».

^{ccclxiv} См.: Пс 54:8-9. «Далеко удалился бы я, и оставался в пустыне; поспешил бы укрыться от ветра и бури».

^{ccclxv} Артемий, псковитянин по рождению, первоначально проживал в ПсковоПечерском монастыре, позднее переселился в белозерские пустыни. Какое-то время пребывал в Порфирьевой пустыни. Принадлежал к монашеским кругам, поддерживающим нестяжательские взгляды на монастырский быт. Основатель

доктрины нестяжания Нил Сорский был его любимым писателем. Во время пребывания на Белоозере учениками Артемия были такие известные лица, как Феодосия Косой, старцы Игнатий и Вассиан. Около Артемия образовался кружок нестяжателей, в который входили Феодосии, Порфирий, Иоасаф Белобаев и др. Артемию предложили место игумена Корнильева монастыря, но он отказался. Сильвестр, симпатизируя Артемию, предложил ему стать игуменом Троице-Сергиева монастыря. После долгих раздумий и отказов Артемий согласился, приблизительно в 1550-х гг. Будучи игуменом самого влиятельного монастыря в России, он добился поставления на игуменство Феодорита в Суздальский Спасо-Евфимьевский монастырь. По ходатайству Артемия («умолению») из Тверского Отрочь монастыря в Троицкий монастырь был переведен Максим Грек, где ему были созданы условия для занятия творческой деятельностью. Пробыл Артемий в Троицком монастыре недолго, так как большинство монашеской братии не разделяло нестяжательских взглядов. Артемий вновь удалился на Белоозеро, где пробыл в Порфирьевой пустыни около двух лет. Затем Артемия вызвали в Москву и привлекли к Собору, на котором обвинялся в ереси Матвей Башкин. Артемию удалось оправдаться, однако он ушел из Москвы без разрешения светских и духовных властей, чем сильно разгневал Церковный собор. За Артемием и другим монахом - нестяжателем Саввой Шахом - послали и закованными привезли в Москву. На Соборе против Артемия выступил бывший ферापонтовский игумен Нектарий (о нем как о свидетеле обвинения упоминает А. Курбский), обличая Артемия в богохульстве и «лютеровской ереси». (Эти события Курбский излагает довольно точно.) Против Артемия выступили также троицкие старцы, которые ненавидели его за активную нестяжательскую политику, проводимую им в бытность игуменом Троицкого монастыря. На этом же Соборе также под стражей содержался и Порфирий, который обвинялся в ереси. В конце концов, после долгих споров, Артемий все-таки был обвинен в причастии к еретическим учениям. Он был отлучен от церкви и отправлен на вечное заточение в Соловецкий монастырь. Приблизительно в 1554-1555 гг. он бежал в Литву, где проживал при дворе случкого князя Юрия, и умер в 70-х гг. XVI в. (См.: Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. С. 153-168.)

Иоасаф Белобаев - старец Соловецкого монастыря. Разделял нестяжательскую позицию в отношении вотчинного владения монастырей. На Соборе, обличавшем в ереси Артемия, выступал сторонником последнего.

Порфирий - авторитетный старец, приверженец скитского образа жизни, нестяжатель. За тесное общение с Артемием вызывался в Москву на Собор как ученик последнего, позднее привлекался еще к одному «еретическому делу» - Феодосия Косого. (См.: Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. С. 155, 161, 162, 174, 177, 185.)

По-видимому, А. Курбский хорошо знал подноготную этих Соборов, поскольку его описание всех споров на них и ложных обвинений, возводимых на старцев-нестяжателей, а также тенденциозность решений Соборов подтверждается источниками.

^{celxvi} См.: Деян 16:1; Рим 16:21; 2 Кор 1:1.

^{celxvii} См.: Пс 47:3. «Прекрасная возвышенность, радость всей земли, гора Сион; на северной стороне ее город великого царя».

^{celxviii} См.: 2 Фес 3:10. «Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, то не ешь».

^{celxix} См.: Деян 20:34. «Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших моих при мне послужили руки мои сии».

^{celxx} См.: Мф 13:25. «Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницей плевелы и ушел».

^{celxxi} Действительно, такая Соборная грамота была в 1561 г. прислана в Москву. Ее подписали митрополиты и епископы греческие, и она утверждала Иоанна в царском сане. (См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 8. Прим. 163 к гл. 2. С. 24.) См. о Феодорите коммент. 1 в этой же главе.

^{celxxii} Дмитрий Прилуцкий - настоятель Прилуцкого монастыря в Вологде. На полях рукописи в одном из списков есть текст: «Тот святой Дмитрий князя Константина Острожского от многолетних вериг освободил, которыми он был связан по рукам и ногам, и уже иссохшие руки своим прикосновением исцелил, и когда князь выехал в свое отечество, то этого святого он очень прославлял и почитал и великую любовь к нему имел».

^{celxxiii} См.: Мф 20:22. «Иисус в ответ: «Не знаете, что просите: можете ли пить чашу, которую я буду пить или креститься крещением, которым я крещусь?» Они говорят Ему: можем». См. также: Мк 10:39.